

Р. ЗОНТЕР

НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

ПЕРЕВОД С РУКОПИСИ ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Т. Л. АКСЕЛЬРОДА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

А. ТАЛЬГЕЙМЕРА

П Р И Б О Й
ЛЕНИНГРАД
1928

R. SONTER

DER NEUE DEUTSCHE
IMPERIALISMUS

Ленинградский Областлят № 9815
10 1/2 л. Тираж 8000 (С. 6) 25898/Л).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа является первой попыткой обрисовать в ряде очерков новый германский империализм. От подобной первой попытки нельзя ожидать безупречной полноты и одинаково правильной характеристики каждой отдельной детали. Описать такое явление, как новый германский империализм, отличающийся столь своеобразными, отчасти не вполне выявившимися, отчасти неясными чертами, — задача отнюдь не легкая, хотя бы даже автор намечал лишь общие линии. Да и само описание фактов приобретает в данном случае особый смысл. Дело в том, что существование такого явления, как новый германский империализм, отнюдь не общепризнано. Наоборот, буржуазные партии, вплоть до социал-демократии, а равно и буржуазная наука, упорно отрицают то обстоятельство, что политика современной германской республики носит уже ярко выраженные империалистические черты. Поэтому при описании нового германского империализма необходимо в то же время доказать его существование. Практически — политическое и теоретическое значение этого доказательства для политики рабочего класса совершенно очевидно.

Существование нового германского империализма доказано автором вполне хорошо, и общие контуры намечены им в общем правильно. Мы передадим здесь главные выводы его работы и дополним их несколькими замечаниями.

Автор естественно начинает с экономической основы.

Послевоенный империализм он характеризует как переход от только-что начинающегося, свежего империализма, обладающего еще широкими возможностями развития, к империализму, который все в большей и большей степени становится чисто монополистическим и проявляет поэтому симптомы застоя и гниения:

Это определение основывается на правильном наблюдении, но его нужно было бы более ясно формулировать. Империализм, рассматриваемый в целом, есть период отмирания или упадка капитализма. Симптомы застоя и гниения встречаются, конечно, и в довоенном империализме. В послевоенном империализме они несомненно усилились, хотя прогрессивные черты,

как, например, развитие техники, в этом последнем еще не исчезли. В чем заключаются новые главные черты послевоенного империализма по сравнению с довоенным империализмом? По моему мнению, в следующем:

1. Несмотря на военное поражение германского и австрийского империализма и выход России из ряда империалистических держав, а следовательно и удаление ее из сферы капиталистической конкуренции, мир стал более тесен для империализма, чем до войны. Это произошло прежде всего благодаря колоссальному подъему американского капитализма во время и после войны, затем благодаря общему мировому росту капиталистического производственного аппарата и, наконец, вследствие быстрого капиталистического развития ряда колониальных стран.

2. Монополистический характер внутри капиталистического производства в общем и целом усилился.

3. В теле послевоенного империализма появился зародыш смерти в лице Советской России—государства с преобладающе социалистическим характером производства. Существование социалистического государства среди государств империалистических, первая победа социализма, сумевшего утвердиться,— вот то новое, что еще более подчеркивает упадочный характер послевоенного империализма.

4. Борьба колониальных народов за освобождение от господства империалистических держав расширилась и обострилась. Процесс этот достиг такой степени, что более дальновзоркие буржуазные умы уже предвидят неизбежный конец империалистического господства, а вожди империализма ограничиваются лишь попытками по возможности замедлить и задержать этот процесс и уже не помышляют о том, чтобы восстановить колониальное господство в его прежних формах и в прежнем объеме.

Этот подъем колониальной освободительной борьбы обозначает упадок империализма.

Рост колониальной борьбы за освобождение, несмотря на все ее превратности, временные поражения, паузы, компромиссы и т. д., — основная, определяющая черта послевоенной эпохи.

* * *

После этого автор переходит к тому, чтобы найти специфический экономический базис нового германского империализма. С полным основанием, он не довольствуется общей фразой, — как это делали другие, — что в Германии и до и после войны существовали капиталистические монополии. Новое и специфическое он вполне правильно видит в том, что концентрация германского капитала после войны достигла более высокой степени, чем до войны. Это выражается не только в абсолют-

ном и относительном росте капиталов, собранных в одних руках, но и в форме их концентрации. В довоенной Германии типичными формами были картели и синдикаты. В настоящее время типичной является наивысшая форма собирания капиталов — форма треста. Она и сейчас еще не достигла исключительного господства, но уже приобрела в экономике господствующее значение. Капиталистические колоссы в форме трестов, как, например, германский стальной и химический трест, представляют империалистическую форму современного германского капитализма. Конечно, монополия существовала и до и после войны, но после войны она проявляется в более широком объеме и в высшей форме.

Что касается формы капиталистической монополии в современной Германии, то автор вполне правильно считает неверным говорить о гегемонии одного лишь банкового капитала. По его мнению, мы имеем в данном случае классический пример слияния промышленного и банкового капитала. До известной степени можно даже говорить о слиянии промышленного, банкового и торгового капитала.

Было бы интересно изобразить меняющиеся отношения промышленного и банкового капитала после окончания войны. Инфляция временно дала перевес промышленному капиталу над банковым капиталом. Стабилизация валюты значительно усилила сравнительный вес этого последнего; тем не менее и сейчас нельзя говорить о гегемонии банкового капитала, о которой до известной степени можно было говорить до войны.

В современной Германии импорт капитала еще превышает экспорт капитала; автор справедливо не усматривает в этом такого обстоятельства, которое устраняло бы империалистический характер хозяйства и политики германского капитала. Он указывает на империализм царистской России, фактическое существование которого никоим образом не опровергалось тем, что в России импорт капитала на много превышал экспорт его. Империализм, возникший на основе заемного капитала, не перестает быть империализмом. Можно было бы указать также и на пример Соединенных Штатов Северной Америки до войны. Начало их империалистической карьеры относится к 1898 г. — году испано-американской войны. Однако в эту эпоху и в Соединенных Штатах импорт капитала значительно превышал экспорт капитала.

Господствующая капиталистическая держава, конечно, базируется на перевесе экспорта капитала над его импортом. Но это — лишь самая высокая стадия империализма. Ей могут предшествовать и фактически предшествовали другие стадии; кроме того, как показывает пример Германии, экспорт занятого капитала может, после краха и временного разложения капиталистического хозяйства, стать промежуточной ступенью к новому капиталистическому подъему.

Что касается общих перспектив послевоенного империализма, то по мнению автора возможно временное расширение одних капиталистических государств за счет других, но общей повышающейся линии империализма уже нет. Но в общем понижающаяся линия империализма не во всех случаях одинакова, а точно также обнаруживает колебания.

Что в этой в общем и целом понижающейся линии империализма вообще невозможно абсолютное расширение области империалистического господства, по моему мнению, доказать нельзя. В Африке имеется Абиссиния, пока еще независимая, но являющаяся в настоящее время объектом усиленной империалистической конкуренции. В Южной Америке Северо-Американские Соединенные Штаты на наших глазах вовлекают в сферу своего империалистического господства государства, бывшие до сих пор независимыми. Земли северного и южного полюса пробуждают империалистические интересы. А что касается Китая, то хотя мы, коммунисты, желаем полной победы национальной китайской революции и должны практически всеми силами поддерживать ее, тем не менее и здесь отнюдь не исключаются временные поражения, а следовательно и возможность временного расширения сферы империалистического господства.

Моментом, решающим и определяющим положение послевоенного империализма, является не невозможность временного абсолютного расширения сферы господства империалистических государств, а колоссально возросшее несоответствие между потребностью в расширении всей империалистической системы и средствами, могущими удовлетворить эту потребность. Как мы уже сказали выше, мир стал слишком тесен для империализма.

* * *

Важнейшая хозяйственная база империализма — монополичный характер всего германского хозяйства — по сравнению с довоенным временем также усилилась и ярче выявилась. Именно в этой объективной причине, а не в каких-либо субъективных желаниях и фантазиях и коренится новый германский империализм. На это можно было бы возразить, что ведь и в непосредственно следовавшие за войной годы — 1918 — 1923 — были налицо монополистические основы. Разве из этого факта не следует, что политика Германии была неизменно и непрерывно империалистической? Зачем же в таком случае говорить о новом германском империализме? Разве годы 1918 — 1923 действительно обозначают перерыв империалистической политики германской буржуазии? Несомненно, — во-первых потому, что в эти годы в Германии были потрясены классовые основы империалистической политики, во-вторых потому, что военное поражение и Версальский трактат отняли у Германии военные и прочие способы воздействия практикуемые империалистиче-

ской политикой, и в-третьих потому, что экономическое потрясение и сопутствовавшая ему инфляция привели к уничтожению капитала в денежной форме, денежного капитала. В эти годы буржуазия боролась за восстановление и укрепление потрясенных внутренних основ ее классового господства, за воссоздание военных, экономических и политических средств для проведения новой империалистической политики. Только после того как этот процесс дошел до известной стадии (он еще далеко не закончен), буржуазия снова смогла ставить себе империалистические цели и перейти к империалистической активности. Поворотным пунктом является в этом отношении 1923 год. Решающими моментами были временное прекращение внутренних революционных потрясений, конец инфляции и, следовательно, возможность нового накопления денежного капитала и ослабление тех оков, которые наложил на Германию Версальский трактат. Но граница между старым и новым не очерчена резко. Новая фаза германского империализма имеет двойственный лик и ставит себе двойственные задачи. С одной стороны, осуществляются империалистические цели, с другой стороны, приходится одновременно восстанавливать и расширять политические, военные и экономические средства империалистической политики. Это — отличительная черта современной фазы нового германского империализма, черта, придающая ему характер переходного периода.

Было бы весьма интересно проследить, в каких идеологических формах проявляется переход от первой фазы ко второй: переход от идеологии, кричащей о «гибели Запада», проповедующей уход от мира, пацифизм, преподающей новые откровения насчет сверх-национальных, космополитических задач Германии (например, у Кайзерлинга), к новопробудившемуся чувству мощи и оптимизму германской буржуазии. Впрочем, на этой теме я не буду останавливаться.

* * *

Автор детально и убедительно доказывает империалистический характер политики современной германской буржуазии: империалистическую сущность германской политики, восстановление экспорта капиталов, стремление к приобретению колоний и т. д. Для понимания ситуации чрезвычайно существенно проводимое им различие между империалистическим характером германской политики и империалистической мощью современной Германии. Империалистическая мощь Германии несомненно еще весьма незначительна. Особенной слабостью отличается военная и денежно-капиталистическая база. Это нисколько не устраняет империалистического характера, империалистического содержания и империалистических целей этой политики. Но это обстоятельство используется для замаскирования империалистических воцелений, чем главным

образом и занимается германская социал-демократия. Автор справедливо подчеркивает большое политическое значение этого маскирования. Без той пацифистско-демократической маски, которой германская социал-демократия прикрывает новый германский империализм, он не мог бы обеспечить за собой активную или по крайней мере пассивную поддержку столь значительной части рабочего класса, как это имеет место в настоящее время. Это маскирование нужно даже для известных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции.

Маскированию весьма способствует также маневрирование внешней политики нового германского империализма между «западной» и «восточной» ориентацией — между Англией и Советской Россией. Здесь реальные интересы германской буржуазии требуют сокрытия ее политики от рабочего класса. Чтобы сорвать эту маску, нельзя ограничиваться общими фразами, как это иногда делает наша пресса, что де германская буржуазия уже окончательно сделала свой выбор. Автор по этому поводу весьма правильно замечает:

«Хотя Германия действительно не хочет преждевременно связать себя, по крайней мере до тех пор, пока ей не будет гарантировано удовлетворение ряда наиболее важных требований, тем не менее совершенно ясно, что если не произойдет каких-либо исключительных и мало вероятных событий, она изберет связь с Англией».

Само-собой разумеется, очевидные империалистические цели этих маневров должны быть прослежены шаг за шагом и выяснены на конкретных фактах германской внешней политики.

Как обстоятельно доказывает автор, не подлежит никакому сомнению, что новый германский империализм должен привести к все более и более острому международным конфликтам и что радикальное восстановление империалистической мощи Германии, удовлетворение ее колониальных стремлений и т. д. в конечном счете невозможны без серьезнейших военных потрясений. Это еще не исключает долгих и сложных маневров, имеющих целью достичь частичного успеха путем использования противоречий, с одной стороны, между прочими империалистическими государствами, с другой — между всем вообще капиталистическим миром и Советской Россией. Фактические частичные успехи, которых Германия до сих пор добилась в области внешней политики, были достигнуты именно этими средствами, и вполне возможно, что этим же путем удастся достичь еще кое-каких новых успехов. Но это обстоятельство не должно вводить в заблуждение германских рабочих: радикальный поворот в положении нового германского империализма немалым без новой войны, которая охватит весь мир и будет еще более опустошительна, чем последняя.

Из этого следует, что германские рабочие должны выступить против политики нового германского империализма не в тот

лишь момент, когда она фактически доведет до новой мировой войны и будет вынуждена сбросить свою мирную маску, а должны выступать против нее уже теперь, когда она, по достаточно веским основаниям, еще прибегает к пацифистским средствам и носит личину миролюбия. Они должны понять, что неразрывная цепь причин ведет от теперешнего «мирного» нового германского империализма к новой мировой войне, и должны научиться различать внешний фасад — временные мирные средства воздействия — от подлинной сущности и от неизбежного результата этой политики.

* * *

Маневры и зигзагообразные движения нового германского империализма обусловлены, однако, не только его международным положением, но отчасти и группировками внутри самой германской буржуазии и противоречиями интересов внутри этих групп. Конечно, мы имеем здесь в виду группировки в империалистическом лагере. Сами по себе они отнюдь не являются чем-то новым. Такие группировки с различными тенденциями имелись в империалистическом лагере уже до войны. Они обнаружались с полной ясностью и во время войны, когда боролись два направления внешней политики — ориентация на запад и ориентация на восток. Современные группировки в лагере германского империализма не совпадают с теми, какие имели место во время войны, но отчасти имеют с этими последними некоторую связь. В настоящее время автор подмечает три главных группы и тенденции. Во-первых, группу финансового капитала, во-вторых крыло, состоящее из крупных аграриев и капиталистов, и, в-третьих, группу обрабатывающей промышленности, еще не приобретшей монополистического характера. Далее, внутри промышленности имеют значение взаимоотношения между тяжелой промышленностью в собственном смысле слова и химическим трестом.

Что касается современной мелкой буржуазии, то ее отношение к новому германскому империализму до чрезвычайности разнообразно. Часть интеллигентов в настоящее время настроена анти-империалистически. Такая позиция до некоторой степени объясняется последствиями мировой войны (особенно в отношении известной части интеллигенции), но главным образом тем, что эти интеллигенты ясно видят общее понижение империалистической линии развития и понимают, насколько слабы перспективы нового германского империализма. Другая часть мелкой буржуазии обнаруживает колеблющееся отношение к империализму. Третья часть, как, например, техники и т. п., экономически заинтересована в империализме. Наконец, имеются ярко выраженные фашистские группы (студенты, офицеры и т. д.).

Отношение рабочего класса к новому германскому импери-

ализму в общем ухудшилось, хотя социал-демократия и является его союзником. Рабочая аристократия, на которой главным образом базировалось империалистическое разращение рабочего класса до войны и во время войны, обнаруживает тенденцию к численному сокращению. Рационализация относительно уменьшает число высоко квалифицированных рабочих, ибо она разлагает сложные трудовые операции на простые частичные процессы. Капитализму теперь труднее, чем до войны, давать особые привилегии отдельным группам рабочих. Вместе с тем растет давление капиталистических монополий на рабочего (да и не только на рабочего), поскольку он является потребителем. Все это в конечном счете с избытком компенсирует услуги, оказываемые социал-демократией новому германскому империализму, и в конце концов, несмотря на всевозможные более или менее длительные колебания, должно подкопать в пролетарских массах ту основу, на которой зиждется социал-демократическое пособничество империализму.

* * *

Скажем в заключение несколько слов о внутренней политике нового германского империализма.

Здесь прежде всего интересно отношение финансового капитала к фашистским союзам и фашистским методам. Автор говорит по этому поводу следующее:

«Финансовый капитал стал организатором фашистских союзов и главным образом наиболее сильного из них — организации Стального шлема. Особенность этой организации состоит в ее двойственном характере: она стремится, с одной стороны, быть внутренней гвардией финансового капитала, а с другой стороны — играть роль подсобной организации германской армии. Кроме того, Стальной шлем, наиболее крепкое ядро которого рекрутируется из фашистской мелкой буржуазии, всеми способами старается проникнуть в ряды рабочего класса... Третья особенность — это то, что Стальной шлем организован на базисе предприятий».

Далее автор говорит:

«Однако эти новые методы фашистской борьбы против рабочего класса на известной стадии своего развития естественно должны оказать существенное влияние на форму государственного устройства и на так называемый демократический уклад нового германского государства. На определенной ступени эта борьба против рабочего класса должна в то же время стать борьбой против существующего государственного порядка. Она будет направлена не против существующего правительства, а, наоборот, само это правительство с помощью фашизма приступит к изменению существующей государственной формы или демократии... Поэтому, хотя относительно борьбы против социал-демократии и реформистских рабочих союзов среди пред-

ставителей финансового капитала имеются различные мнения, тем не менее в одном отношении наблюдается полное единодушие: если порвутся все узы, связывающие рабочий класс, придется провозгласить фашистскую диктатуру, т. е. открытую, ничем не затушеванную диктатуру финансового капитала. Это произойдет в том случае, если «порвутся все веревки», т. е. если благодаря методам усиленной эксплуатации и обострению хозяйственных и политических конфликтов, характерных для нового германского империализма, рабочее движение радикализируется и станет угрожать стремлениям нового германского империализма...»

Для конкретного понимания внутренне-политических тенденций нового германского империализма нужно прежде всего понять, что в Германии мы имеем дело не с итальянским фашизмом.

Автор указывает на это различие и замечает: «Сила старого фашистского движения в Италии и германского фашистского движения 1923 года покоилась как раз на том, что фашизм казался мелкой буржуазии движением совершенно новым, не зависимым от финансового капитала, стоящим над партиями и обладающим революционными тенденциями. Тяжелый кризис вызвал в Италии переход фашизма в лагерь финансового капитала; теперь, когда так называемый героический период фашизма миновал, этот переход начинает и в Германии становиться исходным пунктом фашистского движения, прежде чем это последнее стало играть решающую роль».

Итальянский фашизм имеет то общее с бонапартизмом Луи-Наполеона (хотя в других отношениях разница между ними весьма велика), что в данном случае буржуазия отказывается от власти в пользу авантюриста и его банды и подчиняется ему, чтобы с его помощью поработить рабочий класс и бунтарские слои мелкой буржуазии. При режиме итальянского фашизма буржуазия тоже господствует, но не управляет. Содержание режима Муссолини определяется главным образом финансовым капиталом, — программа всеобщего счастья народных масс в данном случае, как и у Луи-Наполеона, была лишь средством, чтобы захватить власть, став во главе массового движения, — но осуществление власти, управление страной, находится не в ее руках. Это различие формы имеет существенное значение.

В 1923 году попытка германской «народной» организации (фелькише), руководимой Гитлером и Людендорфом, собственными силами провести свою программу вопреки воле крупной буржуазии, кончилась, как известно, жалким крахом. Крупная буржуазия предпочла остаться на почве демократической республики. Это обеспечило ей содействие социал-демократии при ликвидации революционного брожения 1923 года и помогло расколоть рабочий класс, между тем как опираясь на Гитлера и Людендорфа она рисковала бы вызвать против себя поход всего

рабочего класса. Кроме того, учреждение в Германии «национальной диктатуры» вызвало бы сильный протест Франции и, следовательно, явилось бы препятствием для заключения компромисса с французской буржуазией. Получить американские кредиты при существовании национальной диктатуры также представлялось невозможным.

Современный германский фашизм есть поэтому, главным образом, дело рук крупной буржуазии, финансового капитала, — он непосредственно подчинен ей и плывет под республиканским флагом. Если германская буржуазия прибегнет к фашистским методам управления, она будет не только господствовать, но и непосредственно править страной. В этом отношении различие с Италией настолько велико, что мне кажется вряд ли правильным переносить термин «фашизм» на явления германской действительности.

Вопреки товарищу Зонтеру я также не считаю вероятным, что «национальная диктатура», если она осуществится, будет сопровождаться монархической реставрацией. Наоборот, я думаю, что она постарается сохранить республиканскую внешность. Для буржуазии вредные последствия монархической реставрации значительно больше, чем сулимые ею выгоды, — и в области внешней, и в области внутренней политики. За предоставление правительственной власти юнкерству и близкой к юнкерам бюрократии германская буржуазия заплатилась поражением в мировой войне. Она вряд ли захочет повторить этот эксперимент и отказаться от самостоятельного руководства своими политическими делами. Во-вторых, республиканская внешность является для нее огромным плюсом в ее отношениях с социал-демократией и теми слоями рабочего класса и мелкой буржуазии, которые находятся под влиянием этой последней. Наконец, шелест монархического флага вызвал бы сильнейшую тревогу во Франции. Гинденбург не есть символ предстоящего восстановления монархии, т. е. восстановления юнкерско-бюрократическо-военной гегемонии, — наоборот, он знаменует подчинение юнкерства и его подголосков власти крупной буржуазии.

Но если национальная диктатура сохранит республиканскую видимость, она, конечно, станет от этого не более безвредной, а еще более опасной.

Итак, новый германский империализм и в смысле внешней и в смысле внутренней политики проявляет новые черты. Для революционной партии рабочего класса чрезвычайно важно своевременно выяснить и его содержание, и его форму, дабы обещать и революционную партию, и рабочий класс от сюрпризов и неправильных практических шагов.

Настоящая работа Зонтера в значительной мере помогает разрешить эту задачу.

А. Тальеймер.

Москва, 19 февраля 1928 года.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОСТА- НОВКИ ВОПРОСА.

Если сравнить Германию 1919—1923 годов с Германией 1925—1927 годов, то обнаружатся поразительные различия как во внутреннем состоянии и мировом хозяйственном значении немецкого капиталистического производства и немецкого государства, так и в классовых силах пролетариата и буржуазии внутри страны и в их удельном весе в международном соотношении революционных и реакционных сил. Тогда Германия представляла собою страну, экономически-организационный базис которой был основательно поколеблен, частично даже разрушен, производительные силы которой благодаря этому понизились, а способность выдерживать интернациональную конкуренцию стала весьма незначительной или же усиливалась только благодаря исключительным условиям, коренившимся в инфляции; Германия была тогда страной, государственная организация которой внутри стояла непосредственно перед прямой угрозой распада, а во внешней политике стала объектом борющихся между собою победоносных сил. На ряду со значением немецкого государства, как более или менее богатого объекта эксплуатации, его положение держалось преимущественно благодаря той опасности, которую оно представляло для капиталистического мира,— опасности превращения его в революционный очаг, который в союзе с уже совершившейся русской революцией мог бы зажечь пожар во всем мире.

В противоположность этому, в настоящее время немецкий капитализм опять стал серьезным фактором в экономической конкуренции и борьбе различных капиталистических группировок, что особенно сильно почувствовала Англия в 1926 году. И германское государство тоже опять начинает становиться международным фактором, заслуживающим внимания. Теперь ему уже не навязывают, как тогда, условий, которые оно должно подписать к определенному сроку; теперь Италия, Франция, а частично и другие государства, заключают с этой самой Германией тщательно продуманные договоры. А в обостряющемся конфликте между Англией и Советской Россией начинает все более возрастать и значение германского государства в мировой политике. Что касается классовых отношений в Германии,

то сейчас там опять имеется ряд капиталистов, не лишенных известного значения, для которых опасность революции уже вовсе не существует. Во всяком случае сила классовой борьбы несомненно ослабела сравнительно с послереволюционными годами и с 1923 годом, — эпохой последнего крупного отголоска революции. По сравнению с этими временами мощь германского пролетариата значительно понизилась. Чисто внешним симптомом ее падения является теперешняя позиция капиталистов по отношению к социал-демократии и реформистам. Если в то время Стайнес и Гинденбург рады были вступить с Лёгьеном и Эбертом в соглашение о сотрудничестве, то теперь социал-демократия радуется возможности, исходя из предложения крупных промышленников, сделанного устами Зильверберга, представить вниманию предпринимателей новую теорию этого сотрудничества, созданную теоретиком II Интернационала Гильфердингом («Общество», 1926). Все эти перемены, обнаруживающиеся в приведенных примерах и происшедшие в течение последних нескольких лет, являются не только количественными изменениями в сфере немецкого капиталистического производства, торговли и обмена. Но и простое констатирование того факта, что речь идет здесь именно об усилении относительной хозяйственной и политической стабилизации, тоже не многое может уяснить в имеющемся налицо качественном различии. Эти изменения являются также симптомом того, что Германия вновь переходит из положения страны, потерпевшей экономический и политический крах, страны политически несостоятельной с некоторыми даже чертами национального угнетения ее другими капиталистическими государствами, к капитализму, снова реорганизуемому на империалистической базе, и превращается в державу, выступающую на арене мировой политики в виде империалистического государства с растущей активностью и самостоятельностью.

Итак, окидывая взором последние годы, мы сталкиваемся с политически очень важным, но и теоретически очень интересным явлением, заключающимся в том, что высоко развитая империалистическая страна, потерпевшая крах в мировой войне, вновь вступает на путь империалистического развития, несмотря на исключительные препятствия. — Доказательство того, что так и есть на самом деле (а оно должно быть предпринято в настоящей работе), конечно, тесно связано с доказательством справедливости того тезиса, что — в противоположность не только буржуазным взглядам, но и точке зрения II Интернационала — в эпоху империализма для высоко развитой капиталистической страны существует лишь следующая альтернатива: либо зависимость от великих империалистических сил и связанное с нею экономическое и политическое ничтожество, либо активное участие в империалистической борьбе за власть. Третьего решения проблемы при наличии капиталистического

базиса быть не может. Выход из этой дилеммы — только в социалистической революции. — Но точно так же, как на почве капитализма не может осуществиться то идеальное с социал-демократической точки зрения положение, при котором страна не является ни зависимой, ни империалистической, так и этот новый немецкий империализм не может быть качественно тождествен с империализмом довоенной поры. Этот империализм уже не может развиваться в прежнем направлении не только в силу военных и революционных событий, имевших место после 1914 г., и не только в виду совершенно изменившегося положения в сфере мировой политики, но еще и потому, что и сам империализм, как этап капитализма, тоже видоизменяется в ходе своего собственного развития. Эти видоизменения заключают в себе переход от первоначального свежего империализма с еще богатыми возможностями развития в области роста производительных сил и завоевания новых областей экспансии к империализму, который характеризуется чисто монополистическими чертами, т. е. признаками загнивания и застоя. Реакционные черты капитализма империалистической эпохи должны приобретать все большее и большее господство над прогрессивными сторонами, свойственными еще свежему, молодому империализму.

В-третьих, этот пример Германии должен еще раз показать, как неразрешимы в рамках капитализма все попытки империализма преодолеть свои противоречия, — хотя бы даже путем уничтожения миллионов людей, миллиардов ценностей и целых стран. Даже эта гигантская попытка — при помощи мировой войны как-то выйти на дорогу, т. е. разрешить противоречия, оказалась бесплодной. Через 10 лет Германия вновь начинает выступать в качестве империалистической силы, чтобы дать мощный толчок к расширению тех противоречий, которые уже и без наличия империалистической Германии ведут к катастрофам; а это значит, что уже одно выступление Германии, как новой империалистической силы, заново ставит вопрос о новом переделе мира, несмотря на уже совершившийся путем мировой войны раздел его. Итак, если окажется, что Германия действительно опять развивается империалистически, то уже на одном этом примере (не говоря о прочих многочисленных примерах) должна обнаружиться вздорность теории сверх-империализма.

В-четвертых, должен быть разрешен вопрос о роли немецкого пролетариата, — как о его позиции в неизбежном грядущем конфликте, в котором Германия будет играть весьма активную роль, если ее империалистическое развитие пойдет вперед тем же темпом, что в последние годы, так и о его отношении ко всей внутренней и внешней политике немецкого капиталистического государства. Само собой разумеется, что немецкий пролетариат по отношению к империалистической Германии вынужден будет применять иную тактику классовой борьбы, направленную к завоеванию власти, чем та, которую

он мог применять по отношению к угнетенной, политически-несвободной, хотя и капиталистической Германии.

В-пятых, тем самым, конечно, сейчас же ставится вопрос о роли II Интернационала и о его отношении к обоим враждебным лагерям, — к империалистическому и антиимпериалистическому фронту. Превращение Германии в империалистическую державу неизбежно заставит немецкую социал-демократию и II Интернационал тоже ответить на этот вопрос.

В-шестых, должно постепенно произойти изменение в отношениях между важнейшим антиимпериалистическим фактором, Советским Союзом, и этим оживающим немецким империализмом. Если раньше отношение Германии к СССР в значительной мере определялось общностью угнетения обеих стран крупными империалистическими державами, то теперь это отношение должно видоизмениться в том направлении, что для империалистической политики Германии СССР все более будет становиться лишь фактором, который может быть так или иначе использован в целях этой политики. А это значит, что с ростом империалистических тенденций в Германии отношения между антиимпериалистическим немецким пролетариатом и Советским Союзом должны становиться всё более тесными.

Далее, особую сторону всех этих затронутых здесь проблем, связанных с вопросом о новом немецком империализме, представляет собой вопрос о роли Германии в грядущей войне или в грядущих войнах, неизбежно связанных с империализмом. С этим опять-таки связан вопрос об отношении II Интернационала и в особенности германской социал-демократии к войне, а также и вопрос о тех уроках, какие вынес немецкий и международный пролетариат из последней войны относительно грядущих военных конфликтов, поскольку они стоят в связи с тем, что Германия вновь выдвинулась в качестве империалистического фактора. Эти вопросы неизбежно должны быть сведены к более конкретному вопросу о тех мерах и формах борьбы, которых должен придерживаться именно немецкий пролетариат, идя навстречу надвигающейся войне.

Перечисленные здесь проблемы, раскрытие их сущности и их роли и разрешение поставленных здесь вопросов и составит содержание этой работы. *

---

* В настоящей работе, трактующей специальный вопрос, не рассматривается теоретическая сторона проблемы империализма, а потому и не высказано никакого определенного отношения к теоретическим взглядам Розы Люксембург об аккумуляции капитала и империализме, к разбору этих взглядов Бухаринным в его работе «Империализм и аккумуляция капитала» и наконец, к новейшей работе Штернберга («Империализм») тем более, что этот последний, хотя и исходит из некоторых ложных предположений, тем не менее столь же мало оспаривает порождающий конфликты и войны характер империализма, как и оба другие автора, а потому не делает никаких пацифистских выводов относительно практической борьбы, обманывающих рабочий класс, как это делает социал-демократия.

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС НОВОГО НЕМЕЦКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

Для существования нового немецкого империализма необходимы определенные экономические предпосылки. Можно считать, что эти экономические предпосылки или этот экономический базис нового немецкого империализма налицо в том случае, если немецкому капитализму присущи следующие основные черты: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе «этого финансового капитала» финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» (Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 72. Гиз, 3-е издание). Но при решении перечисленных здесь отдельных вопросов мы не должны забывать, что пока мы поставили здесь только вопрос об «экономической сущности империализма» (Ленин, «Империализм...». Предисловие к русскому изданию 1917 года). Таким образом нам предстоит еще решить и дальнейший вопрос не только об экономическом базисе, но и о новом немецком империализме, как проявлении этого хозяйственного базиса в процессе конкурентной борьбы монополистического финансового капитала, которую он ведет при помощи находящегося в его распоряжении государственного аппарата. А это есть вопрос о проявлении империалистического базиса во внешней и внутренней политике Германии.

A. Первая предпосылка: монополизация.

Упомянутое качественное разграничение, проводимое в пределах самого империалистического этапа, оправдывается теми количественными и качественными изменениями, которым процесс монополизации подвергается в ходе своего развития.

Монополия проявляется в весьма различных формах. Иногда она выступает в форме слабой связи между предприятиями, во всех прочих отношениях самостоятельными, при чем эта связь часто является лишь временной и ведет большею частью только к соглашениям, регулирующим цены. В других случаях она принимает форму синдиката, регулирующего не только цены, но и количество продукции и связанного также и в других отношениях более тесными соглашениями, и, наконец, восходит к тресту, т. е. к строжайшему централизованному объединению мощных комплексов предприятий, иногда даже к полному их слиянию в одно единое предприятие. Такое трестирование представляет собой несомненно самую развитую, высшую форму монополий, дальнейшая эволюция которой в общем может протекать лишь в рамках количественного роста вплоть до охвата абсолютного большинства продукции целых отраслей промышленности. В исследовании о монополизации немецкого капитала эти разграничения должны быть приняты во внимание. Они важны для суждения о характере не только монополизации, но и нового немецкого империализма. Послевоенный крах немецкого капиталистического государства и прекращение его существования, как самостоятельной империалистической державы, объясняется не только уничтожением политической надстройки империалистического хозяйственного базиса, — теми препятствиями, которые ставились проявлению стремлений финансового капитала, — не только разоружением, лишением Германии всех колоний и всяческими притеснениями во внешней политике, и не только революционными потрясениями внутри страны. Империалистический крах Германии был глубже. Та «смирительная рубашка», которую надели на Германию в области политики, лишила немецкий империализм важного хозяйственного базиса в сфере концентрации и монополизации, развивавшейся перед войной и во время войны. Концентрация и крупные монополии, по крайней мере в тяжелой индустрии, должны были в результате мирного договора потерпеть крах. Как раз самые крупные объединения — Стиннеса, Кирдорфа, Тиссена, Круппа и т. д. — были построены на сочетании рурского угля с эльзас-лотарингскими металлами; особенно сильно расширили они этот свой базис во время войны, втянув в сферу своего влияния некоторые области по французско-германской границе, где производится добывание металлов. Установление новых границ после войны и насильственное лишение Германии ее старых завоеваний в Эльзас-Лотарингии, а также частичное отчуждение территорий в Саарском бассейне отняло у перечисленных гигантских предприятий кое-где даже чуть ли не половину их владений. А тем самым не только было сломлено могущество этих крупных концернов, но и финансовый капитал лишен был немаловажной части своего монополистического фундамента. Крах политики немецкого империализма был таким образом вместе

с тем и крахом одной из важных предпосылок существования немецкого империализма.

Лишь после долголетней работы знаменитые «промышленные короли» * попытались создать себе новый базис для концентрации. Этот процесс отчасти протекал в форме объединения некоторых крупных предприятий, которые раньше никогда и не помышляли о нем; так, например, Стиннес и Кирддорф дополнили друг друга, образовав большой трест, в котором один из них присоединил свои рудники к почти уцелевшей угольной базе другого. В течение немногих лет — до 1923 г. — крупные тресты частично вновь развились и реорганизовались таким образом, что их политическое влияние вновь ясно сказалось во внешней политике Германии, приведшей к Рурской авантюре. Однако совершенно ясно, что такой исполинский процесс реорганизации в нормальных условиях не мог быть проделан собственными силами. Здесь становится очевидной роль инфляции и необходимость этой последней для крупного капитала. Но «несолидный» экономический фундамент и связанная с ним русская политика должны были в своем чрезмерном напряжении рушиться.

При последовавшей затем стабилизации и весь этот процесс реорганизации тоже потерпел почти полный крах. Только очень немногим концернам удалось спастись. Параллельно с этими явлениями, незадолго до принятия плана Дауза и тотчас после этого прокатилась волна пацифизма, который становится нам теперь совершенно понятным. После принятия плана Дауза начинается новый процесс реорганизации; предварительные ступени к нему ныне пройдены, но весь процесс в целом еще только развивается. Теперешняя концентрация и ее монополистический характер несомненно должны были бы послужить лишь началом дальнейших колоссальных монополизаций в германском промышленном производстве.

Этот нынешний процесс монополизации стоит сравнительно с предвоенным на значительно более высокой стадии развития. Если до войны мы имели дело преимущественно с непрочными объединениями в синдикаты и концерны, то теперь ясно совершается трестирование по американскому образцу. Конечно, и картели с синдикатами тоже развиваются ускоренным темпом, но они представляют собой преимущественно подготовительную ступень к тресту. Этот двойственный характер нынешней монополизации по существу означает прежде всего образование монополий из более или менее прочно объединенных предприятий одной отрасли производства в противоположность интересам потребителей или иностранных конкурентов. Но, во-вторых, наблюдающееся вместе с тем трестирование представляет собой движение, приводящее к созданию абсолютных

---

* Schlotbarone — собственно «бароны фабричных труб», выражение, в русском языке непринятое. *Прим. ред.*

монополий внутри тех монополий, которые направлены главным образом против потребителей и которые господствуют в определенной отрасли производства, а тем самым и в синдикате. Тем, что как раз теперь ясно выступает его двойственный характер, современное движение в сторону концентрации и отличается от предвоенного, в котором эти тенденции были лишь в зародыше. Так, например, в 1905 г. в немецкой угольной промышленности было 19 различных картелей и синдикатов, в железоделательной — 62, в химической — 43, и если даже процесс монополизации и привел за время до 1914 года в области горного дела к образованию Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, то все же не следует забывать, что этот синдикат был весьма непрочен и часто бывал очень близок к распадению. И знаменитые крупные предприятия — Круппа, Кирдорфа, Стиннеса, Тиссена, Ханиеля, Штумма, Клёкнера, Маннесманна, фирма Феникс (Phoenix-Werke), объединение Рейнских сталелитейных заводов (Rheinstahl) — все они, за исключением Круппа, по сравнению с послевоенной эпохой должны рассматриваться как относительно мелкие объединения с монополистическими тенденциями. Эти предприятия доросли до тех гигантских размеров, представление о которых связано в нашем сознании с этими именами, преимущественно лишь во время войны и после нее. Так, например, предприятие Тиссена только за это время достигло своих мощных размеров путем присоединения пяти больших заводов, а предприятие Штумма — путем присоединения 21 завода. Эти предприятия, которые тогда, в конце войны, представлялись гигантскими по сравнению с их довоенным состоянием, теперь являются лишь частями мощного Сталелитейного треста. Таким образом, сравнительно с 1914 г. разница довольно значительна.

Важнейшими объединениями резко выраженного монополистического характера (мы не приводим здесь объединений, которые в виду их небольшого объема еще не носят монополистического характера) являются: мощный Сталелитейный трест и трест *Varben-Industrie A. G.* (см. ниже). За ними следуют в тяжелой индустрии Средне-немецкий сталелитейный трест и Монтанский трест (*Montantrust*) в Верхней Силезии. Оба эти треста важны тем, что в этих обоих районах с высоко-развитой промышленностью — в Саксонии и Верхней Силезии — они являются центрами образования новых группировок. Кроме того, оба они теснейшим образом связаны с Сталелитейным трестом, который тем самым уже начинает выходить далеко за пределы Рурской области.

Прямым последствием этих тенденций к монополизации в тяжелой индустрии можно считать концентрационное движение промышленности по обработке стали лучшего качества (*Edelstahlindustrie*). Целый ряд заводов, занятых обработкой такой стали, близок к слиянию. Правда, и в этом направлении

наиболее значительные заводы Круппа остаются вне объединений. (Крупп до сих пор не примкнул ни к одному тресту.) Исключительно богатые возможности развития как раз промышленности по обработке стали лучшего качества, открывающиеся для нее в связи с эволюцией теплотехники, делают это концентрационное движение довольно существенным.

По слухам, готовится какое-то более тесное объединение Круппа и Клёкнера, которое было бы в состоянии оказывать противодействие монополии Сталелитейного треста. Оба вместе они составят объединение, располагающее по меньшей мере четырьмястами миллионов акционерного капитала.

В соответствии с монополизационными стремлениями в мировой промышленности происходит монополизация и в немецкой медной промышленности. Металлургические заводы Мансфельда и Гирш-Купфер А. Г. слились в трест и должны бы оказывать весьма значительное влияние на немецкий медный рынок, поскольку речь идет о германском производстве. Довольно большое значение имеет концентрация в области мореплавания. Общество «Космос» и Австралийская линия вошли в Гамбургско-Американскую линию. Таким образом возникла пароходная компания с капиталом в 125 миллионов марок. Она обладает судами общей вместимостью приблизительно около 1½ миллиона тонн, и притом преимущественно судами новейшего типа с нефтяными двигателями и т. д. Это объединение должно было бы подготовить слияние с Северо-Немецким Ллойдом, отныне вторым по величине пароходным трестом. Правда, как раз теперь оба эти треста довольно ожесточенно конкурируют друг с другом, но эту конкуренцию следует расценивать скорее как борьбу за долю в подготовляющемся объединении. Тем самым начинается развитие монополий в области мореходства; эти монополии могли бы достигнуть полного господства в немецком океаническом пароходстве, и к тому же они значительно обширнее довоенных объединений. Конечно, эта монополия имела бы и довольно большое международное значение, тем более, что мировая судостроительная промышленность страдает от довольно значительного перепроизводства. Гамбургско-американская линия сумела одновременно с этой концентрацией значительно смягчить свою сильную зависимость от американской группы Гарримана (Harriman-Gruppe) путем выкупа крупных акций, заложенных ею в Америке. Параллельно этому трестированию в области немецкого судоходства идет слияние верфей. Эта концентрация верфей базируется на двух вышеназванных пароходных трестах. Этот процесс только еще начинает захватывать корабельные верфи и должен вскоре привести и здесь к такому же ясному размежеванию, как-то, которое имеет место в области мореходства. В калийной индустрии, уже сильно монополизированной калийным синди-

катом, готовится образование абсолютной монополии путем предстоящего объединения обеих мощных калийных групп, до сих пор враждовавших друг с другом.

Но стремление к монополизации распространяется и на дальнейшие отрасли обрабатывающей промышленности. Так, например, возник машиностроительный трест «Демаг», достигший путем концентрации довольно прочной монополии в области машиностроения и производства подъемных кранов. Кроме того, он находится в тесной связи со Сталелитейным трестом. Затем происходит довольно оживленная концентрация в железо-прокатной промышленности, в которой до сих пор все попытки концентрации оказывались тщетными в виду раздробленности производства.

В области выработки тяжелой жести (Schwerbleche) уже совершившаяся концентрация тоже наверное вызовет к жизни довольно обширную монополию. Следует также упомянуть трест по выработке линолеума, объединяющий все значительные немецкие заводы, производящие линолеум. Далее идут объединения в области паровозостроительной промышленности и среди вагоностроительных фабрик; эти объединения еще не являются, правда, монополиями, но представляют собою исходный пункт для монополизации и этих отраслей промышленности. Даже в текстильной промышленности, которая с таким трудом поддается монополизации, за последнее время наблюдается сильное концентрационное движение. По данным «Франкфуртской газеты» («Frankfurter Zeitung») число различных комбинаций, которое еще несколько лет тому назад доходило до 300, ныне благодаря концентрации упало до 30—40. Процесс монополизации проникает даже в слесарно-часовую промышленность и в производство паровых котлов. Даже большие мельницы, кирпичные заводы и предприятия фото-индустрии начинают объединяться в монополистические концентрации. На ряду со всеми этими новыми объединениями, конечно, не следует забывать и о старых крупных объединениях, как, например, трех больших электрических трестах А. Е. Г. (A. E. G.), о заводах Сименс-Гальске (Siemens-Halske) и Сименс-Шуккерт (Siemens-Schuckert). Эти последние в некоторых отраслях производства заключили уже соглашения абсолютно монополистического характера. Кроме того, отчасти выражено стремление объединить общую продукцию всех этих трех могущественных трестов в один трест, чтобы создать и здесь, в электрической индустрии, абсолютную монополию. Далее следует напомнить о разных весьма прочных синдикатах, о синдикате по добыванию бурого каменного угля (Braunkohlen-Syndikat), о Рейнско-Вестфальском угольном синдикате, об обществе по обработке сырцової стали (Rohstahl-Gemeinschaft), об объединении, вырабатывающем полосовое железо (Stabeisenverband), и о многих других объединениях, которые охватывают иные

отрасли производства и сущность которых заключается в соглашениях относительно цен и в распределении количества продукции, т. е. в монополии, направленной против потребителей.

Аналогичная концентрация происходит и в оптовой торговле. В области банковского дела этот процесс не так заметен, ибо крупные банки уже с давних пор работают в таком тесном контакте, что дальнейшее их объединение, правда, произойдет когда-нибудь, но в данный момент оно еще не является необходимым. Общая монополия крупных банков существует уже давно.

Показатели процесса монополизации.

В рамках этой общей эволюции, совершающейся в немецком промышленном производстве и направленной к образованию монополий, особенно выделяются два объединения, стремящиеся к созданию абсолютных монополий и даже достигшие уже этой своей цели. Это — Объединенные сталелитейные заводы А. Г. и Трест по обработке красящих веществ (Farbentrust).

Объединенные сталелитейные заводы А. Г. Этот стальной трест образовался из следующих, еще до его возникновения весьма мощных, картелей:

	Собств. капитал (в милл.)
Из Гельзенкирхского горнопромыш. акц. общ. (Gelsenkirchner Bergwerks—A.-G.)	138,1
» Deutsch-Luxemburg	97,5
» Бохумского союза (Bochumer Verein)	56,0
» Акц. общ. для металлургическ. произв. (A.-G. für Hüttenbetrieb)	4,4
» Тиссенской группы (Thyssen-Gruppe)	—
» фирмы Феникса (Pibnix)	300,0
» Van der Zypen	22,2
» Рейнских сталелитейных заводов (Rhein-Stahl)	160,0
Итого	788,2

На ряду с этим собственным капиталом отдельных концернов, входящих в состав Стального треста, Стальной трест, как таковой, обладает еще акционерным капиталом в 800 000 000 марок. Общие обязательства Стального треста, акционерный капитал, займы и облигации достигают суммы в 1 351 000 000 мар. Ежегодная сумма процентов, приходящаяся на этот капитал, составляет по меньшей мере 120 000 000 марок.

Нижеследующая таблица характеризует производственную базу этого колоссального треста (из Уфермана «Германский стальной трест», Берлин, 1927 г., стр. 73—74).

Земельная собственн. треста . . .	121 659 344 кв. километров.
Угольная промышленность:	
Пространство залежей угля . . .	360 000 000 » »
Угольные резервы	5 300 000 000 тонн.
48 угольных копий, 153 уголь- ных шахт.	
Добыча кокса	9 000 000 тонн.
Пространство залежей руды . . .	45 000 гектаров.
Запас руды	650 000 000 тонн.
14 доми и 68 доменных печей с годовой производительностью	10 000 000 тонн.
Сталелитейные заводы с годовой производительностью	8 500 000 тонн.
Собственн. железнодорожные ветки. 8 собственн. портов, 54 погруз- очн. пристани с кранами.	1 244 километров.
Рабочих и служащих в сентябре 1926 г.	188 068

Участие этого треста в различных синдикатах тяжелой промышленности:

	Участие Объединенн. стального треста (в %)
Рейниш-Вестфалишер угольн. синдикат .	21 880
Промышленное объединение по добыче стальной руды	41 082
Промышленн. объединение по добыче же- лезн. руды	43 141
А. Производственное объединение:	
а) полуфабрикаты	50 711
б) железодор. строительство	47 416
в) железообделочн. промышленность .	21 715
г) промышленн. всех видов производств группы А	40 956
Объединение производства полосового же- леза	34 372
Общество полосового железа	48 444
Объединение листового железа	44 551
» прокатной проволоки	29 877
» » проволоки	23 569
» » трубы	50 198 ¹

Но этим еще отнюдь не ограничивается сфера влияния этого треста. Сталелитейный трест принимал решающее участие в процессе вытеснения свободной торговли железом и сталью, которая была уничтожена усилиями Общества по обработке сырцової стали. Эта торговля в главной своей части превращена была в торговлю Общества по обработке сырцової стали, а те торговые фирмы, которые еще сохранились, поставлены были в положение теснейшей зависимости от этого Общества, а тем самым и от Сталелитейного треста. Это последнее обстоятельство сразу же поставило ряд отраслей обрабатывающей промышленности в положение сильной зависимости от этой монополии. Факт этой зависимости совершенно ясно

выступает в договоре, который в 1926 году заключила обрабатывающая промышленность с тяжелой индустрией. В силу этого договора обрабатывающая промышленность отказывается от борьбы с политикой покровительственных пошлин и политики цен, которую проводит тяжелая индустрия, а за это получает известные привилегии в области цен и некоторую гарантию от попыток прямого присоединения тяжелой индустрии к своим трестам отдельных заводов, занятых обработкой железа. На основе этого соглашения Сталелитейный трест отказался от дальнейшего включения в свой состав заводов, обрабатывающих железо. Но этот отказ носит лишь формальный характер, ибо некоторые отрасли обрабатывающей промышленности (как, например, заводы «Демаг») благодаря договорам о подрядах и так уже попали в полную зависимость от тяжелой индустрии, а отчасти и от Сталелитейного треста.

Само собою разумеется, что международное значение Сталелитейного треста очень велико. Его влияние носит скорее скрытый, чем явный характер, ибо оно осуществляется через посредство Общества по обработке сырьевой стали, которое имеет решающее значение в сталелитейном картеле. Таким образом в лице немецкого Сталелитейного треста мы имеем дело с определенно монополистическим трестом. Внутри немецкой тяжелой индустрии, уже монополистически-замкнувшейся, он создает абсолютную монополию. И если в настоящее время он еще не занял того места, которое занимает американский «Сталелитейный трест», то ведь не следует забывать, что этот ребенок-великан очень молод (немецкий Сталелитейный трест существует пока только второй год).²

2. Вторым — и в данный момент, может быть, уже более могущественным — представителем новых германских тенденций к монополизации является трест в промышленности по приготовлению красящих веществ (I. G. Farben-Industrie A. G.). Его структура гораздо сложнее структуры сравнительно простого по своей организации Сталелитейного треста. Но его монопольное положение в национальной химической промышленности и на мировом рынке значительно яснее и универсальнее. Исходя из объединения семи довоенных фирм, связанных общностью интересов, объединения, созданного в 1924 году, нынешний трест охватывает не только промышленность по изготовлению красящих веществ в тесном смысле слова, но и всю химическую промышленность в целом. Главными отраслями производства в этом новом тресте являются: производство красящих веществ всякого рода, фармацевтических средств, фильм и фотографического материала, электрометаллов и электролитических соединений, добывание азота, производство удобрений, изготовление разных сортов лака, производство взрывчатых веществ, химических газов, превращение угля в жидкое состояние, а тем самым добывание масла, бензина и спирта и, на-

конец, производство искусственного шелка. Весь трест в организационном отношении распадается на группы, сообразно этим отраслям труда, при чем замечается стремление по возможности группировать эти отрасли совместно и в территориальном смысле. Естественно, что этот гигантский трест обеспечил себя широкой сырьевой базой. Ему принадлежат каменно-угольные копи, железоделательные и сталелитейные заводы, копи, где добывается бурый каменный уголь, электрические станции, месторождения извести и мела. Любопытно отметить, что Ленин в своей работе «Империализм, как новейший этап капитализма», рисуя образование крупных монополий, тоже упоминал о промышленности, обрабатывающей красящие вещества, и считал, что она достигла необыкновенно значительной степени монополистической концентрации, на основании наличия в этой отрасли индустрии трех крупнейших заводов, каждый из коих обладал капиталом в 40—50 миллионов марок и которые были слабо связаны друг с другом. По сравнению с теперешним трестом, который располагает акционерным капиталом величиною более миллиарда золотых марок, эти три завода являются карликовыми предприятиями.

Упомянутое разделение труда внутри треста носит, конечно, лишь самый общий характер и далеко еще не завершилось. Почти каждый месяц он завоевывает новую область приложения труда. Если говорить парадоксами, то можно сказать, что он производит самые различные продукты от шелковых чулок до динамита и ядовитых газов.

Однако перечисление отраслей производства, представленных в этом тресте, еще не дает достаточного понятия о его значении и о его поразительных размерах. В отличие от Сталелитейного треста и трестов в других отраслях промышленности, где возможны большие технические преобразования, Красильный трест производит материалы, которые таят в себе возможности не только технических преобразований, но и целых технических революций, чреватых самыми серьезными политическими последствиями. В этой связи следует особо упомянуть об искусственном производстве азота, ибо благодаря этому изобретению была достигнута полная независимость от добычи селитры в естественных ее месторождениях, особенно — чилийской селитры.* Тем самым ставится на совершенно новую базу, с одной стороны, производство взрывчатых веществ, а с другой стороны и производство средств удобрения. В последнее время уже перестали употреблять калий в качестве основного элемента, а вместо этого стали готовить смесь из калийных солей, фосфорных солей и искусственного азота. А это обеспечивает нашему большому тресту проникновение в интернациональный калийный трест и в частности в немецкую калий-

---

* Селитра — азотнокислый калий или натр.

ную индустрию. Но искусственное производство азота таит в себе еще и дальнейшие возможности в сфере обрабатывающей промышленности. На его основе развилась мощная новая отрасль промышленности—производство искусственного шелка—которая за последние годы получила и в Германии очень широкое распространение.

Красильный трест сумел обеспечить себе очень сильное влияние на эту отрасль промышленности как в Германии, так и за границей. У него имеются связи с голландской и английской промышленностью по производству искусственного шелка. Благодаря тому, что издержки производства искусственного шелка примерно на 50% ниже стоимости производства настоящего шелка, здесь открываются еще более широкие перспективы экспансии.

Еще ббльшую роль должно сыграть добывание масел, бензина и спирта из угля; возможность такого добывания теперь уже практически совершенно обеспечена в масштабе фабричного производства. Сталелитейный трест имеет монополию на это изобретение, составляющее целую эпоху в развитии соответствующих отраслей производства. Утверждают, что такое искусственное добывание масел приблизительно на 40% дешевле естественного их добывания. Неслыханные дотоле перспективы, открываемые этим изобретением, сразу приблизили американский и английский Маслотресты к Тресту красильному. Это обстоятельство сильно угрожает—если не сейчас же, то по крайней мере в потенции—монопольному положению этих двух трестов, которое до сих пор никем не оспаривалось. Благодаря тому, что Германия очень богата месторождениями бурого каменного угля, она может превратиться из самой бедной маслами страны, характеризующейся до смешного незначительным числом месторождений естественного минерального масла, в страну, экспортирующую его. Тем самым Германия уже благодаря развитию одной этой отрасли производства может вновь занять центральное положение в мировой политике. Сказанное относится и к производству столь важных для военных надобностей ядовитых газов. Если и всем прочим государствам удалось найти способы изготовления ядовитых газов высокого качества, то все же многие утверждают, что в техническом и научном отношении руководящая роль в этой области до сих пор еще принадлежит немецкому Красильному тресту. И благодаря этому обстоятельству он тоже приобретает очень большое значение в военном отношении и в эволюции империализма.

В противоположность структуре Сталелитейного треста, международные связи Красильного треста создаются не через посредство промежуточных звеньев (вроде Общества по обработке сырьевой стали и интернационального сталелитейного картеля), а непосредственно. Выше уже было упомянуто, что

существуют связи между двумя мировыми маслотрестами. Далее существует непосредственная связь Красильного треста со всемирно известной динамитной фирмой Нобеля, а ее наличие позволяет установить связь с английским и американским динамитным трестом. Об образовании интернациональных связей через посредство производства искусственного шелка было уже упомянуто выше, так же как и о связи с интернациональным калийным картелем. Со времени войны сохранились тесные связи с швейцарской химической промышленностью, а за последнее время завязались таковые и с английской химической индустрией. В положении, которое занял Красильный трест по отношению к этой последней, особенно ясно обнаруживается его превосходство. Оно сказывается в том, что Красильный трест впервые принудил английскую химическую промышленность, обратившуюся к нему с целью установления совместного плана действий в области сбыта и производства, к национальной концентрации. Англичане быстро выполнили это требование и только теперь, после того как создан английский Химический трест с капиталом в 600 миллионов марок, между ним и немецким Красильным трестом происходят довольно оживленные сношения. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что немецкий Красильный трест представляет собой мощное образование империалистического типа, значение которого начинается по меньшей мере приближаться к значению Сталелитейного треста, тем более, что во время грядущих войн продукция Красильного треста будет играть столь же решающую роль, как и производство броневых плит и артиллерийских орудий.

* * *

О процессе картелирования во всей германской промышленности — конечно, без учета различий между синдикатом, картелем и трестом — имеются довольно интересные данные в монографии статистического имперского бюро под заглавием: «Концентрационное движение в Германии с середины 1925 г. до осени 1926 г.». Химическая промышленность насчитывает 620 обществ с общим капиталом в 1853 миллиона марок. Из этого капитала одна красильная промышленность обладает 1147 миллионами марок. В пределах химической промышленности объединены в концерны 118 обществ с капиталом в 1533 миллиона.

По сравнению с прочими отраслями промышленности первое место по степени концентрированности занимает производство по добыванию калия; в рудниках в этой отрасли 98,3% всего капитала сосредоточено в концерне. За ним следуют предприятия, связанные с разработкой рудников и имеющие 97,3% капитала в концерне, красильная промышленность с 96,3%, предприятия по добыванию бурого угля с 94,5% и каменного угля с 90,1%. Далее, в крупной железнорудной индустрии

имеется 85% картелированного капитала, в электротехнической — 86,9%, в промышленности по добычанию воды, газа и электричества и по снабжению ими — 81,5%, в банках — 73,8%, в морском и прибрежном судоходном деле — 80,9%. Это сжатое сопоставление может дать приблизительное понятие об исключительных успехах процесса концентрации в Германии.

В. Вторая предпосылка: финансовый капитал.

Вторая предпосылка, установленная Лениным, заключается в слиянии промышленного и банкового капитала в капитал финансовый. Это слияние легко обнаружить в следующих взаимоотношениях между немецким промышленным и банковым капиталом.

1. Каждый крупный трест имеет текущий счет в одном или нескольких крупных банках, и на эти суммы и производятся все его технически-финансовые операции.

2. Все займы, заключаемые ныне трестами, проходят через аппарат банков или целых банковских компаний. Благодаря этому банки приобрели решающее влияние на тресты, ибо — особенно тотчас после принятия плана Дауэса — банки являлись единственными посредниками в деле заключения внешних займов. Еще и поныне, несмотря на увеличение кредита и на наличие внутри-германских путей обеспечения кредитного рынка, заключение займов, особенно при их теперешних размерах, возможно лишь через посредство банков. Таким образом банки вообще представляют собою один из определяющих факторов в процессе возникновения крупных монопольных союзов.

3. Превращение акционерного капитала объединяющихся предприятий в новый капитал треста с повышением номинальной стоимости акций или без такого повышения при современных размерах этих капиталов тоже может совершаться только через посредство банков.

4. Господствующее положение треста по отношению к новым предприятиям, готовящимся или уже готовым присоединиться к нему, ставшее столь важным фактом влияния треста на эти предприятия, тоже большею частью возникает либо под давлением, либо через посредство банка или банковской компании. Эти отношения редко завязываются непосредственно между трестом и предприятием.

5. Особенно тесной становится связь между банковским и промышленным капиталом во всякого рода сделках, совершаемых за пределами Германии, — при помощи ли экспортного кредита, сильно оживившегося за последнее время, или при помощи основания новых предприятий за границей. В этой области процесс установления этой связи большею частью протекает таким образом, что банк и предприятие совместно основывают новую фирму.

Связь банкового и промышленного капитала в той ее форме, о которой идет речь в пункте 1, настолько ясна, что не требует особых доказательств при помощи конкретных данных. Для пояснения остальных пунктов приведем следующие весьма немногочисленные примеры:

Большой заем Сталелитейного треста в 250 миллионов марок был заключен в пределах Германии и за границей при помощи одного банковского консорциума. Этот консорциум состоял из четырех крупных банков, находившихся под руководством Учетного общества. То же самое произошло при основании Верхне-Силезского треста (Montantrust). Как раз здесь руководящая роль Учетного общества обеспечила тесную связь консорциума с Сталелитейным трестом, средне-немецким сталелитейным трестом и Верхне-Силезским трестом (Montantrust). Кроме того, существует тесная связь между Германским банком (die Deutsche Bank) и Красильным трестом. Так как Германский банк уже давно невидимо направляет всю совокупность интересов в область немецкого производства минерального масла, то проникновение Красильного треста в немецкую и мировую масло-промышленность происходит в форме союза этого треста с Германским банком.

Руководящее значение банков в деле развития монополий обнаруживается в той роли, которую они сыграли во время краха треста Стиннеса и превращения крупных составных его частей в самостоятельные тресты. То же самое обнаружилось и во время ликвидации заводов Линке-Гофмана (Linke-Hoffmann Werke) и создания специального вагонного треста. В намечающемся объединении в сфере калийной промышленности роль посредника тоже играет банк, который таким путем приводит к образованию общего калийного треста. Для иллюстрации последнего пункта, где идет речь о связи банкового и промышленного капитала при проникновении в хозяйственную жизнь других стран, приведем следующие, весьма немногие, факты. Германский банк основал в Турции радио-электрическое предприятие совместно с группой Сименса (Siemens-Gruppe). При заключении концессии на русскую марганцовую руду в Чиатури (Chiaturi) Учетное общество действовало совместно с Гарриманом. Германский банк в союзе с целым рядом фирм по обработке меди создал предприятия в Турции. Тот же банк совместно с фирмой Филиппа Гольцманна принял участие в строительстве железных дорог в Турции. Эта тесная связь между банковым и промышленным капиталом вновь развернулась в том же масштабе лишь по окончании периода инфляции. Слабость того фундамента, на котором держалась монополия эпохи инфляции, и ничтожное империалистическое значение этой монополии яснее всего сказывается как раз в том, что в эту эпоху не было никакого слияния (или было весьма незначительное слияние) промышленного и банкового капитала,

а налицо была скорее гегемония промышленного капитала. В настоящий момент было бы ошибкой говорить об исключительной гегемонии промышленного капитала. Перед нами — классический пример слияния этих обоих видов капитала. Его наличие было бы чрезвычайно легко доказать путем перечисления членов административных советов крупных банков и промышленных предприятий. Крупные заправилы промышленных и банковских предприятий совместно заседают во всех более или менее крупных монопольных образованиях.*

С. Третья предпосылка: финансовая олигархия.

Третьей предпосылкой является образование финансовой олигархии, влияние которой глубоко проникает в политическую жизнь. Здесь дан будет лишь весьма краткий перечень фактов. Проникновение указанного влияния началось после крушения Германской империи воздействием Стиннеса на правительство и на его внутреннюю и внешнюю политику и продолжалось в неприкрытой форме; оно сказалось в той роли, которую играл главный директор Гамбургско-Американской линии Куно в качестве государственного канцлера, а в настоящее время сказывается в положении директора государственного банка Шахта, вышедшего из рядов банковских деятелей, в роли недавно умершего Виденфельда, который был директором Крупновского треста и долгое время состоял послом в Америке, в воздействии господина фон Сименса на направление всей государственной политики Германии, в положении сильно заинтересованного в индустриальной сфере министра иностранных дел Штреземана, а также и в наличии 45 промышленников в числе членов германского рейхстага, не говоря уже о прочих его членах, сильно заинтересованных в финансовом отношении в судьбе ряда предприятий. Государственный канцлер Лютер, который пал в 1926 году, но политическая карьера которого, вероятно, далеко еще не закончена, был избран тотчас после его отставки в члены административного совета Крупновского треста. Слияние политических и деловых интересов в этом случае слишком очевидно, чтобы требовалось еще особо вскры-

---

* В 1926 году крупные банки имели 1324 места в административных советах важных по своему значению промышленных товариществ; из этого числа 388 мест были местами председателей или заместителей председателей правлений и административных советов. Когда Ленин писал свою книгу об империализме, он отмечал, что 6 крупнейших немецких банков имеют 751 место в административных промышленных предприятиях. Таким образом здесь произошло значительное увеличение числа мест. (Эти данные заимствованы из статьи Гю н' т е р а Р е й м а н н а «Новое господство крупных банков в Германии», помещенной в журнале «Интернационал», 6-й номер за 1927 год. Г. Рейманн произвел это вычисление при помощи адресной книги директоров и председателей административных советов на 1926 — 1927 год.)

вать его. О министрах буржуазного блока и об их связи с интересами промышленности можно привести следующие данные. Министр государственного хозяйства Курциус занимает пост члена административного совета в шести промышленных предприятиях, в том числе в немецком калийном синдикате. Министр финансов Кёлер (Koehler) является членом административных советов пяти предприятий, в том числе одного южно-немецкого банка, одного — тоже довольно значительного — горнопромышленного акционерного общества по добычии калия, затем одного предприятия в области сахарного и пивоваренного производства и одного общества по добычии соли из соляных копей. Немецкий министр юстиции Гергт (Hergt) является членом административного совета в одном обществе по выдаче ссуд и финансированию промышленности. Министр снабжения государства предметами питания (Reichsernährungsminister) состоит членом административного совета большой акционерной компании, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты, а пресловутый Кейделль (Keudell),³ министр внутренних дел, является членом административного совета акционерной компании рентного банка (Roggenrentenbank).

Кроме того, значение финансовой олигархии сказывается в истории переговоров по поводу заключения торгового договора между Германией и Японией; во время этих переговоров, тянувшихся очень долго, делегаты красивого треста, не дожидаясь их окончания, заключили с японским правительством самостоятельный договор о ввозе немецких красящих веществ. Еще яснее сказались те же взаимоотношения явлений в переговорах по поводу германо-французского торгового договора. Параллельно немецкой правительственной делегации работала постоянная делегация промышленников для того, чтобы провести свои пожелания в вопросах о снабжении Германии французским железом и о вывозе немецких продуктов. В последний раз прямое влияние этой финансовой олигархии на немецкое государство совершенно ощутительно сказалось в том направлении, которое приняла немецкая внешняя политика тотчас после образования Интернационального железодельательного картеля. Политика, получившая известность под названием «политики Труа», объясняется влиянием финансово-капиталистических кругов обеих стран. Но и этот процесс только еще начинается. «Немецкая горнопромышленная газета» * в номере от 28 ноября 1926 года отмечает это и объявляет следующую программу тяжелой индустрии: «Перед лицом этих фактов следует принять решение о том, что необходимо в большей мере и более сознательно, чем это делалось до сих пор, заставить хозяйство служить интересам немецкой внешней политики, чтобы укрепить ее положение там, где она не в состоя-

---

* «Deutsche Bergwerkszeitung».

нии найти опорные пункты собственными силами. Серьезных затруднений, мешающих общности интересов и совместной работе политики и хозяйства, не существует». За этой столь осторожной формулировкой на самом деле скрывается не что иное, как требование подчинения немецкой внешней политики потребностям капиталистического хозяйства, а вовсе не стремление подчинить хозяйство интересам внешней политики и тем самым поддержать ее, как об этом говорится в цитате.

D. Четвертая предпосылка: развитие международных монопольных союзов.

В настоящее время существует по меньшей мере 60 или 70 международных монопольных союзов, в которые входит своею промышленностью Германия. Но здесь мы ограничимся перечислением только таких международных объединений, которые имеют особенно большое значение и в создании которых Германия играла руководящую роль.

Международный калийный картель, в который входит, собственно говоря, только немецкая и французская калийная индустрия, создан под руководством немецкой калийной промышленности и занимает монопольное положение даже на мировом рынке. Заинтересованные в этом американские деловые круги вели долгую и бесплодную борьбу против этого процесса образования монополий. Последние изобретения, сделавшие возможным производство искусственных средств удобрения из химических элементов, косвенно втянули и химический трест в это монопольное объединение. Его значение заключается также и в том, что оно впервые заложило довольно широкий фундамент немецко-французского сближения. Вслед за тем — тоже под особенно сильным влиянием Германии — возникли еще международные картели в области производства каната, шин и труб. Старая связь между электрической американской индустрией и немецкими трестами А. Е. Г. (А. E. G.), существовавшая еще до войны и по типу своему приближавшаяся к картелю, давно уже вновь восстановлена и даже расширена. В течение сравнительно небольшого промежутка времени и Красильному тресту тоже удастся, вероятно, создать под своей гегемонией обширную красильную монополию. Уже идут переговоры с французской и английской химической промышленностью. Прочные международные связи — и притом не без значительного участия Германии — существуют в промышленности по производству искусственного шелка.*

---

* Установлена связь также с компанией Стандарт Ойль, чрезвычайно важная с точки зрения мировой политики, но она еще не вылилась в форму треста.

Но самым значительным монопольным образованием международного характера является Международный сталелитейный картель, хотя он еще и находится в процессе своего созидания. (Лучше было бы говорить о континентальном сталелитейном картеле.) Этот картель возник несомненно по инициативе немецкой сталелитейной индустрии и продолжает находиться под ее преобладающим влиянием. В момент его основания этот картель охватывал 60—65% всего европейского сталелитейного производства. Теперь, благодаря вступлению в него нескольких более мелких восточных заводов, производящих сталь, он обнимает уже, вероятно, 70—75% европейского производства. Можно ожидать вступления в этот картель и других стран Европы, производящих сталь. В настоящий момент от вступления в него воздерживается еще английская сталелитейная промышленность, производящая в «нормальные годы» 10 миллионов тонн стали. Шведская сталелитейная промышленность вряд ли заинтересована во вступлении в картель, ибо она производит специальные сорта стали. К тому же количественно она и не играет столь большой роли.

Содержание этого картельного договора, возникшего под немецким руководством, в общих чертах заключается в следующем. Устанавливается количество продукции на каждый квартал (на 1926 год было предусмотрено производство 27 миллионов тонн стали). Доля участия Германии в этой продукции равна 43,18%, Франции—31,19%, Саарской области—5,25%, Люксембурга—8,12% и Бельгии—12,26%. При вступлении новых производителей каждый раз, конечно, возобновляется борьба за долю в общей продукции. Производители, заключающие договор, дают взаимную гарантию в том, что не будут конкурировать друг с другом в пределах своих территорий и стран. Отношения между Германией и Францией, Саарской областью и Германией в сфере ввоза урегулированы договором и при этом в том направлении, что снижение цен на основе прочного контингента товаров запрещено известными ограничительными условиями. Кроме того, было условлено, что на каждую произведенную тонну стали должен поступать один доллар в общую кассу картеля, за каждую тонну, превышающую долю данного производителя, должны уплачиваться 4 доллара (приблизительно 20% ее цены на мировом рынке), а в случае невыполнения установленной доли продукции, за каждую недостающую тонну уплачивается 2 доллара в ту же кассу.

Таковы постановления картеля. Исходным пунктом этого договора, как и всех вообще международных объединений типа картелей, было опасение, как бы увеличение продукции не вышло за рамки рынка сбыта, и кроме того боязнь падения цен. Таким образом задачей этого картеля является поддержание высокого уровня цен и самоограничение; при этом сильнейшие члены картеля и те из них, у которых производство

стоит на более высокой технической базе, конечно, имеют возможность, несмотря на постановления железодельательного картеля, все-таки производить сверх своей доли, т.-е. вести успешную конкуренцию с другими его членами. Итак, если оставить в стороне конкуренцию, которая не устраняется, а лишь подымается на более высокую ступень, то результатом образования сталелитейного картеля и других международных картельных объединений следует считать повышение цен и сужение рынка сбыта (или, по меньшей мере, недопущение его расширения).

Разве от такого картеля можно ожидать начала новой эры развития европейского капитализма, как это делают социал-демократы, пацифисты и империалисты? *

Конечно, нам могут возразить, что этот картель, как и все другие, может со временем охватить все международное сталелитейное производство, что он вовсе не обязательно должен оставаться лишь средством поддержания цен на высоком уровне, а когда-нибудь окажется в состоянии точно регулировать сбыт и районы сбыта. Но если бы даже все эти явления и наступили в действительности, они были бы прямой противоположностью мероприятий, направленных к увеличению сбыта и могущих создать новую большую длительную конъюнктуру, — по крайней мере для Европы. Ибо таможенные объединения, или соединенные штаты капиталистической Европы, должны были бы создать как раз этот сбыт и эту конъюнктуру, а эти интернациональные картели должны были бы представлять собой не что иное, как предшественников европейского таможенного объединения, или соединенных штатов капиталистической Европы.

Но мы видим, что совершается нечто как раз противоположное этому: конкуренция между картелем и вне его стоящими предприятиями не ослабела, а обострилась; борьба за долю в производстве только заменила собою прежнюю, более «примитивную» конкуренцию; вместо расширения сбыта на основе всех этих картельных постановлений происходит его сужение, и, во всяком случае, его расширению ставятся преграды. Таким образом эти так называемые зачатки европейского таможен-

---

* Вся безнадежность и безвыходность женеивской конференции по вопросам мирового хозяйства (в мае 1927 г.) в значительной мере объясняется именно этим противоречием, которое заключается в том, что капиталистические силы, ведущие самую острую конкуренцию друг с другом, сильно тормозят расширение сбыта своими крупными монопольными объединениями и их политикой в области цен и в то же время не могут приобрести новых рынков сбыта для мощно растущего промышленного производства, кроме старых рынков, оспариваемых ими друг у друга. Для разрешения этого противоречия необходимо в корне перестроить весь базис современного империализма, т. е. устранить крупные капиталистические монополии. Так как и реформисты не осмеливаются на такое революционное решение вопроса, то они разыграли на конференции столь же беспомощную роль, как и сами капиталисты.

ного объединения фактически представляют собою не что иное, как усиление могущественного положения монополий и обострение борьбы их с немонополизированной индустрией и с потребителями. Качественное и количественное усиление конкуренции и изменение ее форм можно проследить легче всего, например, на истории борьбы за Турцию и Кавказ, разыгравшейся во время мировой войны между двумя крупными лагерями, заинтересованными в нефти и группировавшимися вокруг Немецкого банка, с одной стороны, и Английского нефтяного треста — с другой. Борьба Германии с Англией за Багдад и Мосул, вторжение немецких солдат на Кавказ и оккупация Тифлиса, их изгнание английскими войсками, кровавая история кавказской контрреволюции и история меньшевистского «рая» в Грузии (так расценивает грузинский меньшевизм II Интернационал), — все это представляет собою не что иное, как историю борьбы международного нефтяного треста за свою гегемонию. * Другой иллюстрацией того же процесса может служить борьба за долю в производстве, разыгрывающаяся каждые 3 — 4 месяца в новом международном железодельательном картеле. Эта борьба, происходящая при закрытых дверях, достигает такой остроты, что немцы в лице генерального директора Рейша (Reusch) грозили уже, выходом из картеля. С немецко-французским калийным картелем американское правительство и американские круги, заинтересованные в калии, ведут жестокую борьбу, которая имела своим последствием даже арест представителей этого картеля в Америке и закрытие его отделений. Вот несколько немногочисленных примеров того исключительного обострения, которого достигла конкуренция на более высокой ступени ее развития, как раз благодаря картелям. Для иллюстрации того, какой характер носит борьба с не столь сильно монополизированной промышленностью и с потребителями, достаточно указать лишь на повышение цен и на зависимость промышленности, перерабатывающей железо и сталь, от Сталелитейного треста, а также сослаться на вывод, сделанный чисто-капиталистическим органом («Magazin der Wirtschaft»), одним из самых серьезных немецких еженедельных журналов банковских и торговых кругов. Этот журнал заявил: «При наличии некоторых условий может оказаться необходимым изыскание насильственных мер против злоупотребления этим монопольным положением». (Здесь имеется в виду монопольное положение Сталелитейного треста) («Magazin der Wirtschaft», 1926, № 34.) И на это можно было бы возразить, что все эти явления изменились бы, если бы интернациональные монополии охватили все международное произ-

---

* Блестящее, снабженное документальными доказательствами изображение этой борьбы различных нефтяных интересов друг с другом, а также с Турцией. Советской Россией и т. д., содержит работа американского буржуазного специалиста Луи Фишера «Нефтяной империализм» (имеется на английском и на русском языке. Москва, 1927, Госиздат).

водство и разрослись бы до размеров универсального картеля. Теоретически такой ход развития, конечно, мыслим; но этим еще не доказано, что такой универсальный картель вел бы политику, противоположную нынешней как по отношению к потребителям, так и по отношению к вновь развивающимся мощным производственным центрам, которые нарождаются в рамках капиталистической системы с абсолютной необходимостью. Но уже не говоря об этом, ставка на универсальный картель и его более пацифистскую политику представляет собой бессодержательную спекуляцию, отвлекающуюся от того, что есть в действительности. А в действительности перед нами — конкуренция и борьба за власть, усиливающаяся качественно и количественно и связанная с ростом монополий. Когда Гильфердинг еще был марксистом, он писал об этом в 1910 году в своем «Финансовом Капитале» в тоне, совершенно противоположном тому, что он пишет теперь в качестве ренегата (ср. отдел IV, 20-я глава). Тогда он писал: «Экономически был бы мыслим всеобщий картель, который руководил бы всем производством и таким образом устранял бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы к крушению» (стр. 349). *

Эта точка зрения вполне совпадала со взглядами Ленина, который в предисловии к брошюре Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» писал следующее: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и проч. и проч., — что непременно раньше чем дело дойдет от одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность».

Так высказывались в то время Гильфердинг и Ленин о возможности возникновения в рамках империализма объединений на основе общности интересов. Образование интернациональных монополий, в котором Германия принимает столь активное участие, представляет собою не что иное, как попытку немецкого капитала при помощи своего влиятельного положения в этих монополиях дать выход тяготению своего заново организованного империалистического базиса к новым рынкам сбыта, — конечно, в несколько иных формах, чем до сих пор осуществля-

---

* Р. Гильфердинг, «Финансовый капитал», издание 4-е Гиз. 1924 г.

лось это стремление в процессе чистой конкуренции. Сильное участие Германии в этих интернациональных монопольных объединениях обозначает, таким образом, что и это условие, необходимое для создания империалистического базиса немецкого капитала, выполнено.

Е. Пятая предпосылка: экспорт капитала.

Привести точные данные, касающиеся экспорта капитала, совершенно невозможно. Ибо немецкий капитал, в виду притекающих в Германию займов и необходимости уплачивать репарации, в высшей степени заинтересован в сокрытии истинных размеров вывоза и склонен к этому ныне еще в большей мере, чем раньше. И все-таки поддается установлению тот факт, что о полном прекращении экспорта немецкого капитала — даже во времена инфляции — не может быть и речи. Ибо даже бегство капиталов за границу объективно играло роль экспорта капитала. В противоположность этому в течение первого периода стабилизации капитал вряд ли уходил за границу; но уже в конце 1925 — в начале 1926 года это явление выступает довольно отчетливо. В июне 1926 года «Berliner Tageblatt» писал: «В течение всего истекшего года немецкие капиталы в большом количестве помещались за границей... Особенный приток их наблюдался до июня месяца в Лондоне..., но и в Нью-Йорке и в Амстердаме заключались аналогичные сделки. Можно видеть своего рода «иронию судьбы» в том, что Германия, выступающая во всем мире в качестве крупнейшего должника, ... в свою очередь помещает капиталы за границей». Конечно, часть этих капиталов, вкладываемых таким образом в заграничные предприятия, находит себе там лишь временное помещение. Но можно указать еще целый ряд других каналов, по которым происходит утечка немецких капиталов. Так, например, Южная Америка, особенно Аргентина, уже опять стала излюбленною странюю, ищущею помещения немецкого капитала. Кроме того, немецкий капитал хлынул в Мексику, — получив при этом даже поддержку со стороны международного объединения банкиров. Он принял участие — суммой в 10 миллионов марок — в операциях одного английского банка в Лондоне. Даже в Китае возобновил свою деятельность прежний Немецкий азиатский банк. Немецкий капитал довольно сильно представлен в Турции, в особенности, опять-таки, в сфере железнодорожного строительства. Он начинает возвращаться даже в прежние немецкие колонии. Конечно, речь идет здесь лишь о небольших суммах. И товарный кредит, представленный Германией России на ряду с немецкими концессиями, следует расценивать как проникновение (пусть незначительное и протекающее в особых условиях, но все же проникновение) немецкого капитала в Советскую Россию. (Против его империалистического использования Советской

Россией приняты надлежащие меры.) Затем в феврале 1927 года немецкому капиталу удалось принять участие в семипроцентном займе французской фирмы, гарантированном Брюссельским банком. В число членов банковской компании (Bankkonsortium) входит и Дрезденский банк. «Немецкая горнопромышленная газета» («Deutsche Bergwerkszeitung») в номере от 16 февраля 1927 года объявляет это крупным успехом немецкого хозяйства и прибавляет:

«Ведь это — всем открытая тайна, что немецкий капитал в большой степени принимает участие в эмиссиях».

В феврале и марте 1927 года стали известны переговоры Германии с Румынией по поводу предоставления Румынии займа в 200 миллионов марок. Этот заем должен, во-первых, послужить опорой для восстановления твердой румынской валюты, а, во-вторых, является вместе с тем и товарным кредитом в счет больших заказов Румынии, необходимых ей для создания железнодорожной сети и электрификации. Высота процента равна 5%; за такой низкий процент от Румынии ожидается желание итти навстречу новым стремлениям Германии к вложению немецких капиталов в Румынии. Так как немецкий капитал был когда-то связан серьезными интересами с Румынией, то здесь перед нами, повидимому, попытка вновь оживить эти старые интересы. Этот заем еще не заключен окончательно. Но его заключение, судя по объявлениям всей буржуазной прессы, гарантировано.

Кроме того, немецкий капитал опять проявляет активность в саарской промышленности, которая сделалась теперь французской; это сказывается не только в немецко-французском договоре в сфере железнорудной индустрии, содержащем специальные параграфы о саарском железе, но и в том факте, что целый ряд саарских предпринимателей примкнул к немецким объединениям. К сожалению, невозможно установить степень проникновения немецкого капитала в Эльзас-Лотарингию.⁴

Новый толчок экспорту капитала даст освобождение немецкого имущества, оставшегося в Соединенных Штатах от довоенных времен. Это оживит, вероятно, старые связи. — Отнюдь не следует преуменьшать размеры экспорта капитала, происходившего до сих пор. «Magazin der Wirtschaft», принадлежащий к числу серьезнейших немецких журналов по хозяйственным вопросам, производит подсчет, приводящий к совершенно исключительным результатам. В номере от 30 декабря 1926 года этот журнал пишет следующее:

«Вывоз немецких капиталов и иностранных капиталов, вложенных в немецкие предприятия (Ausfuhr und Wiederausfuhr von Kapital) происходил главным образом в форме экспортного кредита, но кроме того и в упомянутой уже форме краткосрочного помещения капитала в заграничных биржах, а также и

в форме возрождения активности немецкого капитала за границей... Некоторые данные для суждения о том, насколько велик бывал иногда вывоз капитала, содержат вычисления Конъюнктурного Института, касающиеся немецкого платежного баланса за первую половину 1926 года. Согласно этим данным, Германия вывезла в форме кредита на $1\frac{1}{2}$ миллиарда марок больше, чем ввезла».

«Magazin» полагает, что во вторую половину года в виду пассивности торгового баланса следует считаться с возможностью некоторого уменьшения суммы вывезенного капитала. И тем не менее он расценивает далее вывоз капитала как активный вывоз. Так как в течение упомянутой первой половины 1926 года и декабря 1925 года ввоз капитала выразился в сумме 790 миллионов марок (если брать круглые цифры), то общий вывоз капитала из Германии должен был выразиться в сумме 1200—1300 миллионов марок, из которых, как уже было упомянуто, 500 миллионов по своему происхождению является немецким капиталом.

Если мы и относимся несколько скептически к этому вычислению, которое произведено серьезным журналом и весьма солидным Институтом, то теперешние размеры экспорта немецкого капитала все же ни в коем случае не следует преуменьшать. И это тем более, что все слои буржуазного общества заинтересованы в том, чтобы по возможности создать впечатление незначительности вывоза капитала. И все-таки, конечно, тот экспорт капитала, о котором дают представление вышеприведенные цифры, значительно отстает от довоенного уровня.

Можно с уверенностью утверждать, что в связи с ростом дальнейшего трестирования немецкого капитала теперешний экспорт капитала следует рассматривать лишь как исходный пункт широкого вывоза капитала из Германии. Но теперь этот вывоз производится еще гораздо более сознательно и планомерно. Ибо в общем можно сказать, что вывоз капитала почти всегда сопровождается усилением товарного экспорта. Но последствия этого усиления, повидимому, достаточно взвешены представителями немецкого капитала.

Ф. Шестая предпосылка: участие в дележе мира.

Слабейшим пунктом в деле восстановления базиса немецкого империализма является исключение этого последнего из дележа мира, произведенного в процессе мировой войны. У него были отняты все его прежние территории, и приобретенные им сферы приложения интересов тоже были разрушены. В этом — действительная и серьезная слабость немецкого капитализма. Ибо это обстоятельство лишает его всех заграничных источников сырья, необходимых для его мощной промышленности, а также всех более или менее монополизированных рынков сбыта. А между

тем политическое и хозяйственное присвоение подобных территорий представляет собою лишь одну из сторон процесса концентрации и централизации капитала.

На известной ступени развития монополий присоединение отдельных предприятий или даже целых комплексов таковых оказывается недостаточным; развитие выходит за пределы этой стадии и приводит к присвоению территорий, поставляющих сырье, при чем это присвоение составляет часть процесса монополизации производства. (Ср. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», 2-е издание, глава X, по-русски.)

Наиболее конкретной иллюстрацией той мысли, что это присоединение таких территорий представляет собою не что иное, как продолжение процесса монополизации, может служить факт поглощения американским капиталом Панамы и Никарагуа и предстоящее поглощение им Мексики. Здесь американский нефтяной капитал косвенно, через посредство государства присваивает новые источники сырья.

Таким образом отсутствие этой стороны процесса монополизации в развитии немецкого финансового капитала означает отсутствие одной из важнейших предпосылок империализма. Как бы прочна — даже исключительно прочна — ни была организация монополистического базиса немецкого капитала, она осталась все-таки незавершенной.

Ниже будет показано политическое значение этой слабости экономического базиса империализма.

Г. Характер экономического базиса немецкого империализма.

Из предыдущего изложения можно сделаться тот вывод, что немецким капиталом выполнены те условия, которые Ленин считал необходимыми предпосылками развития империалистической политики и империалистического государства. Первые четыре условия выполнены даже в такой мере, в какой до войны их не было налицо ни в Германии, ни в одной другой стране; можно даже сказать, что немецкий капитал носит значительно более резко выраженный монополистический характер, чем английский и французский капитал. Только американский капитал отличается, вероятно, еще более прочной монополистической организацией. Но при этом не следует упускать из виду, что два остальных условия — экспорт капитала и тесно связанное с ним участие в дележе мира — либо выполнены немецким капиталом в недостаточной мере, либо вовсе не выполнены.

Однако, с другой стороны, надо иметь в виду, что наличие каждой из этих предпосылок в отдельности создавало бы экономический базис империализма в его классической форме. А между тем и в довоенную эпоху эта классическая форма встречалась довольно редко. Так, например, французский импе-

риализм отнюдь не отличался очень значительной монополистической концентрацией, а русский империализм почти вовсе не знал экспорта капитала, и этот последний во всяком случае был незначителен по сравнению с исключительно высоким импортом капитала в условиях относительно мало развитого капиталистического базиса высшего типа. А ведь в процессе перехода к империалистическому капитализму решающее значение имеет переход к монополии: «Экономически основное в этом процессе (т. е. в развитии империализма, Р. З.) есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» (Ленин, «Империализм», 1919, стр. 83).

Конечно, должны быть налицо также и вполне определенные тенденции к преодолению слабых сторон империалистического базиса. Применительно к немецкому империалистическому базису эти тенденции существуют.

Отсутствие колониальной базы, как выражение того факта, что Германия не участвует в дележе мира, уже сейчас ставит перед немецким капитализмом проблему создания такой базы, и попытки решения этой проблемы должны столь же ясно обнаруживать империалистический характер немецкого капитала, как стремление крупных империалистических сил к приобретению новых колоний и сфер влияния вскрывает империалистический характер капитала соответствующих стран.

Указанная тенденция находит поддержку в совершенно ясной и имеющей больше шансов на успех тенденции к преодолению слабости экспорта капитала (ибо успех преодоления вышеотмеченной слабой стороны империалистического базиса, как увидим, весьма ненадежен). Часто экспорт капитала вообще закладывает основы для создания различных сфер влияния, которые впоследствии иногда могут быть преобразованы в колониальные владения. Таким образом преодоление слабости экспорта капитала было бы довольно значительным шагом по направлению к приобретению сфер влияния, а иногда и колониальных владений.

Кроме уже отмеченного факта, что параллельно происходящей в настоящий момент реорганизации немецкого капитала экспорт капитала автоматически повысился, о наличии тенденции к преодолению недостаточности экспорта капитала — тенденции, ослабленной, правда, платежами по плану Дауэса — свидетельствуют следующие факты. Общество Государственного Кредита (Reichskreditgesellschaft) и газета «Berliner Tageblatt» приводят 1 января 1927 года и 9 апреля 1927 г. интересные цифры относительно образования нового немецкого капитала. На основании вычислений Общества Государственного Кредита можно утверждать, что за время с 1924 по 1926 год включительно, т. е. в общем от принятия плана Дауэса до настоящего момента, в Германии образовалось приблизительно 15—18 миллиардов марок нового капитала. А это значит, что

ежегодная аккумуляция капитала равнялась 5—6 миллиардам марок, при чем в 1924 году было аккумулировано, вероятно, 3 миллиарда марок, а в 1926 году—около 7 миллиардов. Названные суммы составляют примерно 60% довоенного капиталообразования. Судя по данным, имеющимся в нашем распоряжении относительно начала 1927 года, можно думать, что этот процесс новообразования капитала успешно идет вперед. Если сделать то—правде, лишь теоретическое—допущение, что реорганизация немецкого капитала сможет и далее продолжаться беспрепятственно, то тенденция к устранению слабости экспорта капитала окажется налицо. Ибо новообразование капитала (поскольку дело не сводится к обратному вывозу ввезенных иностранных капиталов) является одним из самых мощных источников экспорта капитала. 5 Если уже до и во время войны Ленин в своей работе об империализме подчеркивал двойной характер монополии—ее прогрессивные и экспансивные черты на ряду с чертами застоя, загнивания и разложения, то теперь в соответствии с более высоким уровнем развития монополистического базиса эта последняя сторона должна сказаться еще более резко. Еще в 1915 году Ленин писал: «Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию». («Империализм...», 1919, стр. 95.)

И хотя как раз теперешний немецкий капитализм, ведущий напряженную борьбу за свою реорганизацию на империалистической основе, и сам неизбежно должен делать попытки устранения разлагающих явлений, тем не менее эти последние все же встречаются в довольно большом количестве. Эти явления застоя и упадка проявляются не только в отдельных случайных противоречиях между частно-хозяйственными мероприятиями капитала и неизбежными закономерностями капиталистического производства в его целом; возникая на почве более высокой стадии монополизации, они должны стать кроме того и более всеобъемлющими и общезначимыми, чем были раньше. Самое общее свое выражение эти явления находят в тщетных стараниях приобрести новые рынки сбыта. Своей политикой цен монополистические образования в значительной мере закрывают этот путь. Даже рационализация, столь страстно проводимая ныне в Германии, не устранит этого факта; скорее наоборот: соответственно росту рационализации, будут расти и развиваться и упомянутые явления. Они заключаются в следующем:

1. Монополизация немецкого производительного капитала связана с исключительно жестоким уничтожением капитала, которое происходит благодаря тому, что производительный капитал самым беспощадным образом оставляют без применения; при этом речь идет не о временном бездействии капитала, которое имело место раньше в периоды тяжелых кризисов,

а о длительном его бездействии. В одной только Рурской горной промышленности бездействует свыше 86 копей, не говоря уже о многочисленных отдельных шахтах, входящих в состав работающих рудников. И даже блестящая конъюнктура, создававшаяся во время стачки английских горняков, смогла вновь вовлечь в производственный процесс лишь несколько отдельных копей.

2. Бездействуют далеко не всегда наименее ценные предприятия, а весьма часто (как это видно на примере горного дела) как раз предприятия с довольно высокой техникой; их нередко оставляет неиспользованными какой-нибудь трест, покупающий их у какого-либо стоящего вне треста и попавшего в затруднительное положение предпринимателя или картеля, при чем целью такой покупки является приобретение доли в производстве, связанной с данным предприятием.

3. Наблюдая процесс концентрации различных заводов и картелей в одно крупное монопольное образование, можно весьма часто констатировать, что концентрация эта производится не для объединения лучших заводов с наиболее высокой техникой, а для спасения акционерного капитала, вложенного в данное предприятие. Так, повидимому, обстоит дело при образовании недавно основанного вагонного треста. Совершенно отчетливо обнаруживается это явление в процессе возникновения железодельательного картеля. Обладающая более высокой техникой немецкая железодельательная промышленность отказалась от следовавшей ей, соответственно ее размерам, доли в пользу технически более слабой железодельательной промышленности других стран, — лишь бы сделать возможным создание картеля.* Заинтересованность в высоких ценах заставила немецкую железодельательную промышленность пренебречь интересами производства. Кроме того, в договоре имеется условие, согласно которому тот член картеля, который произведет меньше установленной для него доли в производстве, получает за каждую недопроизведенную тонну возмещение в 2 доллара. Фактически это обозначает, что худшие предприятия получают премии за свою отсталость. Но вместе с тем члены картеля, продуцирующие сверх установленной доли, должны платить 4 доллара за тонну в общую кассу. Тем самым индустрия, обладающая более высокой техникой и потому, конечно, легче производящая сверх нормы, облагается — особенно при отсутствии твердых поста-

* Соотношение между продуктивностью индустрии каждой страны и степенью ее участия в картеле (ее долей) вначале выражалось в следующих цифрах: доля Бельгии в момент основания картеля составляла 84% производственной способности бельгийской сталелитейной промышленности, доля Франции — 82,6%, Люксембурга — 80%, Саарской области — 67%, доля немецкой сталелитейной промышленности составляла 62% ее производственной способности. (Данные заимствованы из: «Wirtschaftsarchiv», April 1927, Heft 2, I. W. Reichert. «Die festlandische Rohstahlgemeinschaft».)

новлений относительно цен — чрезвычайным налогом, который автоматически повышает цены на продукты ее производства, более высокие по качеству.*

4. Другим примером, иллюстрирующим застойный характер немецкого империализма, может служить уже упомянутый факт экспорта капитала, ибо этот экспорт представляет собой главным образом вывоз ввезенного из-за границы капитала. Само собою разумеется, что немецкий капитал занимается этим обратным вывозом не для спорта, а для того, чтобы заработать на прибылях с посреднических процентов. Конечно, этот обратный вывоз был налицо и раньше, но только теперь немецкий капитал превратил его в массовое явление.

5. Чтобы сохранить за собою способность выдерживать конкуренцию на иностранном рынке, немецкая индустрия устроила грандиозный дэмпинг,** а убытки от него могут быть возмещены лишь путем строжайшего удержания цен внутри страны на определенной высоте. И это явление тоже стало всеобщим и приняло исключительные размеры по сравнению с довоенным временем. С другой стороны, это обозначает, что другим отраслям промышленности, как, например, промышленности, производящей готовые продукты, этот особенно высокий уровень цен ставит преграды в сфере вывоза их продукции. Даже возмещения, делаемые со стороны тяжелой индустрии по отношению к некоторым потребителям железа, не могут задержать влияния этой гипертрофированной покровительственной политики.

6. Но мы находим и вполне сознательные ограничения вывоза продукции крупных монополистов. Во время переговоров в сталелитейном картеле о разрешении немецким производителям повысить производство стали, немецкая сталелитейная промышленность принуждена была заплатить за согласие остальных членов картеля обязательством не доводить свой внешний сбыт выше определенного уровня до тех пор, пока ее внутренний сбыт не достигнет определенных размеров. Так как одним из решающих факторов, обуславливающих кризис капитализма, является как раз отсутствие рынка сбыта и в частности внешнего рынка сбыта, чрезвычайно ярко сказывающееся в дефиците немецкого торгового баланса, то указанным компромиссом можно измерить всю бессмыслицу такого соглашения. Конечно, речь идет здесь лишь о временном, преходящем мероприятии, принятом с целью заручиться согласием другой стороны, чтобы затем, на основе высоких прибылей, которые внутри страны

---

* За последнюю четверть 1926 г. немецкой сталелитейной промышленности пришлось внести в общую кассу 1 200 000 долларов за превышение доли в производстве. Все остальные страны получили премии, — так, напр., Франция — почти целый миллион долларов.

** Так, например, на итальянском рынке немецкая железяноделательная промышленность вела борьбу в форме «дэмпинга» с английской при помощи цен, которые иногда бывали на 50% ниже внутри-германских цен.

являются гарантированными, с тем большей мощью выступить на внешнем рынке с еще более жестоким дэмпингом. Но даже периодическое применение таких мер ясно показывает, как далек современный империализм от преодоления своих собственных затруднений.

7. Новые крупные изобретения, технические улучшения и строго проводимая рационализация не были использованы для снижения цен. Они служат лишь средством повышения прибылей. Сопоставление цен на ряд продуктов, производство которых монополизировано и рационализировано, делает это особенно очевидным. ⁶

	1914 г.	Август 1924 г.	Октябрь 1924 г.	Октябрь 1925 г.	Май 1926 г.	Август 1926 г.	30 ноября 1926 г.
Жирный ископаемый уголь . . .	11,65	15,5	15	14,9	14,9	14,9	14,8
Чугун для отливки	75,5	91	85	86	86	86	86
Полосовое железо	98	25	112	135	134,3	134,3	134,3
Калийные удобрения	6,2	6,3	6,3	6,5	6,5	6,5	6,5
Материал для крашения кожи . . .	4,5	9,1	9,3	7,5	7,5	7,5	7,5
Моторы	100	150	150	125	125	125	125
Бутыли	100	180	180	197	182	182	192
Письменные столы	100	100	100	125	109	109	103,1
Пишущие машинки	100	140	140	140	140	140	140

Вообще говоря, эта таблица означает, что с октября 1924 г., периода чрезвычайно высоких цен, который следовал за стабилизацией бумажных денег, не замечалось снижения цен (или происходило очень небольшое их снижение) на продукты концентрированной или рационализированной промышленности, а отчасти цены на эти продукты даже возрастали. Надо сказать, что как раз время с октября 1924 г. по август 1926 г. было периодом самых тяжелых депрессий и кризисов в жизни германского капитала; следовательно, легко понять, почему в таком объеме была проведена монополия и почему она, в интересах высоких цен, пренебрегала снижением цен. До войны не могло

быть и речи о такой твердой монополии. Во время серьезных довоенных кризисов, которые, конечно, нельзя сравнить с кризисами 1924—1926 гг., картели или синдикаты либо распадались, либо шли на снижение цен. Отказ от расширения рынка с целью удержания высоких цен — несомненный признак нездоровой монопольной системы.

И соглашение, которое состоялось между немецким красочным трестом и американскими и английскими нефтяными монополистами касательно революционизирующего изобретения треста в области искусственного получения горючего масла, указывает ясно на то, что это изобретение должно быть использовано только до известной степени и так, чтобы не понизить цены на естественную добычу нефти. Следовательно, и здесь мы видим, что ради высоких монопольных цен жертвуют значительно более дешевым широко распространенным продуктом. Вследствие этого, по сравнению с довоенным временем, заметно ослабел импульс к удешевлению производства, т. е. к техническому прогрессу. А вместе с этим исчезает и прогрессивный характер капиталистического производства в области снабжения масс населения все новыми продуктами. Даже эта, до сих пор прогрессивная, сторона капиталистического производства начинает переходить в свою реакционную противоположность.

8. Данные об образовании капиталов в Германии при одновременном повышении прибылей, вызванном процессом рационализации, указывают на тот факт, что ныне значительная часть прибылей не потребляется производителем, а просто «продается». Берлин 1926—27 года с его возросшей роскошью и массой зрелищ и развлечений является, правда, внешней, но все же убедительной иллюстрацией этого нашего утверждения.

9. И все растущая резервная армия также указывает на то, что современное капиталистическое производство, несмотря на сравнительно благоприятную в Германии конъюнктуру, не может использовать все производственные силы в условиях монопольной промышленности.

Но и эти, перечисленные выше, факты не определяют исчерпывающе характера германского империализма. Решающая проблема внешнего и внутреннего сбыта, проблема существования современного капитализма вообще, приобретает особую остроту вследствие отсутствия внешнего и внутреннего сбыта в других империалистических государствах. И больше того, поскольку германский империализм способен вести действительную борьбу за новые рынки сбыта, постольку он прямо или косвенно вызывает решительное противодействие всех остальных капиталистических государств, так как эти капиталистические государства в настоящее время не в состоянии терпеть вмешательства Германии в их и без того урезанные области сбыта. И до войны они нервно реагировали на вмешательство Германии, но зато

они могли отвечать захватом новых областей сбыта; теперь же положение резко изменилось. На Брюссельском конгрессе международных торговых палат в июне 1925 г. особенно ярко проявилась эта курьезная беспомощность международного капитала, который, с одной стороны, старается не допустить Германию до новой инфляции, подобной той, которая имела место до принятия плана Дауэса, а с другой стороны, — боится неизбежных следствий новых сильных выступлений немецкого капитала на мировом рынке. По этому поводу выдающийся член международной торговой палаты сэра Стэмп высказался так:

«Мы не можем запретить Германии импортировать в наши страны те единственные товары, которыми она может платить, но в то же время не можем равнодушно присутствовать при этом... Мы не можем предоставить германским промышленникам находить эти места сбыта, в то время как мы сами возмущенно говорим об экономическом проникновении Германии в другие страны... И мы не можем также терпеть падения нашей экспортной промышленности».

Нельзя себе представить большей беспомощности. Понятно, эта беспомощность на практике сводится к бесполезной борьбе против нового появления германской конкуренции на мировом рынке, к борьбе, которая все же не останавливается ни перед какими средствами. Как велико противоречие между фактическим производством и рынком сбыта, видно из интересного материала Лиги Наций, который был представлен на созванной ею конференции по вопросам мирового хозяйства в начале мая. Статистика Лиги Наций содержит данные о росте населения, производства важнейших продуктов промышленности и объема внешней торговли в мировом масштабе. При этом на 1925 год получился следующий индекс цифр, принимая цифры 1913 года за 100:

Население	105
Промышленность	117
Внешняя торговля	105

Торговля на внутреннем рынке, который здесь не учтен, ни в коем случае не превышает цифры 105, и так как уже в 1913 г. было очень резкое противоречие между производством и сбытом (это противоречие привело, ведь, к мировой войне), то надо считать, что фактическое противоречие выражается еще значительно более крупной цифрой, чем 12. Кроме того, в настоящее время, в результате создания целого ряда новых границ, по крайней мере 4% прежней внутренней торговли превратилось (согласно данным Войтинского) в торговлю внешнюю. Нельзя думать, что в 1926 г. это резкое противоречие заметно выравнялось. Наоборот, скорее следует предположить, что события в Китае привели к дальнейшему сокращению внешней торговли.

Уже из этого одного ясно видно, что оживление немецкого империализма сильно усложнит положение на мировом рынке и приведет к существенному усилению противоречия.

Указания на благоприятную конъюнктуру 1927 года, доказывающую якобы, что германский капитализм сумел разрешить вопрос сбыта, совершенно неверны. Благоприятная конъюнктура ограничивалась исключительно внутренним рынком и объяснялась приливом иностранных кредитов, данных на реконструкцию германского хозяйства. Сбыт на внешних рынках почти не увеличился. Наоборот, по окончании стачки английских горнорабочих, сбыт за границу обнаруживает медленно развивающуюся, но все же ясно отмеченную тенденцию к понижению и в настоящее время снова достиг тех размеров, какие характеризовали его в период от декабря 1924 года до января 1925 г. Вместе с тем ввоз чрезвычайно возрос. Правда, в области готовых фабрикатов можно отметить небольшое увеличение экспорта, но и здесь уже обнаруживается попятное движение. Кроме того, это повышение уже привело к ряду мер со стороны американского, польского и французского правительств, направленных против ввоза германских готовых фабрикатов. И так как германский капитал в конечном счете может уплачивать свои долги лишь за счет вывоза, то общая проблема повышения экспорта стоит перед германским капитализмом с такой же грозной остротой, как и раньше.

Один из виднейших деятелей английского банковского дела Мак Кенна на Нью-Йоркском съезде американской банковской ассоциации в 1922 г. в дискуссии по поводу стабилизации Германии заявил следующее:

«Германия может увеличить свой экспорт только за счет готовых фабрикатов. Для того, чтобы сделать возможным увеличенный вывоз фабрикатов, несмотря на соревнование других индустриальных государств, немецкое население должно увеличить свой рабочий день и работать за меньшее вознаграждение.

... Кроме того, импорт должен быть сокращен до минимума. Но конкурирующие государства не будут на это смотреть безучастно... Они постараются изгнать с помощью покровительственных таможенных тарифов немецкие товары со своих национальных рынков. Но так как эти конкурирующие государства тоже хотят укрепиться на нейтральных рынках, то и они вынуждены понизить свою заработную плату и прибыль».

В переводе на язык немецких интересов все это означает, что выступление Германии на мировом рынке с целью увеличения своего внешнего сбыта (поскольку застойные явления внутри Германии не сужают самую возможность такого выступления) с необходимостью вызывает в то же самое время сокращение внутреннего рынка. Это же сокращение рынка распространяется и на другие империалистические государства. Выше-

указанная особенность нового немецкого империализма в хозяйственном отношении, а именно невозможность разрешить проблему рынка сбыта, выступает еще более резко в составе связи немецкого империализма с мировым хозяйством. И мы дальше еще увидим, как прав был этот английский финансист, в особенности в том, что касается внутреннего рынка. (См. гл. III, В.)

Своеобразный характер нового империалистического базиса Германии вырисовывается совершенно ясно. Немецкий капитал, работая в условиях сильно развитой монопольной системы, обременен такими застойными явлениями, которые, в связи с положением капиталистического хозяйства вообще, сильно мешают (как это было и в довоенное время) развитию капиталистического базиса, а в некоторых решающих пунктах делают его прямо невозможным. Дальнейшее развитие немецкого капитализма в связи с расширением внутреннего и внешнего рынка, а, следовательно, при участии рабочего класса в империалистическом подъеме, временно возможно только при одном условии, — а именно в том случае, если расширение рынка последует за счет других империалистических государств. Единой линии подъема империализма вообще нет. Не существует также такой линии подъема и для экономического развития немецкого империализма, — тем более на долгое время. (Здесь мы не можем останавливаться на особенностях Америки и ее временном своеобразном положении.) Но рассчитывать на прочное развитие нового империалистического базиса за счет других капиталистических государств было бы нелепо, и стремиться к этому означало бы не что иное, как пытаться вызвать новый мировой конфликт. Ибо в эпоху империализма борьба за экономическое преобладание тем меньше может разыгрываться на чисто экономической основе, чем дальше заходит развитие империалистического базиса. Эта экономическая борьба все больше и больше должна превращаться в политическую, и в конце концов она приводит к захвату государственного аппарата.

О том, как проникли вышеуказанные экономические черты нового немецкого империалистического базиса в политику нового немецкого империализма, мы покажем в следующих главах.

II. ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА В НОВОЙ ПОЛИТИКЕ НЕМЕЦКОГО КАПИТАЛА.

Существование нового империалистического базиса — только общая предпосылка нового немецкого империализма. Для доказательства существования такого нового немецкого империализма мы должны сперва показать, как с помощью государственного аппарата влияние империалистических экономических форм проникало в политику Германии.

О том, что наличие этих предпосылок не является чем-то само собою разумеющимся, говорил Ленин во время войны в сборнике «Против течения». В своей полемике против брошюры Юниуса он указывал на возможность национального угнетения некоторых европейских государств (несмотря на их капиталистическую основу) и утверждал, что в результате такого угнетения эти капиталистические государства, может быть, начнут вести национальные освободительные войны, хотя и подчеркивал, что осуществление этой возможности маловероятно. («Против течения», нем. изд., стр. 419). Ее осуществление означало бы лишь, что эти высоко развитые капиталистические государства не в силах строить ни свою внешнюю, ни внутреннюю политику в соответствии с империалистическим экономическим базисом. Фактически таково было положение немецкого капитализма до конца 1923 г. Германия не могла в это время вести никаких империалистических войн; она, самое большее, могла вести национальную войну против вторжения французского империализма. Спрашивается, чем было вызвано такое положение и как оно было устранено немецким капитализмом?

А. Оковы немецкого империализма.

Вышеописанное крушение империалистического базиса Германии, которое произошло благодаря отпадению значительных областей с развитой тяжелой индустрией, в результате окончившейся крахом войны, и бессилие внутренней политики германского государства, вызванное могучим ростом классовых сил пролетариата, — вот существенные причины краха германской империалистической политики. Все же обе эти причины

(оба эти факта) после поражения германского пролетариата могли быть лишь временным препятствием к проведению империалистической политики, тем более, что немецкий капитал вслед за поражением немецкого пролетариата в 1918/19 году немедленно приступил к перегруппировке своих промышленных сил. Существенная задержка роста немецкого империализма была вызвана всей системой Версальского мирного договора и его применением. Этим договором большинство стран-победительниц имело в виду раз навсегда устранить Германию, — правда, не самую Германию, как известное политическое образование, не Германию капиталистическую, а лишь Германию империалистическую. В преследуемой здесь цели, с одной стороны ограниченной, с другой исключительной по своей смелости, заключается одновременно и сила, и слабость этой по сию пору единственной в своем роде попытки.

Сила Версальского договора заключалась в том, что преследуемая здесь цель приводила к применению средств не только самых грубых, но и самых рафинированных (утонченных), когда-либо примененных по отношению к побежденной стране. «Пациент» ни в коем случае не должен был умереть, так как тем самым взаимоотношение сил в мировой политике было бы настолько нарушено, что в связи с труднейшими социальными конфликтами непомерно выросла бы опасность советизации от Владивостока до Кельна. Но даже независимо от вышеприведенных причин, уничтожение Германии, как политического фактора, непосредственно привело бы к обострению противоречий между Англией и Францией.

С другой стороны, так как немецкий капитал находится на чрезвычайно высокой ступени развития, то задержать его империалистическое возрождение можно было бы лишь при помощи исключительно сильного и длительного кровопускания. Это значит, что пришлось бы отнять у немецкого капитала важнейшие промышленные области, а накапливаемые суммы по мере возможности инкассировать в странах-победительницах с целью воспрепятствовать применению их в немецкой промышленности, и что военный аппарат Германии должен был быть урезан настолько, чтобы его хватило лишь на подавление революционных течений внутри страны.

Но так как империализм не является какой-либо случайной политикой капиталистических держав, а представляет собою форму проявления капитализма на известной ступени его развития, то понятно, что цель, поставленная державами-победительницами, должна была оказаться недостижимой; другими словами: либо Германия, как капиталистическое государство и как капиталистический хозяйственный организм, должна была подлежать уничтожению, либо рано или поздно должно было наступить империалистическое возрождение страны.

Авторы Версальского мирного договора пытались следующими

мерами достигнуть этой цели, невозможность осуществления которой капиталистические и империалистические творцы его предвидеть, конечно, не могли:

1. Отчуждением высоко индустриальной области Эльзас-Лотарингии, Саарской области, Люксембурга, находящегося до сего времени под германским покровительством, а также части промышленной области Верхней Силезии.

2. Лишением Германии всех колоний и устранением всех особых прав, которыми немецкий капитал пользовался за границей, что фактически означало изъятие из сферы влияния немецкого капитала всех тех областей, в которые Германия раньше «проникала мирно».

3. Уничтожением немецкой воинской силы, предназначенной для агрессивных целей.

4. Обязательством признания Германией всевозможных соглашений держав-победительниц с другими странами, какого бы рода эти соглашения ни были.

5. Навязанным Германии обязательством возместить все военные убытки и уплатить контрибуции, размеры которых не были зафиксированы (а должны были устанавливаться по мере надобности).

6. Отказом Германии от прав на собственную торговую политику до 1 января 1925 г., в случае выполнения ею всех ее обязательств.

7. Постоянным контролем над финансовой деятельностью и военными делами до выполнения Версальского мирного договора (за отсутствием точно определенных сумм и сроков, это означает возможность его продления на вечные времена).

8. Допущением военной экзекуции при невыполнении определенных требований и установленных обязательств.

9. Оккупацией всего левого берега Рейна так называемыми державами-победительницами, срок которой фактически тоже не был указан.

Таковы в общих чертах наиважнейшие постановления, которые уничтожили всякую самостоятельность германской политики и в то же время должны были воспрепятствовать реорганизации германского хозяйства на империалистическом базисе.

Этот хитроумный план, кроме вышеупомянутого противоречия (которое заключалось в игнорировании того, что такое крупное капиталистически развитое хозяйство, как германское хозяйство, должно было либо погибнуть, как самостоятельная единица, либо империалистически возродиться), страдал еще другим крупным недостатком. Империалистические страны-победительницы не верили ни в естественную необходимость взаимных империалистических противоречий, ни в возможность быстрого развертывания этих противоречий между ними.

Таким образом в этом хитроумном плане очень скоро должна была появиться брешь, которая и предоставила место

самостоятельному развитию немецкого капиталистического хозяйства и немецкой империалистической политики. Очень скоро эти противоречия выявились: так, например, при международных переговорах в Гене, Канне, Брюсселе и на Дальнем и Ближнем Востоке. Эти противоречия и тот факт, что Англия, а позднее и Америка старались использовать Германию в своих интересах против Франции и французской гегемонии на континенте, фактически уже тогда пробили брешь в Версальском мирном договоре. Таким образом, Германия уже очень скоро могла опереться на эти противоречия, не имея в первое время, правда, возможности извлечь из них значительную положительную выгоду. Однако ей удалось достигнуть негативных успехов, а именно — при помощи Англии расстроить намерения империалистической Франции, направленные к уничтожению германского государства. К этому присоединилось то обстоятельство, что в силу известных причин, хотя и с другими целями, Америка проявила оживление своего интереса к Европе и как раз в направлении, соответствующем интересам Англии. Это вмешательство Америки оказалось решающим в том смысле, что оно могло привести не только к восстановлению Германии в качестве экономической области, приносящей проценты американским капиталистам, но и к противопоставлению ее, как единого государственного целого, гегемоническим притязаниям Франции.

Явное выражение этих стремлений мы имеем в плане Дауэса и в дальнейшем в локальных соглашениях. План Дауэса как бы вырвал из Версальского мирного трактата следующие пункты, выгодные для Германии:

1. Точным определением предстоящих ежегодно к уплате сумм и отказом причастных к Версальскому договору держав от произвольных карательных экспедиций должна была быть создана возможность реорганизации германского хозяйства.

2. Эта реорганизация должна была поддерживаться гарантией займов.

3. Было гарантировано фактическое проведение постановлений о собственной немецкой торговой политике (т. е., начиная с января 1925 г., Германия могла приступить к своей собственной торговой политике, что до этого находилось под большим вопросом).

4. Америка выступила поручителем помещенных в Германии банковских займов, что фактически исключало возможность всяких прямых посягательств, поскольку эти последние не исходили от Америки.

Тем самым Версальский мирный договор в важнейших своих пунктах был ликвидирован и был открыт путь для капиталистического, т. е. в данном случае империалистического, возрождения германского хозяйства.

Конечно, скорейшему разрешению вопроса в этом направлении много способствовали и классовые противоречия в Гер-

мании, возросшие в 1923 году до степени революционного взрыва.

Правда, с одной стороны планом Дауэса на Германию был возложен целый ряд обязательств, являвшихся тормозом к ее свободному империалистическому развитию. Так, например, контрольные постановления стали еще более суровы. Внутри Германии агент по репарационным платежам может контролировать общие финансы, налоговую политику, германские государственные железные дороги и даже промышленность. Помимо этого, в силе сохранились все постановления по Версальскому договору, прямо не затронутые планом Дауэса. Сюда присоединяется еще возросшая зависимость на почве исключительно крупных вкладов иностранного капитала в Германии. Но как раз здесь мы не должны переоценивать влияние вкладов иностранного капитала, ограничивающее самостоятельность Германии. Мы можем даже утверждать, что фактически начавшаяся с планом Дауэса империалистическая реорганизация германского хозяйства была возможна лишь благодаря колоссальному импорту капиталов. Только последний сделал возможным эту реорганизацию. (Дело в том, что, в противоположность Советской России, капиталистическое государство не в состоянии после военной разрухи восстановить свое хозяйство собственными силами и средствами.)

Кроме того обнаружилось, что некоторые отрасли хозяйства, охваченные иностранным влиянием («überfremdet»), после реорганизации вновь восстановили свой национальный характер (так, например, акционерная компания Гамбургско-Американской паровой линии вновь приобрела большое число своих акций у группы Гарримана, в финансовую зависимость от которой ей пришлось вступить для того, чтобы возродить совершенно разрушенный немецкий торговый флот).

Далее, большую роль в данном случае играет Америка, которая предприняла финансирование возрождающегося хозяйства Германии и тем самым способствовала смягчению тяжелых для Германии исключительных постановлений. Однако интересы Америки не только в настоящем, но и в дальнейшей заключаются в том, чтобы по возможности препятствовать проведению Францией и Англией контрольных и штрафных постановлений.

Наличием всех этих фактов уже дано быстрое восстановление империалистического государства, обрисованное нами выше. С этого именно момента, в связи с реорганизацией экономического империалистического базиса немецкого капитала, должна была наступить необходимость собственной политики для проведения в жизнь неизбежных тенденций развития этого экономического империалистического базиса. Политика Германии таким образом должна была поставить себе целью разбить оковы, препятствующие ее широкому империалистическому развитию.⁷

В. Новая ориентация внешней политики Германии.

1. Торговля и таможенная политика.

Вскоре после первых протестов против плана Дауэса германский капитал понял, каково значение этого плана и какие широкие возможности он открывает. Уже при голосовании по вопросу о принятии и отклонении его выяснилось, что промышленные круги германских националистов тоже голосовали за социал-демократическую политику выполнения этого плана. Но и юнкера скоро поняли, что для них план Дауэса имеет значение, так как уже через два месяца, в январе 1925 г., созрели первые практические плоды, которые сопровождались явлениями, приятными и для них.

Новая форма всей германской торговой политики и вместе с тем самостоятельное выступление Германии в мировом хозяйстве в качестве фактора торговой политики приняли сразу резко империалистические формы. В тот же день, когда была провозглашена самостоятельность германского правительства в области торговой политики, это правительство разъяснило, что отныне только те государства получают наибольшее благоприятствование, которые сами в свою очередь будут его оказывать. Тем самым было объявлено, что немецкий капитал займет агрессивную позицию по отношению к другим капиталистическим группам. Эта позиция практически проявилась в последовавших затем торговых договорах с Испанией, Швецией, Швейцарией, Францией и Италией.

Но новая форма торговых договоров — это только часть государственной торговой политики. Чтобы еще сильнее подчеркнуть агрессивный характер новой торговой политики, была пересмотрена вся система покровительственных пошлин. Покровительственные пошлины были в общем значительно повышены и с помощью весьма тонкой их дифференциации были превращены в очень действенное орудие. Германия пошла сразу по стопам старой империалистической политики покровительственных пошлин. Если покровительственные пошлины сами по себе не являются доказательством в пользу наличия империализма и не представляют собою формы его проявления особенно тогда, когда они ограждают молодую и мало развитую промышленность от иностранной конкуренции, то они становятся безусловно явлением империалистического характера, как только начинают защищать вполне развитую мощную экспортную промышленность.*

* Когда Гильфердинг был еще марксистом, он указал на империалистический характер такой покровительственной таможенной политики, усматривая в ней изменение функций покровительственной пошлины, которая из пошлины, имеющей воспитательное значение, превращается мало-по-малу в картельную покровительственную пошлину («Финансовый капитал», 1910 г., стр. 381, нем. изд.).

Практически это означает, что в интересах монопольной политики высоких цен (а не в интересах слабо развитой промышленности, не способной конкурировать) могут быть поставлены препятствия всякому ввозу, понижающему цены. Разница между настоящей ценой и ценой, искусственно поддерживаемой, является сверхприбылью монополистов, ведущих покровительственную таможенную политику. Тем самым монополии становятся рычагом дальнейшей концентрации и более усиленного экспорта капитала.

Представители железнорудной промышленности открыто заявили, что они желают избежать опасности падения цен, которая неизбежно должна наступить вследствие гипертрофии роста мировой железнорудной индустрии. Уничтожение ввоза при таком затруднении не играет, например, для железнорудной промышленности никакой роли. Она даже обязалась, на основании соглашения с французской железнорудной промышленностью, привозить в Германию из Франции больше железа, чем то было раньше до новой торговой политики. Для нее важно было, чтобы это вывезенное из Франции железо перешло к потребителям по ценам, установленным немецкой железнорудной монополией. Этого она вполне добилась с помощью собственной торговой организации.

Но новая германская торговая и таможенная политика, ограждая промышленность от ввоза, способствующего падению цен, имеет еще другую цель: заставить сдать свое противника по торговой политике в сфере торговли некоторыми продуктами. Поэтому теперешние покровительственные пошлины носят новое имя «договорных пошлин». Они с самого начала так рассчитаны, чтобы создать удобные условия для спекуляции, не снижая при этом сверхприбыли. Практически на основе этих «договорных пошлин» во время торговых переговоров велась тяжелая борьба; чтобы заставить партнера уступить по известным пунктам, шли на некоторые уступки в смысле снижения фантастически высоких пошлин. Такой агрессивный характер новейшей германской торговой политики привел вскоре к империалистическому конфликту на почве торгового договора с Польшей; империалистический характер этого конфликта признали даже социал-демократы на Гейдельбергском съезде. И даже в тех случаях, когда соглашение не могло состояться из-за высоких «договорных пошлин» (а это случалось нередко), германская тяжелая индустрия и германская сельскохозяйственная промышленность спокойно продолжали оставаться при своих высоких пошлинах, носящих чисто спекулятивный характер. Фактически эти так называемые «договорные пошлины» превратились в минимальные пошлины. Их империалистический характер, таким образом, совершенно очевиден.

Но в Германии, достигшей апогея в развитии монопольной системы, замечается новый поворот, впервые намечаемый гер-

манским империализмом. Речь идет об уничтожении государственной торговой и таможенной политики и о переходе к частно-хозяйственным договорам между отдельными отраслями промышленности, например, между германской и французской железодельательной промышленностью.

Упомянутые выше объединения на определенной территории в данной отрасли производства отказываются от государственной торговой и таможенной политики с тем, чтобы придать другим государствам, с которыми они не находятся в столь тесных монопольных отношениях, всей тяжестью гипертрофированной покровительственной таможенной политики, несмотря на «наибольшее благоприятствование» этим государствам. Таким образом на практике проводимое частным капиталом регулирование ввоза продуктов французской железодельательной промышленности в Германию при обеспеченных высоких ценах передает продукты, необходимые германскому капиталу, по мере возможности, только одному поставщику, находящемуся в тесных монопольных отношениях с германскими железными монополистами, и тем препятствует ввозу из других стран, экспортирующих железо, а вместе с тем повышает агрессивность Германии по отношению к ним. Этим достигается далее и то, что намеченная сверхприбыль обеспечивается почти на 100%, потому что единственный поставщик больших количеств железа составляет их торговым объединением германской железной монополии, т. е. германскому объединению по выработке сырьевой стали или заправляющему им акционерному обществу сталелитейных заводов А. Г.

Таким образом центром тяжести всей империалистической торговой и таможенной политики становятся уже не интересы немецкого капитала вообще; с ростом абсолютной монополии, этот центр тяжести все более перемещается в сферу интересов господствующей монополии, в данном случае — Объединения по выработке сырьевой стали и Стального треста. Государственная таможенная и торговая политика все более конкретно ориентируется на определенную государственную монополию. Естественно, что в этом заключается огромная опасность для широких кругов обрабатывающей промышленности.

Вследствие этой конкретной установки торговой и таможенной политики на господствующую монополию, последняя имеет возможность использовать свои сверхприбыли для еще более сильной конкуренции во всевозможных областях, и даже против своих международных монопольных партнеров. Естественно, что эта конкуренция еще сильнее будет направлена против тех, кто не является участником монополии, в данном случае фактически против Англии. Вместе с тем эта политика покровительственных пошлин дает германской стальной и железной монополии повышенную возможность при помощи строго сконцентрированной сверхприбыли либо скупать доли своих

партнеров, либо проникать своими капиталами в аналогичные международные монопольные объединения.

На этом конкретном примере мы показали агрессивный монопольный и империалистический характер новой германской таможенной и торговой политики. И чем более абсолютный характер принимают монополии в других отраслях промышленности, — например, в промышленности, производящей красящие вещества, в индустрии, производящей искусственный шелк, в калийной индустрии и т. д., тем легче к ним конкретно применять новую германскую торговую политику.

Само собой понятно, что партнеры Германии также проявляют активность в торговых договорах. Они также будут защищаться с помощью высоких покровительственных пошлин и отказа от наибольшего благоприятствования.

Как новы эти последние явления в области торговой политики, основанной на неведомой до сих пор монопольной системе, так же нова идеология, которая опирается на этот экономический базис. Не случайно широкие круги тяжелой индустрии подписали в 1926 г. знаменитый манифест банкиров и промышленников об уничтожении таможенных границ в Европе. Этот знаменитый манифест был одобрительно встречен всеми пацифистами и социалистами, которые видели в нем признание пан-Европы или Европы со свободными таможенными границами. Реформисты видели в этом свой триумф и указывали, что тяжёлая индустрия в сущности ведет их же внешнюю политику. Что как раз эта новейшая торговая политика, которую ведет германское правительство вместе с Международным сталелитейным картелем, делает первый шаг к осуществлению пресловутого паневропейского таможенного союза, видно лучше всего из демократически настроенного «Magazin der Wirtschaft». В 43-м номере за 1926 г. имеется статья известного французского пацифиста Делэзи, в которой он говорит следующее:

«По мере того как умножается число соглашений такого рода (как франко-германский договор, в области железодельной индустрии, *Р. З.*), настоящие охранительные пошлины становятся излишними, так что таможенные границы сами по себе исчезнут».

Однако покровительственные пошлины не были отменены, — наоборот, они приняли только более дифференцированный, более рафинированный вид. Не упали и таможенные барьеры: они воздвигались все выше и выше. Стальная промышленность получила полную гарантию, что сверхприбыли, создаваемые таможенным покровительством, на сто процентов перейдут в ее карманы. Этих немногих замечаний достаточно, чтобы охарактеризовать реакционный империалистический характер «таможенного союза» «пан-Европы» или «соединенных штатов Европы», являющихся теоретическим продолжением соглашений, заключенных среди железодельной промышленности. Мы видим,

что на известной стадии развития монополий империализм принимает иные и новые идеологические формы, чем до войны.

При описывании этих первых империалистических шагов в области торговой политики и при изображении тех новых форм ее, которые развил немецкий капитализм, нужно иметь в виду, что столь интересные торговые отношения между Германией и Францией по вопросу о железе создались не по инициативе Франции, а в результате переговоров, во время которых представители немецкого капитала держали себя чрезвычайно энергично, сознательно стремясь развить эти империалистические формы.

2. Использование Локарно, Берлинский договор, Туари, Лига Наций.

Новая форма немецкой торговой и таможенной политики дала начало самостоятельному движению немецкого капитала. Но ее продолжение и расширение в международную мировую политику были связаны с дальнейшим распадением блока победителей, с распадением, которое нашло свое организационное выражение в плане Дауэса, но окончательно довершено было Локарнским договором.

Локарно является продолжением политики отстранения Франции от гегемонии в Европе, политику, которую проводила Англия при косвенном участии Америки. Германии же Локарно принесло снова фактическое уничтожение ряда параграфов Версальского мирного договора, имевших целью охранить Францию и Бельгию от будущей Германии, которая ведь может вновь усилиться. Одновременно оно дало гарантию, что самостоятельные военные выступления со стороны Франции теперь еще менее возможны, чем раньше. Англия гарантировала установленные Версальским мирным договором западные границы. Хотя никто из заключавших договор не верил в эту гарантию, но все же он создал обстановку, которая дала Германии возможность вести борьбу против условий Версальского мирного договора, ставившего себе задачей охрану Франции; эту борьбу Германия ведет отчасти и теперь.

С другой стороны, Локарно не гарантировало восточные границы Германии, а это фактически означает, что Германия в известных рамках может вести собственную политику по отношению к восточным соседям — Польше, Литве и т. д.

То обстоятельство, что восточные вопросы остались нерешенными, должно было дать возможность Англии прочнее привязать к себе Германию и использовать все узлы противоречий, а именно Германию, Польшу, Литву, СССР и т. д., для нажима на Польшу и Германию, в зависимости от дальнейшего развития отношений между Англией и СССР.

Но преднамеренное Англией полное прикрепление Германии к ее континентальной политике привело к некоторым последствиям, которые были отчасти неприятны и для Англии. Ибо тем самым Германия приобрела некоторую самостоятельность не только по отношению к Франции и Польше, но (на ее основе) даже и по отношению к Англии. Позиция ее стала еще более прочной благодаря росту интереса Америки к Германии и связанной с этим возможности использования Германии в условиях все усиливающегося противоречия между Англией и Америкой. Одновременно с этим, экономическое укрепление Германии, получившее новые стимулы в результате Локарнского договора, должно было способствовать самостоятельному движению германского капитала, отчасти направленному даже против Англии. Локарнский договор, который предполагал превратить Германию в совершенно несамостоятельную шахматную фигуру в английской игре на континенте, выполнил это задание только отчасти. Ибо эта самая английская политика одною своею стороною превратила Германию в заметную и самостоятельную фигуру в европейской игре.

Первые же шаги Германии после заключения Локарнского договора подтверждают правильность этой мысли. Ее подтверждает прежде всего факт подписания русско-германского гарантийного договора, а затем факт возобновления более тесных политических отношений между Германией и Францией перед самым вступлением Германии в Лигу Наций и во время него.

В обоих случаях немецкий капитал воспользовался предоставленной ему Англией свободой движения для того, чтобы нанести той же Англии удары во фланг. Не вступая с Англией в открытую борьбу, немецкий капитал стремился занять такое положение, при котором все дальнейшие намерения Англии в отношении германской политики не смогут быть просто выражены в виде «пожелания», и их осуществление должно будет доставаться Англии ценой уступок в определенных вопросах.

Эта новая позиция не только является симптомом большей самостоятельности Германии, но вместе с тем характеризует своеобразие ряда заключенных в этот период договоров. Берлинский гарантийный договор собственно ничего не меняет в том обстоятельстве, что Германия в силу все ускоряющегося роста империализма становится в противоречие ко всем другим антиимпериалистическим державам, стало быть и к Советской России. Германско-русский договор имеет лишь то значение, что он, благодаря созданным отношениям с Советской Россией, дает Германии возможность иметь в руках средство для нажима на враждебно настроенную Англию. Этот шахматный ход германской политики чрезвычайно смел и действительно обеспечивает германской политике английскую поддержку в ряде

вопросов, потому что в антисоветской английской политике Германия играет существенную роль. И смысл той оговорки, которую сделала Германия в Берлинском договоре в отношении § 16 статута Лиги Наций, заключался только в том, чтобы при проведении этого пункта в жизнь сделать из него новый объект для выгодных махинаций.

Практически эта тактика нажима уже проявилась при обсуждении вопросов об упразднении военного контроля и о передаче этого контроля в руки Лиги Наций. В этих вопросах Англия заставила Францию уступить в ряде пунктов, и если она не пошла дальше в поддержке Германии, то только потому, что нарастающая экономическая конкуренция Германии заставляет английский капитал прибегать ко всем средствам борьбы с этой конкуренцией. Из этих соображений Англия поддерживает французское требование запрещения вывоза машин, которые могли бы быть применены для военных целей.

Характер той же самой политики нажима имеет и стремление Германии к сближению с Францией. Экономически оно достаточно подготовлено договорами в сфере калийной и железодобывательной индустрии, а также созданием международного железного картеля. А экономический базис делает даже возможным и настоящее тесное политическое сотрудничество обеих стран. То, что оно фактически еще не наступило, зависит от того, что как Франция, так и Германия, несмотря на ряд противоречий, желают использовать как можно дольше возможность такого политического блока в качестве угрозы против Англии. Фактическое образование блока было бы возможно лишь после того как были бы урегулированы франко-американские отношения в направлении, желательном для американского капитала, и Америка, финансируя французские дела, заняла бы по отношению к Франции такую же позицию, какую она занимает по отношению к Германии. Лишь тогда стало бы возможным образование такого блока, направленного против Англии.

Таким образом отсутствие прочных дружественных франко-германских отношений не знаменует собой ни возврата Франции к старым настроениям, ни «позорного разочарования» Германии, столь стремящейся к сближению с Францией, но является просто-напросто маневром нажима на Англию с обеих сторон. Не случайно, что вскоре после образования международного железного картеля, объективно направленного против Англии, в Англию отправилась делегация крупной германской индустрии с целью сделать Англии определенное предложение на основе позиции, достигнутой международным железодобывательным картелем, и на основе улучшенных политических отношений с Францией. Далее, отношение Франции к германским пожеланиям в вопросе о контроле было бы совершенно непонятно, если бы стремление к сближению было действительно серьезным, а не являлось

простым средством политики нажима. Точно также и угрозы Германии выйти из континентального железодельательного картеля преследуют не только цели экономического нажима — достижения более высокой доли, но вместе с тем являются кивком в сторону Англии. Смысл этого кивка в том, что Германия, мол, не совсем еще тесно связалась с Францией и могла бы согласиться перейти из континентального блока в англо-германский железодельательный картель или даже в экономический блок, если только Англия предложит соответственное возмещение. Ту же политику ведет и Франция и притом даже с большим успехом. Переговоры между Англией и Францией в мае 1921 г., вызвавшие большое беспокойство в Германии, свидетельствуют о наличии этой двойственности в политике Франции и Германии, несмотря на «сближение» обеих этих стран.

Вхождение Германии в Лигу Наций, Локарнский договор и дальнейшие шаги Германии, направленные к достижению большей свободы маневрирования, — все это создало из нее самостоятельный политический фактор. Германия может использовать наметившееся резкое противоречие между французской и английской группами в Лиге Наций, хотя практические результаты его использования и не могут сказаться сегодня-завтра.

Таким образом мы видим, как параллельно реорганизации экономического базиса немецкого капитала совершается рост его политической самостоятельности и его империалистической политики, и как у него появляются империалистические цели.

3. Осуществление новой внешней политики Германии.

Осуществив в 1925/26 гг. реорганизацию своей промышленности на империалистическом базисе и достигнув некоторой свободы движения во внешней политике, Германия этим самым создала почву для проведения тенденций своего империалистического базиса в новой империалистической политике. Но пока создана была только основа, так как все еще существовали и поныне существуют условия, задерживающие широко задуманную империалистическую политику и мешающие проведению в жизнь закономерностей империалистического развития.

Из упомянутых выше международных постановлений, которым немецкий капитал должен был подчиниться, мы укажем лишь на те, которые особенно задерживали империалистическое продвижение немецкого капитала:

1. Ограничение и контроль немецкой системы вооружения через посредство постоянной комиссии, снабженной чрезвычайными полномочиями и состоявшей из представителей империалистических европейских государств.

2. Запрещение производства военных материалов сверх того количества, которое определено Версальским мирным договором, даже запрещение производства предметов, которые могут быть применены в качестве орудий или материалов для военных целей, например, запрещение строить моторы для аэропланов определенной конструкции и величины, запрещение строить аэропланы, моторы-дизеля определенных категорий и т. д.

3. Ограничение воздухоплавания вообще.

4. Отказ от всякой попытки нового определения границ, установленных мирным договором.

5. Сохранение постоянной оккупационной армии в Прирейнской области.

6. Экономический и финансовый контроль со стороны доверенных Дауэса. (Это постановление проводилось в жизнь очень мягко, а потому и стремление устранить этот пункт не стало такой прямой актуальной проблемой.)

7. Обязательство выплачивать ежегодно определенную сумму в качестве возмещения для восстановления повреждений, причиненных во время войны. По плану Дауэса, эта сумма должна была быть определена, но она так и не была твердо установлена.

8. Лишение Германии всех колоний и передача этих колоний, в качестве мандатных областей, во владение ее бывших империалистических военных противников.

Вот главные условия, мешающие проведению в жизнь империализма и расцвету империалистической политики.

Немецкий капитал, в начале своей реорганизации и при дальнейшем развитии ее в широко развернутый империалистический экономический базис, поступил совершенно последовательно, предприняв борьбу с целью устранения важнейших и наиболее мешающих условий.

Задачи, которые ставил себе немецкий капитал во внешней политике в течение 1926 — 1927 годов и которые он до сих пор себе ставит, сводятся к следующему:

а) Борьба с военным контролем и с ограничением вооружения вообще.

б) Борьба с установленными Версальским мирным договором границами и против оккупации Рейнской области.

в) Борьба за возвращение прежних германских колоний или, по крайней мере, за получение новых колониальных областей.

д) Борьба с платежами Дауэса вообще или, по крайней мере, — в качестве переходной стадии этой борьбы — требование их отмены в их теперешней форме.

Эти основные условия выражают конкретное содержание так называемой политики выполнения и определяют позицию Германии по отношению к другим капиталистическим государствам, а также к Советскому Союзу, — поскольку та или иная ее позиция зависит от самой Германии. Понятно, что борьба за выполнение упомянутых задач происходит на основе общей

борьбы за развитие и расширение рынка сбыта для колоссально развившегося монопольного производства немецкого капитала.

На ряду с этими основными проблемами германской внешней политики имеется, конечно, ряд других проблем, которые связаны с необходимостью провести в жизнь тенденции развития империалистического базиса, но которые в данный момент не так остры, как те, о которых говорилось выше.

Здесь нам важно только указать, каков тот наиболее последовательный путь, который прокладывает себе германский капитал во внешней политике для осуществления необходимых империалистических тенденций своего развития; характеристика этого пути ясно раскрывает и характер так называемой политики выполнения.

Борьба с указанными условиями велась до сих пор по следующим пунктам и со следующим результатом.

а) Борьба с военным контролем и ограничением вооружения вообще.

По этому вопросу с самого начала следует заметить, что германская военная сила отнюдь не так слаба, как это принято думать. Хотя численность немецкой армии официально не должна превышать 100 000 чел., но эта армия в 100 000 чел. представляет собой кадровое войско, т. е. войско, большая часть которого состоит из солдат, в течение девяти лет находящихся на военной службе. В военном отношении эти 100 000 человек представляют собой вполне подготовленных унтер-офицеров и офицеров и равны армии в 600 000 — 800 000 человек. Соответственно такому количеству унтер-офицеров и число среднего и высшего офицерства чрезвычайно велико. Очень редко случается, чтобы такая маленькая армия имела такой огромный офицерский корпус. И это не пустая игра, а сознательная организация, так как данная армия является лишь основой большой армии. Для того чтобы солдатские кадры могли быть немедленно мобилизованы в случае войны и уже теперь составляли нечто вроде резерва большой армии, для этого черный рейхсвер занимается военным обучением широких слоев населения, и это обучение систематически ведется с начала 1923 г. и продолжается по сей день. Кроме того, военным воспитанием молодежи занимаются всяческие право-радикальные союзы, как, например, «Стальной шлем», «Союз викингов», и всякие другие. Эти союзы также создают военное ядро, хотя, конечно, не в такой степени, как рейхсвер.

Если с вопросом о количестве рейхсвера и будущей германской армии обстоит дело не так страшно, как это можно было бы заключить из голой цифры в 100 000 человек, то и с вопросом о вооружении тоже не все так просто. Трудно провести радикальное разоружение в стране, где химическая индустрия

стрия как в смысле качества продукции, так и в смысле организации является первой в мире. С очевидностью доказано, что побочные отрасли производства химической индустрии, не производящие непосредственно для военных надобностей, применяют, однако, такие элементы, которые в других соединениях образуют самые страшные химические орудия; практически это значит, что чем сильнее развита химическая индустрия мирного времени, тем сильнее скрытый аппарат военной индустрии.

Сложнее обстоит дело с вопросом о тяжелом вооружении, о снарядах, артиллерии и гранатах. Конечно, и здесь заводы, которые раньше поставляли это вооружение, как, например, Крупновские заводы, чрезвычайно быстро могут перейти к прежнему производству, несмотря на то, что заводы эти теперь заняты мирным производством. Но, понятно, возможность такого перехода всегда должна быть заранее предусмотрена, а то он займет больше времени, чем могут позволить условия современной войны.

Тут мы подошли к тому пункту, с которого начинается самостоятельная германская политика, ставящая себе далекую цель восстановления сильной армии. Германская политика начинает совершенно правильно не с борьбы за удвоение или утроение своей воинской мощи, а с борьбы против контроля со стороны генералитета бывшей Антанты и против чрезвычайных условий, задерживающих производство машин и орудий производства, которые могли бы быть использованы в военных целях. Германский капитал начал эту борьбу с конца 1926 г. и ведет ее с известным успехом. В конце января контроль перешел из рук междусоюзной контрольной комиссии в руки Лиги Наций, т. е. был уничтожен весь аппарат контроля или, вернее, шпионажа. Лига Наций не содержит в Германии специального аппарата шпионажа. Кроме того, Германия сама является полноправным членом совета Лиги Наций и благодаря этому, а особенно благодаря своей двойной политике, легко может изменить в своих интересах характер этого контроля со стороны Лиги Наций. При ловкой политике Германии легко превратить этот контроль в фарс, как это было с мандатной комиссией в отношении мандатных колоний.

Какое практическое значение имело устранение контроля, действующего до сих пор, видно из следующих данных о деятельности контрольной комиссии. Контрольная комиссия состояла вначале из 369 офицеров и 610 человек; она устроила свое главное контрольное бюро в Берлине и 15 посреднических и второстепенных бюро в других частях государства. Одних грузовиков в ее распоряжении было 200 штук. С 1919 года до конца 1926 года контрольная комиссия сделала 33 381 контрольное посещение с перерывом во время Русской оккупации. В 121 случае германские чиновники доказали нарушение правил со стороны контрольных офицеров. Эти нарушения состояли

в явно доказанных попытках шпионажа, противозаконных присвоениях официальных материалов и т. д. Содержание этой контрольной комиссии обошлось приблизительно в 39 миллионов золотых марок. По инициативе контрольной комиссии Германия выдала около 45 000 орудий и трубок, 28 000 лафетов, 28 500 орудий для метания мин, 39 миллионов артиллерийских снарядов и мин, 105 000 механических ружей, 14 000 аэропланов и около 28 000 аэропланых моторов. Отсюда мы видим, что эта контрольная комиссия развернула совершенно исключительную деятельность.

Кроме того, в последнем договоре от февраля 1927 г. существенно смягчены условия, касающиеся производства машин и орудий производств, которые могут быть использованы в военных целях. И это смягчение контроля, да еще увеличивающийся интерес Англии к военной мощи Германии дают Германии возможность создать довольно значительное полулегальное производство военных предметов. Наконец, вопрос о новых крепостях на востоке также теперь разрешается для Германии в более благоприятном смысле в виду напряженной ситуации, какая имеется между Англией и Советским Союзом. Крепости, не прямо направленные против Польши, могут быть оставлены.

Дальнейшие шаги Германии направлены в сторону игнорирования всех еще существующих ограничительных условий контроля и ограничений в деле восстановления машин, пригодных для применения на войне. И лишь второстепенное место занимают попытки усилить видимую мощь германской армии. Одновременно идет оживленная пропаганда против всех вообще ограничений в деле вооружения. Какой успех имеет эта пропаганда, лучше всего видно из речей некоторых лиц, играющих значительную роль. 15 января 1927 г. Штреземан произнес в Гамбурге речь, в которой имеются следующие фразы:

«При равноправии всех членов Лиги Наций невозможно допустить длительное сохранение такого положения, при котором все государства будут свободно вооружаться, а Германия останется безоружной и под контролем» (из «Deutsche Bergwerkszeitung», 16 января 1927 г.). Но уже 28 марта 1927 г. военный министр Гесслер объявил в рейхстаге следующее:

«Так продолжаться дальше не может. Или всеобщее разоружение, или же и мы должны быть поставлены в такое положение, чтобы противостоять своим противникам с равносильным оружием. (Совершенно верно! — справа)... Совершенно невозможно держать такое государство, как Германия, члена Лиги Наций, на положении какого-то индейского племени». (Речь взята из «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 30 марта 1927 г.)

Уже из одного тона речи военного министра видно совершенно ясно, как растет сознание цели в борьбе за свободу вооружения. И колоссальные расходы на сооружение так называемых ремонтных мастерских для флота, которые гораздо

более похожи на новейшие верфи, показывают, каков тот путь который проложен уже на практике. *

Какое значение придавал немецкий капитал этому вопросу о военной силе, видно из того, что когда социал-демократия после нападков на военного министра в конце 1926 г. по внутри-партийным основаниям вынуждена была поставить вопрос о своем вступлении в правительство, германский капитал также вынужден был разрешить правительственный кризис путем образования преждевременного буржуазного блока. Этот блок был преждевременен потому, что часть представителей финансового капитала предпочла бы несколько подождать с его образованием. Но нападки социал-демократии на священнейшие его блага, на военную мощь Германии, заставили немецкий капитал поступить именно так.

в) Вопрос об исправлении границ.

Учитывая соотношение сил после войны, немецкий капитал ясно сознает, что исправление границ на западе, пока оно будет происходить на основе Версальского мира, абсолютно невозможно, т. е. что немецкий капитал должен окончательно (насколько вообще что-нибудь может быть окончательным в империалистической политике) отказаться от Эльзас-Лотарингии. Понятно, что такой окончательный отказ относится только к политическому воссоединению Эльзас-Лотарингской области с германским государством. Немецкий капитал не думает отказываться от возможности проникнуть экономическим путем в эту столь значительную область. Поэтому он охотно поддерживает все автономные тенденции в Эльзас-Лотарингии, так как автономная Эльзас-Лотарингия ему гораздо приятнее, чем Эльзас-Лотарингия, как часть Франции. Эта спекуляция на автономию отчетливее всего видна в рассуждениях вполне серьезного журнала «Archiv für Politik u. Geschichte».

«Вопрос о том, овладела ли Франция Эльзас-Лотарингией внутренне и сможет ли она ее удерживать в будущем, должен будет еще решиться, но заметное развитие автономных тенденций в Эльзас-Лотарингии с «весны 1925 г. показывает, что эта проблема еще не разрешена в достаточной мере» (Archiv f. P. u. G. 5, Heft 12, S. 23).

Иначе обстоит дело с Саарской областью. Формально эта последняя только на 15 лет присоединена к французской таможенной области. Понятно, что, создавая этот пункт, Франция намеревалась вовсе не возвратить Германии Саарскую область.

---

* Вряд ли ошибочно будет наше предсказание, что в недалеком будущем, если только не случится чего-нибудь чрезвычайного, всеобщая повинность станет важнейшим паролем пропаганды в Германии, может быть под лозунгом «Уменьшение безработицы» или же «Освобождение бюджета от чрезмерно больших расходов на кадровую армию».

Но в результате уменьшения политического влияния Франции, в виду экономического кризиса и националистической политики Франции маловероятно, чтобы через 15 лет плебисцит в этой области, даже под влиянием французского капитала, был в пользу Франции. Как только началась реорганизация немецкого капитала на основе современных крупных картелей и трестов, так сейчас же стал обнаруживаться переход саарской крупной промышленности на сторону германских союзов предпринимателей. Во время германской инфляции большая часть саарских предпринимателей оказалась настроена в пользу Франции, но сейчас тяга капиталистов Саарской области к Германии так очевидна, что Франция окончательно отказалась от длительного владения этой областью. Исходя из этого положения, Германия после приема в Лигу Наций стала вести самостоятельную политику и в этом вопросе. Она поставила себе целью возвратить Саарскую область еще до установленного срока. Эта проблема тесно связана с проблемой изменения обязательств, принятых по плану Дауэса, о чем речь ниже. Если даже немецкому капиталу не удалось сразу после первого удара, полученного при переговорах в Туари, достигнуть своей цели, то все-таки разрешение проблемы с течением времени не должно представить неразрешимых трудностей. (О существующих затруднениях будем говорить дальше.) Следовательно, и в этом пункте наблюдается активная деятельность немецкого капитала и его политического уполномоченного Штреземана и других в направлении устранения всех затруднений, стоящих на пути развития империализма.

Однако на востоке, несмотря на преждевременное возвращение Саарской области в состав немецкого хозяйства, мы имеем возможность весьма значительного изменения границ. Во-первых, отсутствие гарантирования восточной границы со стороны Англии по Локарнскому договору ловко направило активность немецкой внешней политики именно в эту сторону, во-вторых, политика Англии в отношении Советского Союза значительно обострилась и приняла конкретные формы под влиянием событий в Китае. Само собой разумеется, что каждая попытка теснее привлечь Германию к английской анти-советской политике вызывает со стороны Германии ответное требование пересмотра вопроса о польском коридоре. Польский коридор представляет собой самое неудачное детище, когда-либо вызванное к жизни мирным договором. Столь важная в аграрном отношении Восточная Пруссия безо всякого затруднения может быть отрезана Польшей от Германии при малейшем обострении политической обстановки. В большей мере Восточная Пруссия уже и сейчас является отрезанным ломтем. Помимо того, линия коридора вплоть до Шнейдемюль представляет собой прекрасный плацдарм для развертывания польской армии. В стратегическом отношении восстановление

старых границ означало бы создание естественных тисков для захвата Варшавы как с севера, из Восточной Пруссии, так и с юга, из Силезии. До тех пор, пока между Литвой и Польшей происходили столь ожесточенные раздоры из-за Виленской области, нечего было и думать о практическом подходе к разрешению вопроса об изменении границ. После переворота в Литве и сближения с Польшей под влиянием Англии возникает возможность регулировать этот вопрос. Это близко касающееся Германии изменение группировок на германской границе, несмотря на желание Англии поймать Германию на новую удочку, значительно обострит вопрос о регулировании границ. Эта возможность значительно увеличится в том случае, если Латвия продолжит собою цепь террористических фашистских государств, начиная от Румынии на Черном море вплоть до Финского залива.

Реальное значение вопроса об изменении восточных границ и конкретные активные устремления новой немецкой внешней политики видны из следующей выдержки, взятой из обычно весьма уравновешенного, даже пацифистски настроенного журнала «Europäische Gespräche» — «Европейские беседы». Этот ежемесячник по вопросам внешней политики, как он себя называет, пишет в 3-м номере за март 1927 года, следующее:

«Далее возникает вопрос, какую позицию должна занять Германия по отношению к Польше. Здесь возникают громадные затруднения на востоке, так как вопрос о коридоре должен быть пересмотрен. Польша отдает себе в этом полный отчет, но не только отклоняет всякие переговоры на эту тему, но еще и жонглирует мыслью о присоединении Восточной Пруссии». (И. Ф. Брандт, «Внешнее положение Германии». Разрядка наша — Р. З.)

Самый факт, что вопрос о коридоре и пересмотре восточных границ является предметом оживленных дипломатических переговоров, виден из следующего сообщения:

«На дальнейший вопрос о том, говорил ли Штреземан в Туари с Брианом о необходимости изменения восточных границ Германии, Бриан ответил утвердительно. Он говорил тогда Штреземану, что решающим моментом для нового устройства немецко-польской границы явится только вопрос о компенсациях, предлагаемых Германией Польше».

Орган Чемберлена «Таймс» также разбирал этот вопрос, при чем упомянул о том, что коридор в связи с Литвой и Польшей уже давно занимает внимание дипломатов.⁸

Если вопрос о восточных границах, по нашему мнению, никак не может быть решен сегодня-завтра, он все же поставлен германской политикой в порядок дня и представляет собой одну из важнейших целей внешней политики нового немецкого империализма.

В связи с вопросом о границах стоит также проблема освобождения германских областей от оккупационных войск на

Рейне. Если это требование с внешней стороны кажется чисто «национально-освободительным», каким оно было, например, во времена Рурской оккупации, то все же нельзя упускать из виду, что ныне, вследствие реорганизации немецкого капитала, оно наряду с этим национальным моментом приобрело и чисто милитаристическую окраску. В целях пропаганды, естественно, выдвигается исключительно национальный характер требования. Однако, начиная с того момента, как германская политика получает установку на усиление империалистической мощи, суть вопроса уже не может исчерпываться тем, что оккупация оскорбляет «национальные чувства» рейнских крупных капиталистов; ибо чрезвычайно благоприятная стратегическая позиция, непосредственно на берегу Рейна, вынуждает немецкий капитал заниматься яростной агитацией против оккупации. Далее эта агитация ведется и против занятия значительных промышленных областей войсками Антанты. Кроме того, в оккупированных областях, естественно, сильно развит экономический шпионаж.

Главным образом, эти причины, а не чувство национального унижения выдвигают на первое место требование об удалении оккупационных войск, при чем национальный характер этого требования естественно служит средством маскировки его империалистической подоплеки, которую скрывают от широких слоев населения. Однако в этом случае мы имеем перед собой одно из немногих требований, в котором национальный момент тесно связан с империалистическим.

с) Борьба за колонии.

Значение бешеной пропаганды, которая ведется в настоящее время за создание новых немецких колоний или за возвращение старых, только в том случае может быть оценено по достоинству, если мы уясним себе, что это стремление к колониям представляет собой не что иное, как одну из характерных особенностей процесса монополизации немецкого капитала. На определенной ступени развития финансовый капитал не удовлетворяется монополизацией целых отраслей промышленности, а стремится к тому, чтобы захватить в свои руки иностранное сырье. (Сравни Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», 2-е издание, 3-я глава.)

Агитация за создание новых немецких колоний ведется в Германии с момента подписания мирного договора. Эта агитация приняла более значительные размеры после вступления Германии в Лигу Наций, и можно сказать, что с этого момента кампания за колонии получила официальный характер.

После того как так называемое общественное мнение под воздействием всех буржуазных газет, вплоть до социал-демократических, получило установку на колониальную пропаганду, а в германском рейхстаге была выделена особая комиссия для

изучения вопроса о колониях с привлечением в нее социал-демократов, и после того как из бывших немецких колоний под давлением подкупленных вождей поступили в Мандатную комиссию Лиги Наций прошения о возврате этих областей Германии правительство косвенным образом довольно откровенно объявило о своих намерениях.

Акционерное общество Государственного кредита, официальный банковский институт правительства, затронуло вопрос о колониях в своем отчете за протекший хозяйственный год. Так как это учреждение носит правительственный характер, оно естественно не могло говорить тем же языком, которым говорит «Дейтше Бергверксцейтунг», которая просто заявляет о грабеже и о возвращении награбленного. В этом отчете говорится:

«Германскому народному хозяйству, наравне с другими странами, должна быть предоставлена возможность оказывать поддержку развитию производительных сил и расширению обмена в тех далеких странах, которые богаты растительным сырьем и ископаемыми, но в которых эти богатства использованы лишь отчасти».

За этими высокопарными речами просто-напросто скрывается не что иное, как известное нам стремление к захвату колоний.

Время от времени поступают сообщения из Америки, подтверждающие, что Америка весьма сочувственно относится к колониальным стремлениям Германии. Например, «Берлинер Тагесблат» от 18 января 1928 года приводит соответствующие выдержки из «Нью-Йорк Таймс».

Далее наблюдается возвращение немецких подданных в бывшие немецкие колониальные владения, при чем им отдают отнятое у них в свое время имущество. Таким путем немалая часть немецкого капитала снова возвращается в бывшие немецкие колонии.

Заинтересованные в пропаганде требуют от правительства, чтобы вопрос о колониях был поставлен на одном из ближайших заседаний Лиги Наций. «Дейтше Бергверксцейтунг» от 21 января 1927 года заявляет:

«Итак, в 1927 году мы можем ожидать весьма интересных колониальных дебатов в Женеве, если только Германия решится потребовать пересмотра вопроса о колониях на пленуме Лиги Наций».

Германское правительство быстро реагирует на эти и им подобные требования крупного капитала и может похвастаться тем, что в результате его усилий Германия была принята в мандатную комиссию, заведующую подмандатными областями Лиги Наций. Кроме того, начаты переговоры с Италией в том смысле, чтобы Италия оказала содействие официальному требованию Германии на отведение этой последней мандатных областей.

д) Борьба против плана Дауэса.

Одной из задач, имеющих чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития германского империализма, является борьба против взимаемых с Германии ежегодных платежей, достигших в 1928 году суммы в 2,5 миллиарда марок. Уже раньше, когда мы говорили об экспорте капитала, мы указывали на огромное значение этих обязательств. Но германский капитал опасается требовать пересмотра плана Дауэса с такой же настоятельностью, с какой он требует очищения Рейнских областей, ибо он прекрасно знает, что против подобной попытки, во-первых, выступили бы американцы, во-вторых, с величайшей энергией запротестовал бы французский капитал и, в-третьих, что в этом вопросе время — лучший союзник германского капитала. Уже упоминавшийся нами журнал «Magazin der Wirtschaft» совершенно открыто высказывает это в номере от 4 августа 1927 г. Журнал заявляет:

«Вид, который приняла мировая внешняя торговля, заставляет кредиторов Германии по собственному почину приступить к видоизменению Дауэсовского соглашения».⁹

Когда в 1927 году разразился биржевой крах, — первый из серии все учащающихся биржевых крахов, — его ставили в связь с мероприятиями по переводу платежей, предпринятыми агентом по репарациям. Осенью выяснилось, что агент по репарациям не мог перевести все подлежащие переводу платежи, и тогда стали указывать на опасность, грозившую германской валюте в будущем году. Это несомненно оказало известное впечатление на ряд иностранных кредитодателей.

Но особенно важную победу в смысле пересмотра плана Дауэса германский капитал отпраздновал тогда, когда в разгаре дебатов на тему о том, какие долги должны выплачиваться в первую очередь, — долги, связанные с планом Дауэса, или долги по иностранным займам, — американский капитал решительно высказался в пользу частных заграничных займов. Это в сущности с полной ясностью показало, что частные кредиторы Германии, то есть главным образом американские крупные банки, будут определять судьбу плана Дауэса, а не комиссия по репарациям и не главная заинтересованная сторона — Франция.⁹

Интересно отметить, что уже в настоящее время некоторые английские круги поддерживают стремления Германии освободиться от плана Дауэса в надежде по возможности ослабить этим путем ее конкуренцию, довольно осязательно чувствуемую.

На тот же случай, если изменение плана Дауэса в силу вышеприведенных причин не произойдет в скором времени, германский капитал стремится капитализировать — в подлинном смысле этого слова — платежи, которые должна вносить Германия.

Первая попытка в этом направлении была сделана во время переговоров Германии с Францией в Туари. Германия предложила взамен немедленного возвращения Саарской области и некоторых других уступок предоставить в распоряжение Франции железнодорожные облигации, выпущенные в связи с планом Дауэса, и гарантировать ей уплату по ним процентов. Мобилизация этих железнодорожных облигаций дала бы много миллиардов марок. Реализация хотя бы части этой суммы, разумеется, дала бы французским финансам необычайно солидный базис. Если германскую марку можно было поддерживать с помощью обеспечения в один миллиард, то реализация хотя бы части железнодорожных ценностей спасла бы французские финансы. План этот разбился лишь вследствие того, что американцы, которым пришлось бы играть главную роль при реализации железнодорожных облигаций, отнеслись отрицательно к этому предложению, ибо проблема французских долгов Америке до сих пор еще не урегулирована. Оттяжке окончательного решения способствует еще и то, что Франция, которой удалось достичь на время сравнительной стабилизации франка, в данный момент не заинтересована столь сильно в мобилизации этой части Дауэсовских платежей.

Если бы платежи были использованы таким образом, их характер в корне изменился бы. Вместо того чтобы быть средством для разорения Германии, они стали бы орудием для проведения конкретных целей новой германской империалистической политики. Даже долги начали бы превращаться в полезное вложение капитала. Это — логическое противоречие, возможное только в капитализме и в особенности в его империалистическую эпоху.

В предыдущей главе мы показали путь, на который неизбежно должна стать германская политика для разрешения поставленных перед нею империалистических задач; в этом отделе мы доказали, что фактически выставленные германским капиталом проблемы вполне соответствуют империалистическим нуждам германского капитала. Когда мы уясним себе эту связь, так называемая «политика исполнения» социал-демократии и Штреземана предстанет перед нами в новом, совершенно своеобразном свете.

Следует, однако, подчеркнуть, что здесь мы коснулись лишь наиболее важных империалистических целей германского капитала. В настоящее время на очередь ставится уже и целый ряд других проблем, имеющих большое значение для дальнейшего империалистического развития германского капитала. Такими проблемами является, например, вопрос о возвращении собственности, конфискованной во время войны, и о присоединении к Германии Германской Австрии, что должно послужить возмещением за перекраивание германских границ, произведенное Версальским трактатом. Вскоре будут, вероятно, выставлены и дальнейшие империалистические требования.

С. Империалистический характер немецкой внешней политики.

Хотя теоретически кажется вполне понятным, что при наличии монопольного финансового капитализма может вестись только политика империалистического характера, необходимо все же исследовать, насколько глубоко влияют интересы финансовых монополистов на политику данного государства. Насколько это ясно по отношению к английско-американской и даже французской политике, настолько затруднительно выяснить это по отношению к Германии, у которой обстоятельства до настоящего времени складывались совершенно иначе. До проведения в жизнь плана Дауза, несмотря на значительное развитие монополии финансового капитала (Стиннес, Тиссен, Крупп и т. п.), этот последний не мог свободно развиваться в условиях немецкой жизни. Особенно сильно это сказывалось в первое время после катастрофы, благодаря положению, завоеванному рабочим классом и внешним затруднениям, вызванным насилиями стран-победительниц. А впоследствии непосредственное проведение в жизнь монопольных интересов капитализма не могло осуществиться в рамках немецкой политики главным образом в силу второй из названных выше причин. В виду этого немецкий финансовый капитал, совместно с мелкой буржуазией (включая сюда и социал-демократию) надел на себя личину национальной угнетенной буржуазии. Однако, насколько эта роль угнетенного капитализма противоречила всей сущности немецкого финансового капитала, видно уже из того, что этот последний наотрез отказался принять все последствия, вытекающие из подобного маскарада. Это значит, что немецкий финансовый капитал, в виду своего превращения в монопольный финансовый капитал, не мог взять на себя руководство в борьбе за освобождение угнетенного народа. Он должен был занять откровенно враждебную позицию по отношению хотя бы к национально-буржуазной освободительной борьбе. Это явление известно не только из истории Германии за 1918—1924 годы. Поэтому, когда вспыхнула борьба за Рур, немецкий финансовый капитал сразу же начал искать и нашел общую платформу с французским капиталом и совместно с французской военной силой обратился против революционных рабочих Рурской области, которые хотели вовлечь буржуазию в подлинную борьбу против французского империализма. Как ни мало способен был немецкий капитализм в виду своей монопольной структуры вести прогрессивную неимпериалистическую борьбу, он до окончательной реорганизации своей экономической базы еще менее был в состоянии вести империалистическую политику, ибо этому мешало и общее политическое положение, и поставленные ему ограничения.

Перед этой реорганизацией, то есть перед проведением в жизнь плана Дауэса, немецкая внешняя политика по существу заключалась в борьбе против репарационных платежей, требуемых французским капиталом в связи с постоянной военной угрозой, в борьбе с аннексионными стремлениями Польши и с ввозом иностранных товаров. Лишь один раз попытался немецкий капитал провести активную и самостоятельную политику, заключив во время Генуэзской конференции Рапальский договор с СССР. Но эта смелость продолжалась недолго. Лишь после осуществления плана Дауэса при заранее намеченной поддержке английско-американского капитала политика Германии стала стремиться к удовлетворению потребностей империалистического развития и получила возможность добиваться успехов в этом направлении; это стало возможным только в связи с усмирением угрожающего революционного движения и опасности дальнейшего империалистического давления со стороны Франции при одновременной реорганизации немецкой индустрии на новой монопольной базе. Это обозначало решительное изменение того положения, в котором находилась Германия до проведения в жизнь плана Дауэса. Эта перемена, вместе с качественными и количественными изменениями монопольной структуры немецкого финансового капитала, обусловила качественное изменение немецкой политики. Итак, теперь речь идет уже не только об империалистических тенденциях, проявляющихся в немецкой политике, но о ясно выраженном империалистическом характере последней. Характер немецкой политики предопределяется ее целеустремленностью. Ведь требования об уничтожении ограничений и обязательств выставляются не во имя создания национально независимой Германии, а имеют целью укрепление империалистической мощи этой страны. Немецкая политика стремится к приобретению и усилению этой мощи, которая пока еще не так велика, если подойти к ней с масштабом мировой политики. Речь идет уже не о том, чтобы сделаться просто империалистической державой, а о том, чтобы стать решающим империалистическим фактором в ряду других крупных держав. Теперь военная слабость Германии, ее ограниченное значение и незначительное проникновение во внеевропейские экономические области уже не предопределяет характер германской державы, т. е. вопрос о том, носит ли она империалистический или неимпериалистический характер; эти факторы обуславливают лишь ее удельный вес в качестве интернациональной империалистической силы. Это превращение произошло в процессе реорганизации на новой монопольной базе; оно протекало на основе фактического проведения в жизнь немецкой политикой монопольных финансовых интересов. Из подобной же слабости бельгийского, польского или голландского капитала никто не выведет того заключения, что политика этих государств не носит империалистического характера. Империали-

стический характер этих государств и их политики несомненен. Вопрос заключается лишь в их оценке в качестве империалистических факторов. То же относится и к Германии. По сравнению с этими странами Германия имеет то преимущество, что она таит в себе громадные силы империалистических возможностей, которые она не может проявлять в виду чинимых ей препятствий и которые тем не менее прорываются сквозь все преграды, поставленные другими державами. В других упомянутых нами странах мы не имеем этого накопления сил, обусловленного противоречиями между мощной экономической базой и ограниченными политическими возможностями. Наоборот, в Польше мы имеем значительную гипертрофию империалистической политики по отношению к ее империалистической базе.

Мы привели это сравнение с целью выявить империалистический характер немецкой политики, а не с целью преувеличения достигнутого ею положения в ряду прочих империалистических держав. Мы должны отдать себе отчет в том, что это положение является весьма незначительным. Как бы ясно ни проявлялся ее империалистический характер, Германия стоит еще в начале пути, ведущего к завоеванию крупного положения в качестве империалистического фактора. При оценке немецкого империализма необходимо очень точно разграничивать понятия империалистического фактора и империалистической державы. В виду этого мы, говоря о тенденциях, можем говорить лишь о стремлении немецкого империализма занять положение крупной империалистической державы, но не о его стремлении к империалистической политике.

Мы потому так подробно остановились на этом разграничении, что немецкий империализм с помощью социал-демократии отлично умел прятать свое настоящее лицо. При этом немецкий империализм (а также, конечно, и социал-демократия) сознательно стремился истолковать немецкую политику в духе той эпохи, когда он выступал, правда, в качестве финансового капитализма, но был лишен всякой национальной самостоятельности и даже был угнетен иностранным капиталом. Любопытно, что тот же самый капитал, который отказывался сделать надлежащие выводы из своего положения угнетенного и эксплуатируемого капитала, теперь не решается расстаться с этой маской, чтобы под личиной освобождения Германии от чужеземного ига вести политику «выполнения». Тот факт, что существует еще ряд ограничений немецкого империализма, не отличающихся формально от ограничений, существовавших в 1922/23 году, дает социал-демократам возможность и теперь еще говорить о политике «выполнения», когда уже всем ясно, что речь идет о политике чисто империалистического характера. Это то же самое явление, которое позволяет самому националистическому изо всех бывших со времени революции кабинету выступать

под личиной политики «выполнения» и политики национального освобождения, привлекая на свою сторону значительные слои рабочего класса и мелкой буржуазии. Именно эти слои никогда бы не последовали за ясно выраженными империалистическими тенденциями, — особенно если принять во внимание изменившийся характер немецкого империализма. Они делают это, доверяясь социал-демократии, жонглирующей понятиями освобождения и империалистической политики. Только этим и объясняется, что в современной Германии всеми партиями, начиная от националистов вплоть до социал-демократов, ведется одна внешняя политика. Это возможно лишь благодаря тому, что внешняя политика, нося империалистический характер, имеет одновременно возможность прятать его за пышные речи о национальном освобождении. С этим фактом необходимо считаться при оценке колебаний внутри революционных сил. Даже в этом кругу раздаются или раздавались голоса, утверждавшие, что пока еще не может быть и речи об империалистическом характере немецкой политики, а можно говорить лишь об империалистических тенденциях немецкой внешней политики. Между тем немецкий империализм быстро преодолел фазу зарождения «империалистических тенденций» (по меньшей мере со времени вступления Германии в Лигу Наций, а, может быть, и еще раньше) и давно уже принял ясно выраженный империалистический характер. Даже дань, выплачиваемая немецким капиталом иностранному капиталу, не является противоречием в этой системе. Мы уже видели, как немецкий капитал открыл путь к использованию этой дани для своих империалистических целей. Кроме того, если ставить вопрос о дани, то может показаться, что и Франция — не империалистическая держава, так как в общем и целом и она должна будет уплатить Англии и Америке не менее, чем Германия. Даже Англия является данницей американского капитала. Урегулирование вопроса о долгах принесет с собой французскому капиталу точно такое же подчиненное положение, какое оно принесло Германии, т. е. такой же контроль над нею, поколебав ее суверенитет не менее, чем оно поколебало суверенитет Германии, не уничтожив при этом империалистического характера французской политики. Во всяком случае это сильно уронило бы ее значение в качестве империалистического фактора в ряду других империалистических крупных держав.

Отсутствие колоний также часто приводится в качестве аргумента в пользу неимпериалистического характера немецкой внешней политики; но не только обладание колониями само по себе делает капиталистическую страну империалистической, — колонии существовали задолго до империализма. Безграничное стремление к обладанию новыми областями, представляющими собой монопольные источники сырья и рынки сбыта

для крупных капиталистических трестов, — вот что является целью стремлений современной Германии, придавая ее политике ярко выраженный империалистический характер. Качественное различие между борьбой Италии и Франции за далекие новые колонии и борьбой Германии за колонии вообще не играет настолько значительной роли, чтобы на основании этого различия можно было определять это стремление Германии только как империалистическую тенденцию, считая в то же время стремление таких стран, как Италия и Франция, к захвату новых колоний выражением их империалистического характера.

Более серьезным является указание на отсутствие у Германии военной силы, носящей агрессивный характер. Немецкая армия до настоящего времени не является завоевательным фактором; но ведь Германия ведет борьбу за создание новой мощной армии, при чем самая «сплоченность», которой отличается даже небольшая немецкая армия в соединении с нелегальными немецкими организациями, лишней раз подтверждает империалистический характер немецкой политики и немецкого государства. Все перечисленные слабые пункты не имеют никакого отношения к империалистическому характеру германского государства, но служат лишь мерилом его удельного веса в качестве империалистического фактора.

В заключение мы можем сказать о характере немецкой внешней политики то же самое, что и о характере экономического базиса немецкого империализма. Раз империализм имеет некоторый базис, но этот базис обременен целым рядом отрицательных свойств, объясняющихся его застойным характером, то естественно, что те же черты отражаются и в новой немецкой политике. Эта политика является империалистической, хотя и таит в себе ряд слабых пунктов. Эти слабые пункты немецкого империализма не являются показателями его «юношеского» роста, наоборот, они являются следствием его старческого одряхления. Этот характер немецкого империализма становится еще более очевидным благодаря тому обстоятельству, что узость рынка сбыта, а также цель, преследуемая немецкой внешней политикой в смысле поддержки стремлений немецкого капитала к экспансии, очень скоро вызовет к жизни ряд жестоких противоречий. Это значит, что в самом начале не только экономического развития нового немецкого империализма, но и развития его внешней политики возникают такие острые противоречия, какие могли возникнуть лишь перед самой войной в конце мощного развития прежнего немецкого империализма. Таким образом изменившийся характер нового немецкого империализма, как части международного империализма, должен отразиться также и в том, что он порождает противоречия в самом начале империалистического пути.

D. Порождающий противоречия характер нового немецкого империализма.

Борьба за экономическое развертывание немецкого капитала, т. е. борьба за рынки сбыта (товара и капитала) в соединении с борьбой за вышеуказанные цели внешней политики, вызывает не только конфликты, которые, так сказать, автоматически возникают при проведении в жизнь заветов нового немецкого империализма. Эта борьба в свою очередь предполагает в качестве своей предпосылки то обстоятельство, что немецкий империализм не только стремится использовать наличные противоречия между империалистическими державами, но и чрезвычайно заинтересован в углублении этих противоречий.

Каковы же эти противоречия, при углублении которых Германия выигрывает, и каковы те противоречия, которые Германия, руководствуясь этими соображениями, должна стремиться вызвать к жизни?

Если мы спросим себя, какие именно противоречия могут сделать Германию решающим фактором хотя бы в чисто стратегическом отношении, то нам станет ясно, что Германия сможет сыграть наиболее решающую роль в конфликте между Англией, как представительницей капиталистического мира, и Советской Россией. Прежде всего противоречие между этими странами является главным противоречием в современной мировой политике, и только безнадежные политические глупцы или агенты английского капитала могут это оспаривать. Советская Россия в качестве центра, вокруг которого неизбежно должны группироваться все антимилитаристические движения, тем самым неизбежно является смертельным врагом мирового владычества Англии. А во-вторых, Германия представляет собой естественный плацдарм для развертывания армий и тыловую базу для крестового похода против СССР. Без Германии в качестве тыловой базы и плацдарма наступление затянется надолго, даже в случае образования антисоветского фронта от Финляндии до Румынии. В виду этого рано или поздно наступит момент, когда немецкий капитал будет заинтересован в столь значительном обострении политической обстановки, что его требования значительно перерастут меру его угнетения. Центр четко намечает эту проблему устами господина Штегервальда, представителя рабочего центра, в своем органе «Дер Дейтше»:

«До тех пор, пока Англия отвергает политическое сотрудничество Германии, до тех пор, пока ведется враждебная Германия политика, которая в конечном счете является причиной немецко-русского сближения, не приходится рассчитывать на улучшение обстановки, приносящей ущерб всей Европе».

И каким образом может немецкий капитал достичь своих

целей, — например, необходимого для проведения империалистической политики увеличения армии, — как не предоставлением этой армии к услугам антисоветской политики? О том, что немецкий капитал вполне отдает себе отчет в создавшемся положении, мы можем судить по следующей выдержке из статьи Карла Хельтермана, помещенной в газете «Рейхсбаннер» от 1 декабря 1926 года:

«Франц Карл Эндрес, который никак не может быть заподозрен в милитаризме, в своем «Дневнике» очень серьезно говорит о возможности войны с русско-азиатскими народностями. Эндрес поддерживает предложение промышленников Рехберга и Марауна, вождей «младонемецкого ордена»* об образовании франко-германского военного союза. Как бы ни относиться к ходу мыслей Эндреса, Рехберга и Марауна, ясно одно: немецкому оружию еще предстоит выполнить известные задачи в составе европейской армии».

Так же ясно говорит об этом «тоже правительственный орган» «Дейтше Тагесцейтунг» (газета националистов) по поводу ноты Чемберлена в феврале 1927 года. Хотя эта газета раньше не стояла на точке зрения решительной западной ориентации, однако теперь, в виду обострения конфликта между Англией и Советской Россией и возникающих в связи с этими конфликтами перспектив, ее позиция значительно изменилась. 24 февраля 1927 года эта газета пишет:

«Единственным несокрушимым защитником (от большевизма) является внутренне здоровая и вооруженная всеми средствами современной защиты Германия».

Значительно осторожнее, хотя и в том же духе, высказывается по этому вопросу уже упоминавшийся нами серьезный орган «Архив политики и истории». В номере 12-м за 1926 год сказано:

«Без равенства политической силы разных стран не может быть равенства их политического удельного веса и их участия в общей деятельности, а, следовательно, не может быть живого чувства солидарности». (Карл Баден, «Значение Локарно», стр. 27.)

Так как об этом идет речь в связи с вопросом об отношении к Советской России и о попытках привлечения Германии на ту или иную сторону, то смысл приведенной цитаты сводится к тому, что чувство солидарности с западными державами в их отношении к СССР возможно лишь при равенстве прав на вооружение; другими словами: здесь высказана совершенно та же точка зрения, что и на страницах «Дейтше Тагесцейтунг». Эти заявления отражают не только платонические пожелания немецких буржуазных кругов, но и совпадающие с ними настроения английских кругов, близко стоящих к ми-

---

* Des Jungdeutschen Ordens.

нистерству иностранных дел. Так, дипломатический корреспондент «Дэйли Телеграф» * писал: «Может быть, в интересах Англии не допускать Германию до такого усиления, чтобы она была в состоянии напасть на Францию, Бельгию или Польшу, но в интересах той же Англии не допускать Германию до такой беспомощности, чтобы она не сумела защититься от нападения с востока» (взято из «Теглихе Рундшау» от 18 января 1927 года).

И когда в начале 1927 года в Англии началась травля СССР, подготавливавшая разрыв отношений, русский эмигрант Авгур (псевдоним), весьма близко стоящий к английским антибольшевистским правительственным кругам, выпустил погромную брошюру, направленную против Германии. «Дейтше Тагесцейтунг» посвящает этой брошюре и ее идеям целую передачу. В конце этой статьи сказано:

«Если его аргументация и кажется на первый взгляд нелогичной, то все же надо признать, что бессознательно и помимо нашего желания непрерывно растет ценность козырей, которые мы (т. е. немецкий капитал, Р. Э.) держим в наших руках на Востоке».

Однако ценность козырей заключается именно в том, что они рано или поздно могут быть брошены на стол. Когда отношения между Англией и СССР близились к разрыву, «Дейтше Бергверксцейтунг», в номере от 8 мая 1927 года, еще яснее говорила об использовании этих козырей, цинично заявляя:

«Надежда Германии на будущее заключается в том, что она в один прекрасный день выступит в качестве ценного члена какого-либо союза; это может случиться при обстоятельствах, которые мы в данный момент не можем себе даже представить, но которые неизбежно возникнут в результате совершающегося в настоящее время развития».

«В виду этого чрезвычайно важно, чтобы до этого решающего момента Германия оставила за собой свободу действий и не связывала себя никакими условиями. Во всяком случае, мы, начиная с настоящего момента, должны, поскольку это в наших силах, сохранить за собой свободу решения по вопросу о переходе в тот или иной лагерь, когда наступит окончательный, решающий момент. Чем больше это нам удастся, тем более мы на этом выиграем. Тогда время будет работать за нас».**

До сих пор это были самые откровенные слова, сказанные по вопросу об отношении между Англией и СССР; эти слова ясно указывают путь, по которому идет Германия, осуществляя свои империалистические требования.

---

* «Daily Telegraph».

** «Fortnightly Review».

Упомянутый уже нами Авгур прекрасно понимает это, и в майском номере «Фортнайтли Ривью» полуофициально говорит о том же еще раз; там он пишет о фактическом равноправии Германии с другими европейскими державами следующее:

«Европе придется кое в чем уступить и уступить не мало. Клеймо побежденного народа должно исчезнуть с чела Германии. Мы не можем представить себе народа, который мог бы быть равным между другими равными ему народами, подлежа одновременно контролю этих последних. В конце концов план Дауэса должен быть пересмотрен не только в отношении высоких платежей, но и в отношении связанной с этими платежами системы контроля, которая находится в непримиримом противоречии с равноправием Германии».

Далее Авгур предлагает свой способ урегулирования вопроса о границах, о котором мы с уверенностью можем сказать, что он не будет принят немецкими капиталистическими кругами. Какое значение придается этой статье Авгура, мы видим из номера «Дейтче Тагесцейтунг» от 5 мая 1927 г., в котором обсуждается предложение Авгура и говорится в заключение:

«По этому поводу наши противники должны помнить, что все здоровые честолюбивые силы немецкого народа никогда не позволят провести себя пустыми словами, но потребуют дел в духе статьи Авгура».

Таким образом, самый значительный из конфликтов, остающийся позади себя все остальные противоречия, конфликт между Англией и СССР, становится центральной проблемой, от разрешения которой немецкий капитал ожидает осуществления своих заветных империалистических стремлений. При разрешении этого конфликта, немецкий капитал рассчитывает вернуть все силы своих империалистических устремлений. И как бы Германия, на деле, не боялась преждевременно связать себя, не имея в руках гарантии выполнения важнейших требований, всё же ясно, что это произойдет в форме союза с Англией, — конечно, если не наступит никаких неожиданных, не подлежащих учету, событий, наступление которых маловероятно. Все кредиты, предоставленные Германией СССР, все ее ловко использованные дружеские жесты служат лишь для того, чтобы поднять цену за окончательное вхождение Германии в антисоветский лагерь. Всякому ясно, что в тот момент, когда Германия снова выступит в качестве империалистической державы и выставит ряд империалистических требований, руководствуясь соображениями дальнейшего империалистического развития, эти требования не смогут быть выполнены СССР. Это произойдет, во-первых, от того, что требования носят империалистический характер, а во-вторых, потому, что средства для их удовлетворения фактически находятся в руках западных держав. Тем самым западная ориентация Германии, начавшаяся с момента подписания Локарнского договора, и даже ранее — с момента

проведения в жизнь плана Дауэса, представляет собой неизбежное следствие империалистического развития Германии.

Но достаточно одного взгляда на направление немецкого вывоза и ввоза, чтобы увидеть, где находятся подлинные интересы немецкого правительства. Из общей суммы вывоза Германии с января по сентябрь 1926 года в размере 7260 миллионов марок, всего 773 миллиона ушло в восточные страны, т. е. Японию, Китай, Советскую Россию и Британскую Индию. Конечно, известный процент вывезенных в Голландию и Англию товаров направляется затем на Восток, но лишь через посредство этих обеих стран. Если мы возьмем процент вывоза в Советскую Россию, то эта сумма окажется весьма незначительной, и западная ориентация, как в настоящий момент, так и на будущие времена, представится нам чем-то само собой разумеющимся. Итак, столь ревностно пропагандируемая социал-демократами западная ориентация вполне соответствует империалистическим требованиям Германии, отвечая в то же время империалистическим намерениям Чемберлена.

В настоящее время еще невозможно предусмотреть, в какой форме совершится вхождение немецкого капитала в антисоветский блок. Форма вхождения в роль немецкого капитала естественно будет зависеть от характера борьбы против СССР. Принятые до настоящего времени меры ясно указывают, что первые шаги английского капитала в сторону активной борьбы против Советской России осуществляются в форме попытки создания экономической блокады. Разрыв сношений является первым шагом в этом направлении. Попытка с помощью варшавского убийства вызвать разрыв сношений между Польшей и СССР стоит в логической связи с планом проведения в жизнь этой блокады. Но одновременно с этим английский капитал финансирует бело-гвардейские покушения внутри Советского Союза, пытается вызвать беспорядки и даже вооруженные восстания, пытается нарушить спокойное течение экономической и политической жизни Советского Союза и вызвать ее разложение. От силы сопротивления СССР, а также от того, как будет реагировать пролетариат важнейших империалистических стран, в значительной степени зависит, насколько успешны будут эти шаги английского империализма, являющиеся этапами широко задуманной борьбы, окончательным завершением которой будет новая мировая война против СССР. Совершенно ясно, что намерения Англии именно таковы и что она пустит в ход все средства, чтобы добиться своей цели, выставив все силы мирового империализма против СССР.

От успеха этой борьбы с Советским Союзом зависит и форма грядущего окончательного перехода немецкого капитала в лагерь противников Союза. Первым шагом к этому переходу явилось бы участие в экономической блокаде СССР, путем отказа в кредитах и ограничения ввоза в Германию советских товаров.

Вторым шагом явилось бы предоставление белогвардейским элементам гарантии убежища в Германии и создание базы для их деятельности. Что касается вооруженного конфликта, то следует считаться с возможностью, что в первое время немецкий капитал будет соблюдать так называемый «нейтралитет», т. е. сначала будет только снабжать наступающие империалистические войска военным снаряжением и гарантирует право прохода империалистическим армиям. Это значит, что в первой стадии своего участия в борьбе против Советской России Германия явится поставщиком и тыловой базой. Во второй стадии немецкий капитал, в зависимости от данных ему гарантий выполнения его империалистических требований, может принять и вооруженное участие в борьбе СССР.

Итак, крупный англо-советский конфликт рассматривается немецким империализмом как рычаг для укрепления своего политического развития. Этим определяется роль нового немецкого империализма в развитии, углублении и даже разрешении этого конфликта. Уже и в этом пункте сказывается вызывающий и углубляющий характер нового немецкого империализма.

* * *

Но этим еще не заканчивается ряд неизбежных противоречий, вызываемых пробуждением немецкого империализма. Имеются еще и другие противоречия, которые вызываются Германией и которые значительно обостряют конфликт между Англией и СССР и усилят роль Германии в этом конфликте; но, с другой стороны, дальнейшее развитие немецкого империализма вызовет новые противоречия, которые могут ослабить силу этого главного конфликта. Однако эти ослабляющие тенденции развиваются настолько медленно, что при чрезвычайно быстром развитии англо-советского конфликта они практически едва ли смогут сыграть какую-либо роль.

В тесной связи с позицией немецкого капитала в англо-советском конфликте стоит и противоречие интересов немецкого и польского империализма.

Рассматривая немецкий и польский империализм, мы приходим к заключению, что речь идет не о временных или случайных конфликтах, какие постоянно возникают между империалистическими государствами и улаживаются, чтобы затем снова возникнуть; нет, в данном случае речь идет о глубоком империалистическом противоречии интересов. Только этой враждой Германии к Польше объясняется задержка окончательного перехода Германии в английский лагерь. Если бы не существовало этой вражды, немецкая политика после Локарно значительно скорее развивалась бы в направлении западной ориентации. Ведь в тот момент, когда Германия окончательно прикмет к английской восточной политике, ей придется занять

совершенно иную позицию по отношению к Польше. В качестве союзника Англии, Германии пришлось бы рассматривать Польшу тоже как союзника. Выступление Германии в качестве плацдарма для развертывания войск против СССР предполагает регулирование польско-немецких отношений. Подобный союз вряд ли в интересах Англии, так как всегда имеется опасность, что, в виду наличия противоречия между Польшей и Германией, эта последняя, в случае активных действий против Советской России, может напасть на Польшу с тыла или, по крайней мере, угрожать польскому тылу. Имея в виду это противоречие интересов, Германия поднимает цену за свое участие в восточной политике Англии. Ведь Польша в теперешней ее форме, как она создана Версальским договором, в значительной мере является продуктом стремления победителей надолго задержать капиталистическое и империалистическое развитие Германии. Всё распределение границ, создание коридора, плебисцит в Верхней Силезии, — всё это было определено направлено против Германии. Уже это происхождение современной Польши, как детища Версальского договора, влечет за собою то, что борьба Германии против Версальского договора в значительной мере сводится к борьбе против современной Польши. Несколькими главами выше мы указывали на то, что попытка уладить эти противоречия мирным путем является предпосылкой окончательного вступления Германии в антисоветский лагерь.

Но решение этой задачи усложняется не только вследствие характера польского государства. Необходимо учесть чрезвычайно важное с экономической стороны капиталистическое противоречие интересов между Германией и Польшей. Уже один факт создания коридора, разрывающего Германию на части, и отнятие Данцига — более значительной гавани, чем Кенигсберг — ставит тяжелые препятствия экономическому развитию Германии. Кроме того, отнятие части Восточно-Силезской промышленной области в немалой степени ослабило положение немецкой империалистической базы в отношении железа и угля. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что как капиталистический характер обоих государств, так и финансовые затруднения Польши, обуславливающие ее политику вывоза, резко обостряют взаимоотношения обеих стран. Запрещение ввоза является предпосылкой благополучия Польши и с чрезвычайной энергией проводится в жизнь. Германия также стремится к запрещению ввоза. Однако это стремление следует рассматривать, главным образом, как меру воздействия против закрытия весьма важного для Германии польского рынка. Вывоз Германии в Польшу достиг еще в 1926 году около 14 милл. марок в месяц, — сумма, которую отнюдь нельзя назвать незначительной.

Немецко-польская таможенная война представляет собою одно из проявлений этого грубого противоречия интересов и

может рассматриваться как немецко-польская война в малом масштабе, особенно если мы вспомним, что на пожелание Германии о возвращении ей коридора Польша ответила пожеланием присоединения Восточной Пруссии. Мы считаем, что именно в этом пункте лежит главная причина того, что по крайней мере до июня 1927 года не совершился еще окончательный переход Германии в качестве активного фактора в английский антисоветский лагерь. Мы можем с уверенностью сказать, что Германия использует свои реальные противоречия с Польшей, чтобы поставить Англии ряд беспощадных требований по отношению к Польше. Однако Англия настолько заинтересована в примирении этих противоречий, что всеми средствами будет стараться найти путь для их урегулирования. Таким образом, это противоречие интересов Германии и Польши, которое могло задержать развитие англо-советского конфликта, удерживая Германию от сотрудничества с Англией, в конечном счете послужит фактором вхождения Германии в английский лагерь. Удовлетворение английским капиталом немецких притязаний окончательно закрепит этот переход.

Итак, капиталистическое разрешение немецко-польского конфликта означает не что иное, как империалистическое наступление на СССР, в котором немецкий капитал будет выступать на стороне Англии.

Проблема колоний является третьей проблемой, которая создает заинтересованность Германии в обострении мировой политики. Достаточно одного взгляда на карту Африки, чтобы понять, что ни Англия, ни Франция не могут допустить и мысли о возвращении Германии ее прежних владений. Благодаря захвату бывших немецких восточно-африканских областей, Англии удалось соединить одной сплошной линией Каир с Капштадтом, что имеет для нее очень важное значение; другими словами, английские колониальные владения заняли всю восточную половину Африки. Бывшие немецкие владения представляли собой клин, разрезавший этот колоссальный колониальный комплекс. Но и немецкие юго-западные владения после их присоединения к Англии стали составлять значительную часть южно-африканских колоний, так как благодаря их присоединению значительно удлиняется западная береговая линия, и вся южная Африка превращается в один сплошной комплекс колоний, который тянется от западных к восточным берегам Африки. То же относится и к Камеруну и Того. Обе эти области представляли бы собой маленькие островки, затерянные среди испанских колониальных владений Франции, обнимающих всю северо-западную часть Африки. Естественно, что ни Англия, ни Франция никогда добровольно не откажутся от бывших немецких колоний, способствовавших столь благоприятному округлению их владений.

Но одновременно с этим приходится учитывать тягу к коло-

ниям и таких крупных колониальных держав, как Италия и Япония. И так, Германии с самого начала приходится иметь дело с конкурентами, значительно более сильными и лучше вооруженными для борьбы, чем она. Немецкий капитал прекрасно отдает себе отчет в том, что он, будучи одиноким и стоя в стороне, никогда не сможет вести успешную борьбу за колонии. В виду этого он стремится к тому, чтобы сгруппировать вокруг себя другие колониальные державы, создавая таким образом некий комплекс держав. Чрезвычайно интересный националистический еженедельник «Дер Дейтшеншпигель» выражает эту мысль следующим образом:

«Если Германия, Италия и Япония, а может быть и некоторые другие страны объединятся в Женеве и во всеуслышание потребуют, чтобы, наконец, приступили к гарантированному честным словом Вильсона «справедливому регулированию всех колониальных вопросов»..., то можно ли думать, что страдающая патологической глухотой Лига Наций будет в силах отказать от исполнения этих требований?» (Выпуск 10-й, 4-й год издания, страница 451.)

Само собой разумеется, «Дер Дейтшеншпигель» не питает никаких иллюзий относительно Лиги Наций. Его интересует лишь создание группы держав для осуществления его колониальных притязаний.

Не стоит подробно анализировать шансы на осуществление колониальных устремлений Германии: достаточно указать на ничем не утолимый голод других крупных колониальных держав, на чрезвычайное сужение рынка сбыта для крупных индустриальных государств и на вытеснение империалистических держав из Китая при одновременной индустриализации прежних колониальных областей. Совокупность этих моментов делает выполнение немецких колониальных притязаний возможным только в том случае, если будет произведен новый передел всего мира в результате новой войны. Неизбежность этой войны настолько очевидна, что на ней не имеет смысла больше останавливаться. Мирное разрешение колониального вопроса и удовлетворение колониальных притязаний Германии и других государств немисливо без чрезвычайного военного потрясения.

Конечно, немецкий капитал не рассчитывает на осуществление своих колониальных стремлений в ближайшие дни и отлично отдает себе отчет в том, что успешная колониальная политика может вестись лишь после осуществления военных устремлений нового немецкого империализма. Однако решение этой проблемы, проблемы создания военной мощи Германии, как было указано выше, теснейшим образом связано с разрешением англо-советского конфликта. Таким образом, вопрос о вооружении Германии и связанный с ним вопрос о немецких колониях постоянно упирается в использование новым немецким империализмом политического противоречия между Англией и Советской Рос-

сией. Так как борьба против СССР одновременно означает борьбу против китайской революции, то немецкие колониальные притязания в значительной мере были бы удовлетворены, если бы Германии были предоставлены концессии экономического или политического характера в покоренной России и в покоренном Китае. Это разрешение немецкой колониальной проблемы явилось бы наиболее благоприятным для всех держав, так как в этом случае удовлетворение притязаний Германии ни в какой степени не задевало бы их колониальных интересов.

Любопытно, что уже теперь, параллельно обострению англо-советского конфликта, начало меняться отношение немецкой буржуазии не только к Советской России, но и к китайской революции. Вместе со злорадством по поводу убытков, которые потерпела Англия в связи с китайскими революционными событиями, появляется вражда по отношению к китайской революции и начинается поддержка контр-революции в форме поставки военного снаряжения. Эта поставка является установленным фактом, и формальное запрещение немецким правительством отправки военного снаряжения в Китай проводится только на бумаге. Поставка оружия продолжается под самым носом властей.

До сих пор мы имели дело с рядом конфликтов, которые при удовлетворении немецких притязаний обостряют англо-русский конфликт. Рассмотрим же теперь ряд других конфликтов, имеющих противоположные тенденции. Во всяком случае следует заранее подчеркнуть, что эти конфликты не имеют непосредственного значения и только через некоторое время окажут свое влияние на использование Германией англо-советского конфликта. Мы приводим их здесь только для того, чтобы дополнить картину противоречий нового немецкого империализма и наметить даже те возможности, которые являются маловероятными.

На первом месте должно быть упомянуто растущее экономическое противоречие интересов между немецким и английским капитализмом. Эти экономические противоречия интересов могут, как мы уже говорили раньше, принять с течением времени политическую форму.

Тот, кто расценивает старую немецко-английскую вражду как столкновение интересов по вопросу о программе военноморского вооружения, а не как выражение экономического противоречия интересов между двумя крупными высоко-развитыми в хозяйственном отношении капиталистическими державами, должен считать, что мы глубоко неправильно намечаем перспективы. Но мировая война вряд ли существенно изменила экономическую структуру и основу немецкого капитализма. Ей только удалось с помощью кровопускательной тактики Версальского мирного договора временно ослабить силу конкуренции между Англией и Германией, при чем при восстановле-

нии немецкого капиталистического хозяйства это противоречие возникает вновь в еще более острой форме. Острота этого противоречия объясняется неспособностью Англии, в силу ее нынешнего экономического положения, даже к слабой конкуренции в экономической области. Правда, немецкий капитал еще слишком занят своей внутренней реорганизацией, чтобы выступить на мировой рынок со всей силой своей монополярной организации. И все же уже во время забастовки горняков вполне ощутительно проявилось это старое экономическое противоречие интересов, т. е. выяснилось, что нарушение правильного течения английской хозяйственной жизни означает оздоровление немецкого хозяйства. Немецкий капитал исключительные выгоды из забастовки горняков. Эти выгоды были так велики, что еще к середине 1927 года немецкая тяжелая индустрия покрывала потребление значительной части английского рынка сбыта. Немецкий капитал готов всеми экономическими средствами защищать эту вновь завоеванную позицию от покушений Англии; так, например, «Дейтше Бергверкстейтунг» пишет по поводу возрождения английского хозяйства следующее:

«Как говорят, английское правительство делает значительную уступку на угле, вывозимом в Германию. Можно было предусмотреть заранее, что Англия всеми возможными средствами будет стремиться возместить потери, понесенные ее внешней торговлей, и обратится против русского угля, как своего сильнейшего противника. При этих условиях перед немецкими промышленниками стоит благородная задача обслуживания внутреннего рынка при одновременном выполнении заграничных заказов».

Но Германия сделала во время забастовки завоевания не только на угольном рынке. Она блестяще использовала свое положение и на стальном и железном рынке. В первую четверть 1926 года добыча железа в Германии равнялась 74,62% довоенной добычи (в Англии — 65,52%), а в третью четверть того же года добыча железа по сравнению с 1913 годом возросла до 91,5% довоенного уровня, в то время как в Англии этот процент упал до 1,7% довоенной добычи. Еще яснее выявляется преимущество положения Германии в области производства стали. В первую четверть 1926 года она равнялась 83,9% довоенного производства (в Англии — 112%), а в третью четверть 1926 года немецкое производство возросло до 108% довоенного уровня, а английское упало до 9%. Если Германия захватила только часть упущенного Англией рынка железа и стали, железа — около 20%, стали — около 50%, и если даже большая часть захваченных рынков уже снова потеряна Германией, то все же немецкий капитал, благодаря ловким договорам, заключенным за время английской забастовки, получил ряд выгод, которые Англия не в силах у него отнять. Уже до забастовки горняков Англия медленно отступала перед Германией на этих рынках, а забастовка только ускорила этот процесс.

Однако для нашего исследования безразлично, удалось ли Англии снова занять утерянные ею позиции. Для нас важен тот факт, что, независимо от хода событий, экономическое противоречие интересов обеих стран неизбежно должно обостриться и перейти в политический конфликт. Превосходство Германии в области горной промышленности началось не только с забастовки английских горняков, оно основывается, главным образом, на превосходстве ее организации. По сравнению с угольным синдикатом и участвующими в нем крупными трестами, организация английской угольной промышленности носит почти средневековый характер. Крупные объединения начались организовываться только в последнее время. На железном и стальном рынках дело обстоит более благополучно; но и здесь английской промышленности нечего противопоставить немецкому Стальному тресту. Совершенно ясно, что эта организация стоит в тесной связи с большей рационализацией немецкой промышленности и обусловленной этим более высокой техникой, являясь важным фактором начинающегося роста крупной немецкой тяжелой индустрии, которая становится преобладающей на мировом рынке.

В финансовом отделе «Таймса» 14 января берлинский корреспондент этой газеты пишет об опасности немецкого промышленного развития для английского капитала:

«Если английская промышленность не проявит должной инициативы, Германия возьмет на себя руководство европейской промышленностью, и английская промышленность в один прекрасный день может оказаться совершенно изолированной от всего мира. Необходимо выработать какие-либо практически приемлемые формы сотрудничества немецкой и английской промышленности, иначе континентальный рынок может закрыться для английских товаров».

Возрождение Германии проявляется также и в области кораблестроения. Если в этой области Англия обладает до сих пор значительным превосходством, то все же следует признать, что в настоящее время Германия и здесь является сильным ее конкурентом.

Немецкий капитал использует и другие затруднения Англии. Как раз в последние два года он сумел обратить в звонкую монету и английские затруднения и Китае. «Дейтше Бергверкс-цейтунг» рассматривает отказ Германии от всех особых привилегий в Китае как необычайно мудрую политику,

«которая — хотя и очень медленно — но все же позволила немецкому купцу восстановить свои силы. Немецкая торговля получила неожиданную поддержку при объявлении общего бойкота английским товарам» (15/II 26).

Потихоньку, но энергично принялась немецкая торговля снова укреплять свое положение в Сиаме и Персии. В Афганистане тоже удалось достичь больших успехов с помощью крупной торговой концессии. Очень интенсивно и успешно немецкий

капитал проникает в Турцию. Все эти успехи дают немецкому капиталу известную уверенность в прочности своего положения, вызывая некоторое злорадство по отношению к Англии. «Дейтче Бергверксейтунг» от 9/II 25 пишет относительно затруднений мирового политического и экономического характера следующее:

«Всего тяжелее приходится Англии, и когда мы подумаем, как Англия обращалась с нами в 1914 и до 1914 года... мы могли бы испытать некоторое злорадство, так как дела тогдашнего нашего противника начинают приходиться в упадок».

Да, самосознание немецкого капитала подымается еще выше. В той же статье дальше говорится:

«Теперь ясно, что сбылось наше предсказание, сделанное в тяжелые дни нашего поражения. Союз, заключенный с целью разгрома немецкой мощи, распался сразу, едва его цель была достигнута, и тогда выступило на первый план многовековое противоречие интересов. Вот уже восемь лет, как это предсказание осуществляется».

Этот тон служит показателем известной самостоятельности, приобретенной немецким капиталом благодаря противоречиям, существующим между империалистическими державами. Этому значительно способствовала поддержка, оказанная немецкому империализму американскими займами; теперь немецкий капитал хватается за оптимистическое заявление известного американского журналиста, который сказал, что ставка на немецкую промышленность является ставкой на победителя. Это выражение вошло в немецкую капиталистическую печать и неоднократно цитировалось с недвусмысленным кивком в сторону Англии.

Но именно потому, что это экономическое противоречие интересов развивается медленно, не поспевая за развитием конфликта между английским капиталом и СССР, всегда может найтись возможность временного преодоления этого противоречия. Какую конкретную форму примет эта возможность, предсказать нельзя. Вполне вероятно, что английский капитал попытается уладить эти противоречия путем создания картеля с тяжелой немецкой промышленностью. В таком случае мы присутствовали бы при возникновении немецко-английского экономического блока против французского промышленного капитала или же при создании континентального блока против американской промышленности. Если последние переговоры между английским и французским правительством с внешней стороны как будто и указывают на известное обострение англо-немецкого конфликта, то на основании этих переговоров ни в коем случае нельзя делать выводов о подлинном отношении английского капитала к этому конфликту; наоборот, Англия, может быть, рассчитывает с помощью этого сближения оказать соответствующее давление на немецкий капитал, чтобы добиться его вхождения в империалистический блок.

Однако, если вопреки всем ожиданиям участие немецкого капитала в английской политике окружения СССР сильно задержится, то экономические противоречия интересов Германии и Англии могут сыграть значительную роль. Второй возможностью ослабления тенденции Германии к активному вступлению в антисоветский блок может явиться длительное развитие англо-американского конфликта, так как растущее противоречие их интересов увеличивает не только экономическую, но и политическую заинтересованность Америки в использовании Германии в борьбе против английского капитала. А подобное использование немецкого капитала американцами может (хотя и не обязательно) при некоторых обстоятельствах задержать вступление Германии в английский антисоветский блок или даже помешать этому вступлению. Это может произойти в том случае, если с ростом англо-американского конфликта американский капитал будет заинтересован в существовании такой постоянной угрозы благополучию Англии, как Советская Россия.

При этом американский капитал предоставил бы немецкому капиталу активную роль в ослаблении Англии, допуская его к участию в разрешении конфликта.

Упомянутое нами вмешательство красильной индустрии в американско-английский нефтяной конфликт, во время которого германская красильная индустрия стала на сторону Америки, имеет известное симптоматическое значение. Этот конфликт имеет политический характер, поскольку он отражается на отношениях обеих стран, и не случайно совпадает с конфликтом в вопросе о сокращении морских вооружений, столь ясно обнаружившимся на конференции по разоружению летом 1927 года. Как известно, конференция эта кончилась полной неудачей и вызвала большое раздражение и в той и в другой стране.

Однако мы не хотим заниматься прорицаниями; констатируем лишь следующий факт: налицо некоторая (хотя и небольшая) возможность, что, в случае внезапного, быстрого обострения англо-американского конфликта, участие Германии в борьбе с СССР на стороне Англии не состоится. Но это означает не что иное, как то, что место одного конфликта занял другой и что экономическое противоречие интересов английского и немецкого капиталов быстро вырастет в политический конфликт. Итак, какие бы различные конфликты ни возникали, из перечисленных возможностей с очевидностью следует, что немецкий империализм своим выступлением на политическую арену неизбежно углубит и обострит их, создавая, кроме того, ряд новых конфликтов.

Ведь создавшие конфликты силы возрождающегося немецкого капитализма обуславливаются не прихотью немецких капиталистов или офицеров рейсхвера. Эти явления представляют собой лишь одну из фаз «конфликта между ростом производительных сил и «национальной» ограниченностью организации

производства» (Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», 2-е издание, стр. 97). Эта сила вновь проявляется ныне в другой обстановке и под другой политической личиной (раньше она одевалась в мундир бряцающего оружием юнкера, теперь одевается во фрак доктора пивной науки Штреземана), как это было и в те времена, когда Ленин писал:

«Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение сил мировых империалистических держав? Абсолютно немислимо» (Ленин, «Империализм...»).

Ныне, через десять лет после того как Германия опять перестала быть нулем и снова становится известной, хотя и незначительной величиной, этот тезис остается столь же справедливым, как и тогда, ибо:

«Силы изменяются неодинаково у участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности и стран при капитализме быть не может» (Ленин, «Империализм...»).

Если развитие Германии перед мировой войной и сейчас как в количественном, так и в качественном отношении весьма различно, то оба процесса имеют все же один общий пункт, а именно то, что империалистическое соотношение сил «является революционным фактом». И так же, как тогда империалистическое развитие неизбежно приближалось к разрешению нарастающих конфликтов путем войны, так и теперь усиление немецкого капитализма ведет к тому же результату. Попытка Германии навязать другим военное разрешение своих конфликтов, извлекая из этой борьбы других выгоды для себя, — по примеру Америки во время мировой войны, — при международном характере современных конфликтов представляется ребячеством, особенно применительно к тем случаям, когда географическое положение Германии способствует ее участию в разрешении наиболее близкого конфликта, каковым является назревающий конфликт между Англией и СССР. Немецкий капитал окажется втянутым в этот конфликт в качестве более или менее активного фактора, и немецким рабочим снова придется платить. Характер немецкого империализма, создающего и обостряющего мировые конфликты, позволяет утверждать, что теперь, более чем когда-либо, подтверждается правильность следующей мысли:

«Величайший рост производительных сил и сужение до минимума свободных рынков за последнее время, таможенная политика держав, связанная с господством финансового капитала, и обострение затруднений при реализации товарных ценностей создают ситуацию, в которой решающий голос принадлежит военной технике» (Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», 2-е издание, стр. 80).

III. КЛАССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ И НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.

В предыдущих главах мы вскрыли те тенденции развития, которые являются следствием создания нового империалистического базиса. Вместе с тем мы показали различные возможные вариации осуществления этих тенденций, поставив их в связь с некоторыми ситуациями в области внешней политики и отметив различные конкретные пути развития указанных тенденций.

Но различные возможные вариации развития империализма определяются не только этими факторами внешней политики. Столь же решающее значение имеют в этом процессе, во-первых, разнообразие целей и стремлений господствующего класса, носителя политики финансового капитала, класса, который до сих пор рассматривался как недифференцированное однородное целое, а во-вторых, задерживающее стремления финансового капитала или даже противодействующее им поведение других классов и слоев, которые не являются носителями финансовой политики, но действия которых порождаются, как неизбежное противоречие, деятельностью самого финансового капитала.

Эти тенденции, определяющие неизбежное развитие империализма, в то же время выдвигают перед господствующими классами и слоями ряд новых проблем. Разрешение этих задач опять-таки должно оказать воздействие на развитие империализма и должно вновь видоизменить его. (Имеем в виду влияние феодально-аграрной части господствующих классов на рейхсвер и на военную политику германского государства в связи с более осторожной политикой Зильверберговского направления в среде носителей финансового капитала.) Но, с другой стороны, противоречие между необходимыми или желательными решениями целого ряда проблем и новым империалистическим базисом должно привести к таким социально-политическим последствиям, которые в их совокупности вызовут новые явления, должноствующие оказать влияние на развитие империализма. (Имеем в виду неизбежность возникновения рабочей аристократии, а также отсутствие у немецкого капитализма колониального базиса и связанную с этим необходимость изыскания новых средств разъединения и коррумпции пролетариата.)

А. Капиталистические слои и империализм.

Подобно тому как буржуазия в целом не является «одно-одно-реакционной» массой, так и среди чисто капиталистических слоев нет полного единодушия. В среде «чисто» капиталистических слоев Германии (т. е. тех капиталистических слоев, которые непосредственно участвуют в процессе крупного производства) можно различить три прослойки и подметить три течения: 1) монополистский финансовый капитал, 2) крыло крупных аграриев-капиталистов и 3) немонаполистский капитал обрабатывающей промышленности. Не только в пределах всего этого основного ядра, но даже внутри каждого из этих подразделений мы имеем ясно различимые вариации империализма.

Так, например, ни для кого не тайна, что в пределах первой группы представители Химического и Сталелитейного треста по целому ряду вопросов весьма сильно расходятся во мнениях. Это особое мнение Химического треста сказывается всё более резко, параллельно чрезвычайному усилению удельного веса этого треста в немецком хозяйстве, что вызывает немалое изумление у привыкших к гегемонии представителей тяжелой индустрии. Было бы, конечно, ошибкой пытаться вскрыть здесь глубокую дисгармонию решающего значения или конструировать раскол внутри господствующего класса. Нецелесообразно также преувеличивать значение представителей Химического треста. Но все-таки следует подчеркнуть, что они являются в Германии представителями чистой формы финансового капитала, а вместе с тем и самой развитой формы капитала вообще. Промышленность по изготовлению красящих веществ в ее теперешнем состоянии имеет самое высокое органическое строение капитала. Поэтому дифференциация внутри финансового капитала и значительная роль капиталов, вложенных как раз в химическую промышленность, отнюдь не представляют собою какое-то переходящее явление. Конечно, по интенсивности империалистических тенденций обе вышеупомянутые группы равны. Можно было бы сказать, что противоречие между ними сводится к борьбе за империалистическую пальму первенства, напоминающей соперничество Чемберлена и Бриана из-за Нобелевской премии.

Не следует также упускать из виду, что обе группы принадлежат к отраслям военной промышленности. И все-таки Зильверберг и Рёхберг являются политическими фигурами другого типа, чем Крупп, Фёглер и Клёкнер. В партийной сфере различие между ними сказывается в том, что интересы одной из этих групп представлены партией немецких националистов (deutschnationale Partei), а интересы другой группы — немецкой народной партии (deutsche Volkspartei). Зильверберг и представители крупных банков образуют правое крыло немецкой народной партии,

в то время как представители тяжелой индустрии составляют левое крыло немецких националистов. Центр (если подходить к этой партии с вопросом, какие некапиталистические интересы она представляет) можно рассматривать как религиозную вариацию партии немецких националистов. Решающую роль играют в ней представители Рейнской тяжелой индустрии.

Этот вариант империализма проявляет себя внове тем, что с ним связана более элегантная дипломатическая или, как принято говорить, английская политика, в то время как другому варианту свойственны попытки более неотесанного и грубого разрешения проблем внешней и внутренней политики нового немецкого империализма, или, выражаясь еще более осторожно, ему свойственна подготовка путем пропаганды такого их решения.

В этом внешнем различии обеих групп проявляется известное внутреннее противоречие, некоторая противоположность между ними по существу. В то время как первое крыло совершенно отчетливо представляет себе, что разрешение проблем нового немецкого империализма возможно лишь путем политики западной ориентации, путем самого последовательного использования противоречий, имеющих в среде других империалистических держав, а также противоположности интересов Советской России и Англии, — другое крыло не имеет столь твердой и определенной позиции. Благодаря тому, что это второе крыло, как раз в силу наличия у него базиса в форме тяжелой индустрии, находится в более острой борьбе с французским и английским железом и углем и более непосредственно ощущает плоды конкуренции со стороны других империалистических сил, оно скорее склонно к прорыву западной ориентации путем (конечно, лишь временного) сближения с Советской Россией. Конечно, это крыло бывает склонно к такому сближению лишь при том условии, если это последнее может быть использовано как хорошее средство для давления на другие империалистические силы. Обеим группам обще резко выраженное империалистическое стремление к осуществлению новой империалистической политики, так же как и стремление к тому, чтобы роль Германии в мировой политике становилась все более и более самостоятельной и чтобы могущество немецкого империализма росло и крепло. Таким образом, намеченные выше различия носят скорее тактический характер и сводятся к разному пониманию средств достижения этих целей.

Тяжелая индустрия привлекла на свою сторону в качестве союзника феодальное крыло крупных аграриев. Более высокое строение капитала в группе Зильверберга и ее превосходство над другими группами в этом смысле находит свое отражение и в языке, и в характере тех лиц, которые являются представителями интересов каждой группы и в качестве министров проводят соответствующую политику. Совершенно очевидно,

что Вестарп, Хергт или фон Кейдель (von Keudell) представляют собою политиков старого режима, которые по традиции не прочь бряцать орденами и саблей Гинденбурга, в то время как политическим вождем второй группы является Штреземан, постоянно пишущий этюды («Essay»),* фабрикующий даже стихи и носящий фрак по последней моде. Сознывая не только «большую сложность своей души», но и «более высокое органическое строение своего капитала», этот доктор пивной науки («Bierflaschenwissenschaft») заявил на Кельнском партейтаге следующее: «Мы не думаем, что существуют общественные классы, имеющие право вновь стремиться к господству в государстве после того, как они не сумели удержать от развала старое государство». Ясно, что это заявление направлено по адресу той части немецких националистов, которая состоит из аграриев и представителей тяжелой индустрии. В этих словах отражается чувство превосходства представителя одного из социальных слоев финансового капитала и притом слоя, который до войны еще не стоял на такой высокой стадии капиталистического развития. Но вместе с тем единство финансового капитала чрезвычайно ярко обнаруживается в форме объединения обоих его крыльев в правительстве буржуазного блока 1927 года.

Этим различиям в области внешней политики, вырастающим на основе различия капиталистического базиса обоих слоев, соответствует, конечно, и разница их позиции в области внутренней политики. Эта разница особенно сильно сказывается в отношении обоих слоев к социал-демократии. В то время как крыло тяжелой индустрии и крупных аграриев, исходя из того положения, что рабочий класс не находится на пути к победе над капиталом, принципиально не желает иметь ничего общего с социал-демократией, другое крыло готово сотрудничать с нею даже в эпоху полного могущества буржуазии,—разумеется, лишь при том условии, если социал-демократия согласится открыто капитулировать перед капиталом. а не будет, как она это делала до сих пор, капитулировать на практике и вместе с тем затушевывать эту капитуляцию в своих агитационных выступлениях, с целью завербовать голоса избирателей. Но обоим крыльям общё стремление к уничтожению самостоятельного рабочего движения, в особенности же — революционного рабочего движения. И в этом отношении различны только их методы. Одно крыло стремится уничтожить его при помощи методов Муссолини, а другое хочет довести разлагающееся тело социал-демократии до политического самоубийства, чтобы затем, не применяя методов Муссолини, разбить революционное рабочее движение во имя демо-

* «Essay» — философский или критический этюд, написанный в художественно-афористической форме. *Прим. перев.*

кратии и культуры. Но готовность обеих групп к применению этих методов совершенно несомненна, особенно в тот момент, когда растущая волна радикализма в лице широких рабочих масс, выступающих сомкнутыми рядами, грозит поколебать предпосылки их могущества — продолжительный рабочий день, массовую безработицу и низкую заработную плату.

Третья группа носителей финансового капитала, входящая в состав господствующих слоев, состоит из представителей немонополизированной индустрии, вырабатывающей готовые фабрикатy, и выделяется совершенно исключительным отсутствием каких бы то ни было целей, упадочностью, слабостью и т. д. Это крыло начинается левее Штреземана и простирается налево вплоть до самой социал-демократии. Оно не является резко агрессивным империалистическим крылом. Некоторые части его — если бы у них только был хоть какой-нибудь стержень — были бы даже, собственно говоря, настроены антиимпериалистически. Но им, так же как и промежуточным слоям, для осуществления своих экономических интересов не хватает широкого экономического базиса. Ибо как раз послевоенное развитие немецкого капитализма лишило их этого базиса. Эта группа отчасти начинает даже прямо страдать от этого развития. Монополии частично экспроприируют и эксплуатируют ее. Наконец, для этой группы война вовсе не является выгодным делом: ведь совершенно ясно, что переоборудование фабрики точных приборов или фабрики швейных машин и их приспособление к доставке военных материалов нельзя произвести так просто, как переоборудование якобы «переведенных на мирное положение» заводов Круппа или фабрик химической индустрии. Утверждение, что этот слой индустрии, вырабатывающей готовые фабрикатy, лишен своего базиса, можно очень легко иллюстрировать и подкрепить следующей цитатой из «Berliner Tageblatt» за июль 1926 года (эти слова принадлежат одному предпринимателю, не назвавшему себя). Там сказано: «Слабость сопротивления потребляющей индустрии планам производящей промышленности уже теперь можно объяснить тем, что имеется мало типических и влиятельных потребителей, которые были бы независимы от воздействия одной из групп тяжелой индустрии». За этими неточными, расплывчатыми выражениями — «потребитель» вместо «индустрия, вырабатывающая готовые продукты», или «обрабатывающая промышленность» и «тяжелая индустрия» вместо «финансовый капитал» — скрывается вся великая скорбь обрабатывающей промышленности, все более и более попадающей в зависимое положение. Второе утверждение, — а именно, что обрабатывающая промышленность страдает от крупных монополий, — не нуждается в доказательствах. Достаточно указать на то, что крупная индустрия получает значительную часть своих чрезвычайных прибылей на основе покровительственной политики, т. е. как раз за счет

обрабатывающей промышленности. Кроме того, приведенная цитата любопытна тонким указанием ее автора-предпринимателя на то обстоятельство, что положение, вызывающее его жалобы, налицо «уже в настоящий момент»; подчеркивая это, он тем самым отмечает, что этот процесс еще далеко не закончился. Империалистические настроения этого слоя ненадежны. Вырастая на основе отсталого капиталистического базиса и не будучи носителем финансового капитала, этот слой представляет собою благодарную почву для идей о свободе торговли, смешанных с империалистическими аппетитами, направленными на приобретение новых рынков сбыта. Эти слои полезны империалистическому финансовому капиталу, как попутчики, как ширма и как группа, через посредство которой можно постоянно поддерживать связь с социал-демократией и, в случае надобности, принимать эту последнюю в правительство или выбрасывать ее оттуда.

В. Антиимпериалистические классы и группы и новый немецкий империализм.

«В городе Трире добавочное содержание, помимо выдаваемого учреждениями общественного призрения. в 1913 году равнялось 4,25 марки на человека; в 1926 году эта сумма возросла до 24,15 марок. *Безработные сюда не входят...* В настоящее время в Трире получают постоянное или временное вспомоществование 10 077 человек, т. е. круглым счетом 17% всего населения Трира... В Кёльне его получают 20% населения... («Кёльнская газета» от 13 февр. 1927.)»

Рост нового империалистического базиса немецкого капитала обусловлен не только факторами внешней политики и взаимоотношениями различных империалистических слоев, но и отношением господствующего класса к другим классам и слоям, настроенным антикапиталистически и антиимпериалистически. Но своеобразное положение нового немецкого империализма должно будет в процессе его роста вызвать к жизни новые явления и в этой сфере, в сфере взаимоотношения господствующих классов и противостоящих им классов и слоев.

1. Мелкая буржуазия и новый немецкий империализм.

Если в среде капиталистических слоев тенденции, наметившиеся еще до войны, продолжали развиваться, не внося существенных качественных изменений в позицию этих слоев по

• «Kölnische Zeitung».

отношению к империализму, то положение мелкой буржуазии претерпело серьезные изменения.

Раньше мелкая буржуазия была классом, который жил за счет империализма и параллельно с ростом этого последнего принимал участие в накоплении богатства, и это нашло свое выражение в том факте, что мелкой буржуазии принадлежали миллиарды и миллиарды в форме капиталов и вкладов в сберегательные кассы; теперешнее положение мелкой буржуазии диаметрально противоположно довоенному, и от ее богатства сохранились лишь жалкие остатки. Ее доли в промышленном капитале, в государственных и коммунальных займах, ее кассовые сбережения составляют ныне всего несколько миллиардов; целые мелкобуржуазные слои и профессии принижены, экономически уничтожены и пролетаризированы. У значительной части мелкой буржуазии этот крах ее экономического базиса связан, конечно, с крахом ее прежней идеологии. Позиция мелкой буржуазии по отношению к империализму кардинально изменилась.

Благожелательное к империализму отношение, одинаковое во всех слоях этого класса, сменилось исключительной пестротой противоречивых настроений.

Часть разорившейся мелкой буржуазии стала открыто враждебной капитализму и империализму: такую позицию заняла часть интеллигенции, часть пролетаризировавшихся служащих и так называемых «Geistige»,* т. е. тонкого слоя деятелей искусства и писателей. С ростом рационализации и механизации производственного процесса, с исключительным усилением стремления немецкого капитала к накоплению эти последние потеряли значительную часть своих прежних доходов, притекавших к ним в изобилии. Они впервые почувствовали связь своего существования с господствующей хозяйственной системой.

Другая часть мелкой буржуазии, — та, которой удалось спасти свои маленькие предприятия или дома и которая занята в оживающих понемногу профессиях, — настроена еще вполне капиталистически и националистически; но и ее позиция значительно поколеблена. Из ее рядов рекрутируются те промежуточные элементы, которые, в зависимости от изменений в политическом и хозяйственном положении, переходят то на сторону немецкой народной партии (Deutsche Volkspartei), то на сторону социал-демократии, колеблясь между той и другой. При наличии известной стабилизации они стали бы более твер-

---

Трудно передать по-русски этот термин; его смысл: люди, избравшие своей профессией передачу жизни «человеческого духа». Таким образом этот термин параллелен выражению «работники умственного труда», которое применяется иногда по отношению к интеллигенции.

Прим. перев.

дой ногой, хотя бы даже в качестве придатка немецкой народной партии.

Третья группа мелкой буржуазии, состоящая из техников, коммерческих служащих, контролеров и т. д., сильнее втянута в процесс крупного капиталистического производства, а потому сильно заинтересована в национальной и империалистической политике.

Четвертая группа состоит из элементов, совершенно лишенных каких бы то ни было экономических корней; они избегают краха только потому, что ухватились за фашистскую идеологию. К этой группе принадлежит большая часть студенчества, ученых и бывших офицеров. Они стараются вознаградить себя за потерю прежнего блестящего общественного положения, служившего им компенсацией за низкие материальные доходы, мечтами о могущественной фашистской Германии, — Германии, которая превыше всего (*Deutschland über alles*).

Правда, никоим образом нельзя отрицать того факта, что с тех пор, как началось развитие нового немецкого империализма на основе монополистической его реорганизации, в некоторых, весьма тонких, слоях мелкой буржуазии стала намечаться консолидация отношений. В 1926 году вклады в сберегательные кассы вновь возросли до 3 — 4 миллиардов. Это явление, конечно, препятствует вышеописанному разложению мелкой буржуазии. Но если даже допустить, что эти тенденции к стабилизации будут расти, то все же ясно, что этим процессом может быть захвачен лишь тонкий слой мелкой буржуазии. Ибо уже самый процесс исключительной монополизации направлен против существования определенных слоев мелкой буржуазии. Рационализация, особенно сильно свирепствующая среди банковских служащих, должна привести к разложению известных слоев мелкой буржуазии. Чрезвычайное напряжение сил для повышения фонда накопления тоже делает свое дело, так что на ряду с известными стабилизирующими тенденциями остаются в полной силе и тенденции разлагающие. Стремление немецкого империализма к дальнейшему расширению своего влияния должно — даже при наличии известных успехов — постоянно вновь порождать обе эти тенденции. Но это разложение мелкой буржуазии далеко не всегда идет на пользу пролетариату. Если оно в общем и целом количественно ослабляет ряды сторонников финансового капитала по сравнению с их довоенной позицией, то, с другой стороны, часть разложившейся мелкой буржуазии становится качественно гораздо более опасным врагом пролетариата, чем она была раньше. Контр-революционные силы фашистского крыла мелкой буржуазии все же весьма значительны, и в виду своей организованности они уравнивают тот ущерб, который причинил финансовому капиталу отход от него широких слоев мелкой буржуазии. И особенно с того времени, как произошла импе-

риалистическая реорганизация, стали происходить перемены в среде этих фашистских мелкобуржуазных элементов, которые, по нашему мнению, в силу этих перемен будут в течение длительного периода становиться все более и более опасными для пролетариата, по крайней мере в Германии.

Если в 1923 г. это фашистское крыло было количественно сильнее, чем сейчас, то зато часть его была тогда настроена даже антикапиталистически и проявляла такую революционность, что даже правящие классы принуждены были приступить к обезоружению этого фашизма (ср. восстание Гитлера). Между тем теперь эти фашистские элементы — не что иное, как послушное орудие финансового капитала. Их идеология потеряла даже типические черты мелкобуржуазной идеологии — эклектизм, половинчатость и непостоянство. Она сменилась такой идеологией, которая вполне соответствует внутренним и внешним, хозяйственным и политическим потребностям финансового капитала, сформулированным в пропагандистской форме в газетных статьях. Трудно даже назвать эти элементы фашистскими; лучше было бы рассматривать их как наемных белогвардейцев. Этими слоями пользуется ныне финансовый капитал для осуществления своих планов, которые будут еще рассмотрены нами в дальнейшем изложении.

Изменения, происшедшие в положении и ориентации мелкой буржуазии, до известной степени типичны, и не только для немецкого империализма, но и для послевоенного империализма вообще. Но в немецком империализме все эти черты приобретают искаженную, шаржированную и заостренную форму. Финансовый капитал, конечно, приспособится к новым отношениям в мелкобуржуазном лагере; он попытается устранить опасности, угрожающие ему вследствие происшедших в этом лагере изменений, и использовать на 100% в своих интересах все положительные возможности.

2. Мелкое крестьянство.

На ряду с этим, уже довольно далеко зашедшим разложением мелкой буржуазии, расслоение крестьянства, в особенности же мелкого крестьянства, на разные группы по политическим настроениям только еще начинается. И все-таки крестьянство, которое раньше было на 100% националистически настроено (пусть даже просто в силу одной только традиции), теперь начинает понемногу освобождаться от этого тумана. В том, что этот процесс идет так медленно, больше всего повинна, конечно, замкнутость деревенской жизни и зависимость от сельскохозяйственных организаций. Благодаря зависимости от крупного националистического Сельского союза (Landbund) с его мощным кредитом, а также и от других общественных организаций и товариществ всякие попытки самостоятельного крестьянского

движения удушались очень быстро. Но после кризиса хозяйственных организаций Сельского союза (Landbund) картина изменилась; изменилось и положение мелкого крестьянства. Еще с самого начала революции существовал «Крестьянский союз» с довольно сильным демократическим уклоном; теперь начали усиленно работать над его воссозданием и оживлением. На ряду с ним существует еще несколько крестьянских объединений, которые находятся главным образом под политическим влиянием социал-демократии, но отчасти и под влиянием коммунистической партии Германии. Конечно, все эти организации еще очень малочисленны. И все-таки, благодаря надвигающемуся разложению Сельского союза (Landbund), они начинают играть существенную роль.

Разложение «Ландбунда» лучше всего отражается в следующих фактах. «Кёльнская газета» («Kölnische Zeitung»), орган «немецкой народной партии» («Deutsche Volkspartei»), 28 января 1927 года писала следующее:

«Обнаруживаются все новые и новые трещины: правление Рейнского крестьянского союза выступает против правления Объединения немецких крестьянских союзов, а вместе с тем и против «Ландбунда»... Крестьянин уже не считает дворянина, как такового, своим богоданном вождем».

А «Немецкая дневная газета» («Deutsche Tageszeitung») в номере от 21 января 1927 года приводит следующее заявление одного крестьянского вождя, сделанное им в Мекленбурге:

«Мы готовы скорее умереть под властью красного правительства, чем жить в рабстве у мекленбургских крупных землевладельцев».

В этих словах чувствуется уже значительно более развитое классовое самосознание; они показывают, как быстро крестьяне, заинтересованные главным образом в хозяйственных вопросах, переходят к политической оппозиции.

Одновременно с этим расслоением, целые группы крестьян и в частности мелких крестьянских хозяев выходят из «Ландбунда» и создают на первых порах маленькие самостоятельные провинциальные объединения. Нам известно шесть таких случаев основания новых организаций; точных данных о них мы не имеем. Однако этот процесс только еще начинается.

Брожение среди сельскохозяйственных рабочих проявляется, конечно, еще более определенно. Хорошо освещен этот процесс в речи одного померанского помещика (Rittergutsbesitzer), произнесенной 21 января 1927 года в Штеттине; этот помещик анализирует разные течения в среде мелкого крестьянства и особенно сельского пролетариата.

«У нас некоторые полагают, что опасность большевизма уже устранена; нет, я расцениваю положение совсем иначе. Милосердый бог дал немецкому народу только отсрочку... Мы не должны допустить того, что случилось в России... Если мы

не сумеем выполнить эту задачу (привлечения сельскохозяйственных рабочих на нашу сторону, Р. З.), то мы лишимся прав на наши земли». (Из «Deutsche Tageszeitung» от 21/1 1927 г.)

Описанное расслоение мелкого крестьянства и сельского пролетариата также отражает те изменения, которые произошли в немецком капитализме, а вместе с тем и в новом немецком империализме.

3. НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС.

«Положение трудящихся классов Германии в настоящее время приходится изображать чрезвычайно мрачными красками». (Dr. A. Braunthal Gewerkschaftsarchiv, März, 1927).

Еще более отчетливой является эта особенность немецкого империализма в его позиции и его политике по отношению к пролетариату. Уже с самого начала реорганизации экономической основы немецкого империализма стало ясно, что эта реорганизация может осуществиться только при решительном давлении на рабочий класс. Как в вопросе заработной платы, так и в вопросе рабочего времени, безработицы, везде в развитии этих отдельных проблем мы видим, что новый немецкий империализм не в состоянии привлечь пролетариат к империалистическому строительству.

Материальное положение пролетариата, начиная с 1926 года, лучше всего видно из статистики, которую реформист И. Крецен приводит в брошюре «Свободные профессиональные союзы во время большого кризиса», составленной на основании официального материала:

	Недельная плата. (Номинальная плата.)		Индекс жизненного уровня.	Недельная плата (Реальная плата.)	
	Обучен- ные ра- бочие.	Необучен- ные рабо- чие.		Обучен- ные ра- бочие.	Необучен- ные рабо- чие.
1913	35,15	23,41	100	35,15	23,41
1924 I четверть	28,50	22,63	122,6	23,25	18,46
II »	32,96	24,66	125,2	26,33	19,70
III »	35,60	26,50	127,5	27,92	20,78
IV »	37,15	27,83	135,2	27,48	20,58
1925 I четверть	39,37	29,35	135,7	29,01	21,63
II »	42,15	31,14	136,8	30,81	22,63
III »	44,41	32,80	144,4	30,75	22,71
IV »	45,68	33,74	142,0	32,17	23,76
1926 I четверть	46,01	34,07	139	33,10	24,51
II »	45,99	34,07	140	32,85	24,34
III »	46,08	34,15	142,3	32,38	24
VI »	46,33	34,40	143,4	32,31	23,99

Таким образом мы видим заметное ухудшение реальной заработной платы в 1926 году. Но приведем лучше для характеристики положения рабочего класса слова самих реформистов. Известный реформист д-р Браунталь в приведенной выше цитате, описывающей положение рабочего класса, продолжает свое изложение приблизительно следующим образом: «В конце 1926 г. реальная заработная плата обученных рабочих была на 2,4% ниже, чем в начале этого года, и больше чем на 8% ниже, чем в последний год до войны. На самом деле разница между положением рабочих в настоящее и в довоенное время еще гораздо больше, чем это видно из приведенных цифр... Но самая важная разница между теперешним и довоенным положением вытекает из различных условий занятий. При двух миллионах безработных, не имеющих никакой поддержки и не застрахованных, и при неизвестном числе рабочих, работающих¹ неполное время, вышеприведенная реальная заработная плата в значительной степени остается только на бумаге. Если мы предположим, что число безработных составляет только 10% занятых рабочих и примем, что сумма для поддержки безработных составляет 50% заработной платы, — обе цифры, конечно, слишком оптимистичны, — то это значит, что реальная заработная плата всего рабочего класса еще на 5% ниже той, которая указана в официальной статистике».

Мы намеренно привели здесь слова реформистов, чтобы выслушать мнение даже тех, которые заинтересованы в том, чтобы изобразить положение рабочих скорее в лучшем, чем в худшем свете.¹⁰

Но тарифная плата собственно составляет только часть действительно выплачиваемой платы. Практически сюда следует причислить также и сдельную плату. Но именно последняя в период рационализации сильно уменьшилась. Можно привести много примеров из всех рационализированных хозяйств.*

Затем надо еще прибавить, что доля рабочего класса в налоговом бремени также увеличилась. Доля налогов с масс в сравнении с налогами на капитал в 1924/25 году составляла 68%, в 1925/26 году — 72%, а в 1926/27 году может без преувеличения быть исчислена в 78%.

* Следующий случай представляет типичный пример такого фактического понижения платы. На одном железодельном заводе в Ратингене до сих пор один рабочий обслуживал один большой и один маленький столярный станок при оплате в 1,80 марок в час; теперь он должен в одно и то же время обслуживать 6 станков, получая за это 92 пфеннига. (Рационализация в нижнем течении Рейна. «Die Internationale», 1927, Heft 25.)

Рабочие корреспонденты из Рурской области сообщают следующий факт: в июне 60% рабочей команды в рудниках не выработали средней платы. Или: со времени введения метрической сдельной платы, т. е. уже в течение года никто не заработал средней платы. В то время как мы зарабатываем больше 1,25 марки в час, нам не выплачивают этого излишка, говоря, что здесь произошла ошибка в вычислении.

Таких и подобных им примеров можно привести сотни.

Эта изменившаяся доля в общей сумме налогов должна, само собой разумеется, привести к ухудшению условий жизни рабочего класса.

Вообще нет видов на постоянное уменьшение безработицы. Даже капиталисты открыто сознаются, что даже такие хорошие конъюнктуры, которые имели место во время английской забастовки горнорабочих, не могут на продолжительное время уничтожить безработицу. Если до войны число безработных, как более или менее постоянное явление, составляло максимум 100 до 200 000, то в настоящее время фактически число безработных не падает ниже одного миллиона. Что оно могло составлять больше 3 миллионов, мы видели как раз в начале 1927 года. ¹¹

Но вместе с тем значительно удлинилось рабочее время. В виду возобновления дебатов о рабочем дне министерство народного хозяйства предприняло статистическое исследование немецкой промышленности. Эта статистика является, конечно, совершенно неверной. Так, например, к «немецкой индустрии» отнесены текстильная, кожевенная, металлическая и табачная промышленность. Все остальные отрасли промышленности пропущены. Но даже в этих отраслях промышленности только 17—33% рабочего персонала подверглось обследованию. Кроме того, статистика признает, что на ее вопросы ответы получились исключительно от торговых фирм. Хозяйственные советы, конечно, не были привлечены к этому делу. Статистика эта таким образом уже в самой основе своей сфабрикована. И все же она указывает, что 52,97% охваченных исследованием рабочих работали больше 49 часов в неделю.

В то же самое время профессиональные союзы, а именно союз немецких текстильных рабочих и союз немецких рабочих металлической промышленности, со своей стороны также предприняли исследование. Результаты его таковы: из 794 421 текстильных рабочих только 1,6% (!) работают 48 часов в неделю, 18,4% работают 50 до 52 часов, 80% (!) — 53 до 60 часов в неделю. В металлической промышленности из 1 862 561 рабочих только 11% работают 48 часов в неделю, 64% — 48 до 54 часов, 25% — больше 54 часов в неделю. И это в такое время, когда фактическое число безработных составляет больше 3 миллионов. Надо, однако, принять также во внимание, что теперь еще только началась широкая борьба предпринимателей против находящегося еще номинально в силе восьмичасового рабочего дня. Борьба идет определенно в сторону установления 10-часового рабочего дня, как среднего рабочего дня для всего немецкого рабочего класса.

Но при исследовании положения немецкого рабочего класса надо еще принять во внимание, что чрезвычайно сильно увеличилась интенсивность эксплуатации. Рационализация, как часть борьбы немецкого капитала с целью реорганизации его импе-

риалистических монополий, качественно пошла значительно дальше общепринятого постоянного размера рационализации. Достаточно указать на один пример: в немецкой рурской горной промышленности, несмотря на то, что там в 1926 г. было добыто на 8 миллионов тонн больше, было занято на 33 000 горнорабочих меньше в сравнении с 1925 годом. Число рабочих, занятых добычей бурого каменного угля, уменьшилось по сравнению с 1913 годом в Германии на 20%. Труд же каждого горнорабочего стал ровно на 20% интенсивнее. В отдельных отраслях промышленности, например, в постройке паровозов, продолжительность процесса производства сократилась на 30%, в производстве швейных машин местами даже на 65%. Эта интенсификация лишь в незначительной степени может быть приписана введению совершенно новых машин. В гораздо большей мере это увеличение производительности достигается сильным увеличением интенсивности труда, — получается, следовательно, за счет рабочей силы.

Параллельно с этим чрезмерным усилением эксплуатации идет увеличение числа несчастных случаев.

При уменьшении персонала в Рурской области с 1923 до 1925 г. в размере от 10 до 30% число несчастных случаев за это время увеличилось с 25 до 100%. А число несчастных случаев со смертельным исходом с первой четверти 1926 г. до второй четверти 1926 г. в Рурской области увеличилось больше чем на 15%. Но связь между рационализацией производства и ростом числа несчастных случаев лучше всего видна из заявления директора Урбана из Берлина на промышленной выставке в Лейпциге: «Я прекрасно понимаю настойчивое требование закона об ограждении машин для защиты наших рабочих от несчастных случаев. Но я буду энергично бороться против его введения, так как вижу в нем препятствие для дальнейшего развития промышленности».

Это отношение современных империалистических предпринимателей соответствует примерно отношению прежних работодателей, для которых сдирание шкуры с рабов было экономически выгоднее, чем бережное отношение к ним.

Однако самый важный вопрос в настоящее время состоит в том, является ли этот процесс обнищания немецкого рабочего класса, несмотря на известный новый подъем немецкого капитала, преходящим явлением или нет? Или, другими словами, будет ли немецкий капитал в состоянии допустить в широких размерах участие своего рабочего класса в империалистическом развитии немецкого капитала, как это было до войны? Или же именно в невозможности такого участия широких слоев посредством улучшения их условий жизни выразится не только экономическая и политическая, но и социальная особенность неподвижного характера нового немецкого империализма? Этот

вопрос, конечно, связан с перспективами немецкого империализма, и мы должны немелленно дать отрицательный ответ, если мы стоим на весьма приемлемой точке зрения, что у немецкого капитала вообще нет шансов на империалистический подъем в больших размерах и на продолжительное время.

Как уже было указано, этот вопрос связан с развитием новых постоянных внутренних и внешних рынков сбыта. До сих пор мы определенно можем констатировать, что экспорт немецкого капитала значительно повысился только во время английской забастовки после реорганизации на новой империалистической основе. Вообще же он обнаруживает тенденции к неподвижности. В среднем он значительно отстает от импорта. При этом неподвижном экспорте широкий массовый сбыт внутри страны не должен быть сильно развит, так как степень обеспеченности работой и высота заработной платы, а вместе с тем в значительной степени и размер внутреннего сбыта зависит от экспорта. До тех пор, пока последний так ограничен, как до сих пор, немецкий капитал должен для своего сохранения, а также и для борьбы за свое развитие, как уже было указано, вместе с покровительственной таможенной политикой и другими неподвижными моментами, вытекающими из процесса монополизации, оказывать сильное давление на заработную плату и на рабочее время. Покровительственная таможенная политика немецкого монопольного финансового капитала допускает в общих чертах необходимый дэмпинг только вследствие продолжающегося уже с начала 1926 г. ухудшения положения рабочего класса.

Однако, если мы даже допустим, что немецкому капиталу удастся, при ограниченности международного рынка сбыта, добиться расширения своего сбыта, разбив каких-нибудь конкурентов, то не должна ли эта борьба с целью разбить конкурентов и сохранить вновь приобретенный рынок сбыта таким же самым образом отразиться на рабочем классе? Не случайность, что по окончании английской забастовки значительно усилилось давление немецкого капитала на уровень жизни рабочего класса. Упомянутый уже выше Мак Кенна логически продолжает приведенную на стр. 49 цитату, говоря:

«Мы видим, что все другие промышленные государства мира имеют жизненный интерес в том, чтобы препятствовать усилиям, направленным к расширению немецкого экспорта, а это может произойти только посредством всеобщего понижения уровня жизни» (Мак Кенна на Нью-Йоркском съезде American Bankers Association). (Подчеркнуто нами.)

К таким же выводам приходит также хорошо известный профессор Момберт в своем исследовании о мировом экономическом значении немецких репарационных платежей (например, см. «Archiv für Politik und Geschichte», Heft 3, 1926).

Не представляется ли, однако, возможным, чтобы вдруг опять мог расширяться чрезвычайно сузившийся фактически рынок сбыта? Теоретически расширение, конечно, возможно посредством политики цен, проводящей длительно понижение их. Рынок сбыта не есть неподвижная величина, на него оказывают решительное влияние цены. Но мы уже показали, что империализм на своей настоящей ступени развития уже не в состоянии вести такую политику цен. Именно на теперешней ступени его развития совершенно отчетливо обнаруживается противоречивая тенденция монополий в их понижательном движении цен. Таким образом в общем и целом при расширении рынков сбыта вопрос может быть только об открытии новых областей. Эти новые области надо было бы искать в Южной Америке и в Китае. Но борьба американского капитала против вторжения английского или немецкого капитала в Южную Америку и Канаду уже доказывает, что постепенно развивающийся рынок сбыта Южной Америки и Канады в общем может и должен быть в достаточной мере удовлетворен производительными силами американского капитала, как это показывает американская политика. Вообще мы должны остерегаться считать открытие новых рынков сбыта неожиданным, быстро протекающим процессом. Это открытие возможно только постепенно, т. е. это значит, что и при данном состоянии развития производительных сил отдельным капиталистическим странам может быть очень легко удовлетворить эти вновь открывающиеся рынки сбыта. Но другой большой рынок сбыта, Китай, как раз обнаруживает тенденцию устранить империалистов с этого рынка сбыта. Национальная освободительная борьба и является именно борьбой против империалистического вторжения в Китай.

Дальнейшую тенденцию к сужению рынка сбыта мы видим в индустриализации внеевропейских стран.

При таких условиях совершенно очевидно, что виды немецкого капитала на открытие новых рынков сбыта совершенно ничтожны. По отношению к конкуренции немецкий капитал может иметь какие-нибудь шансы лишь в той мере, поскольку ему удастся разбить в конкуренции своего капиталистического противника, т. е. практически это означает ухудшение жизненного уровня широких масс; этим вопрос о внутреннем рынке решается для капитала также в отрицательном смысле. Даже если бы Германия и получила колонии, что, как было уже указано, должно привести к глубоким потрясениям, то это были бы только никуда негодные колонии, из которых трудно было бы извлечь специальную прибыль, и вообще в течение более или менее продолжительного периода времени не могло бы быть вопроса об участии рабочих в этих специальных прибылях. [Здесь не приняты в расчет специальные прибыли немецкой крупной промышленности, получаемые благодаря покровительственным пошлинам. Но они и не могут вообще служить для участия

рабочих, так как они служат для проведения дэмпинга (dumping) на мировом рынке, и в то же самое время они удовлетворяют часть чрезвычайно высокой потребности накопления немецкого капитала.]

Эта указанная линия развития имеет особенное значение для судьбы немецкого империализма, так как с этим развитием тесно связан вопрос о возможности нового возникновения широкого слоя рабочей аристократии. Эта рабочая аристократия является тверднейшей социал-демократии и реформистов, а также и самого империализма. По мере того как будет исчезать или не будет иметь возможности развиваться, как массовое явление, рабочая аристократия, в Германии опять будет развиваться революционное движение (ср. падение английской рабочей аристократии и обострение там классовой борьбы). Мы не должны, конечно, представлять себе, что падение немецкой рабочей аристократии пойдет так прямолинейно и таким быстрым темпом. Понятно, и здесь по временам будут делаться попытки развития новой рабочей аристократии, но для нас решающим моментом является то, что эта рабочая аристократия не может уже стать массовым явлением, как до войны, и что линия развития идет в направлении ее уменьшения. В противоречивом движении нового развития рабочей аристократии и ее распада безусловно имеются обе тенденции, и тенденция распада в общем безусловно сильнее. (Конечно, в этой борьбе обеих тенденций могут наступить временные колебания.)

Следующим моментом, который при рассмотрении этого вопроса имеет существенное значение, является уменьшение числа высококвалифицированных рабочих, как необходимое следствие самой рационализации (посредством разложения процесса труда на многочисленные упрощенные отдельные процессы, дальнейшей механизации производства и стандартизации его). Этот процесс уменьшения слоя высококвалифицированных рабочих связан с заменой квалифицированной рабочей силы вообще необученными женщинами и подростками. Конечно, процесс этот происходит очень медленно, однако он безусловно заслуживает внимания.¹²

Следующим заслуживающим внимания моментом является изменение социального состава самой рабочей аристократии. В эту рабочую аристократию, поскольку она в настоящее время существует и поскольку она продолжает развиваться, проникают преимущественно элементы прежней мелкой буржуазии. Это те элементы, которые в качестве контролеров, шпионов часто занимают места прежних мастеров или надсмотрщиков. Сюда надо прибавить еще известное число проникших в процесс производства фашистских элементов, которые отчасти происходят из рядов разложившейся мелкой буржуазии.

Вместе с указанными здесь тенденциями, как значительное новое явление, рядом с экономическими и политическими кон-

фликтами, прогрессивно развиваемыми новым немецким империализмом, уже с самого начала его развития прибавляются качественно изменившиеся социальные конфликты. Социальные конфликты, возникающие теперь на основе нового немецкого империализма, носят в себе гораздо более сильно выраженные, революционные тенденции, чем до войны, даже незадолго до самого возникновения войны. Здесь против немецкого империализма, как против империализма неподвижной стадии, чтобы не употреблять самого по себе правильного выражения — против разрушающегося империализма, выступают решительные, губительные для самого империализма, тенденции. В этом пункте, может быть, сильнее всего обнаруживается своеобразный характер этого нового немецкого империализма и, поскольку этот новый немецкий империализм является частью неподвижного империализма, по крайней мере в европейских капиталистических государствах, также и своеобразный характер послевоенного империализма вообще.

Конечно, немецкий капитал ясно видит эту опасность и, поскольку это для него возможно, строит на ней свою внутреннюю политику.

С. Внутренняя политика нового немецкого империализма.

Специфический характер нового немецкого империализма в той форме, в какой он оказывает влияние на мелкобуржуазные и пролетарские массы, должен, конечно, отразиться и во внутренней политике немецкого финансового капитала. Если внутренняя политика буржуазии после революционного периода должна становиться реакционной, а вместе с трудностью сохранения своего классового господства реакционный характер ее должен все усиливаться, то империалистический характер ее должен будет проявиться в специфически агрессивной реакционной внутренней политике. После таких шедевров внутренней политики немецкой буржуазии, как, например, избрания Гинденбурга, экспроприации мелкой буржуазии и ассигнования колоссальных вознаграждений бывшим князьям, этот агрессивный реакционный характер немецкого империализма яснее всего обнаруживается в его внутренней политике.

Этот реакционный характер проявляется уже в германской налоговой и финансовой государственной политике.

Финансовая политика нового германского государства должна иметь следующие отличительные черты: увеличение расходов на внешнюю политику, на армию, сокращение расходов на все социальные задачи, как, например, поддержку безработных и т. д., при уступках и бережном отношении к капиталу и при увеличении налогового бремени трудящихся масс. Эти требования вполне логически вытекают из требований нового немецкого

империалистического государства, и они быстро проявились в финансовой политике последних двух лет.

В то время как при императорском империализме последний довоенный годовой бюджет внешней политики составлял 20,5 миллионов, в настоящее время этот бюджет в три раза больше, а именно составляет 59,1 миллионов. Сюда надо еще прибавить не вошедшую в него сумму на участие в Лиге Наций, так что общая сумма на внешнюю политику теперь будет составлять 61 миллион марок. Но активность немецкой внешней политики вытекает также из следующих данных. На цели политического шпионажа теперь затрачивается 8 миллионов. Сюда надо причислить еще суммы, необходимые для так называемой информационной службы внутри страны и за границей, так что общая сумма на шпионаж составляет 14 миллионов.

Обращают на себя внимание также расходы на германскую армию и на флот. В 1924/25 г. этот бюджет увеличился на 103 миллиона, в 1926 г. — на 110 миллионов, а в 1926/27 г. он опять должен быть увеличен на 32,2 миллиона; весь же бюджет составляет 697,1 миллионов марок. Это составляет приблизительно больше одной трети той суммы, которую Германия непосредственно перед войной затрачивала на свой военный аппарат, который был приблизительно в 8 или 10 раз сильнее. Наиболее резко поднялись расходы на флот. С 1924 г. постоянные расходы в морском бюджете увеличились на 68%, а единовременные — на 375%. И хотя тоннаж флота в настоящее время составляет максимум одну десятую тоннажа мирного времени, однако расходы на морское ведомство увеличились с 2,8 миллионов в 1923 г. до 3,8 миллионов в 1927 г. И вместо необходимых двух адмиралов и 7 капитанов этот до смешного ничтожный германский флот имеет теперь 12 адмиралов и 147 капитанов. В этом заключается, таким образом, объяснение Гесслера, что он стремится целиком использовать разрешенную Версальским мирным договором военную силу.

Это усиление, о котором уже раньше было упомянуто, могло быть проведено главным образом потому, что свыше 300 миллионов, предназначавшихся на социальные цели, были вычеркнуты из бюджета. Главная часть суммы получилась от «сбережения» государственных средств на поддержку безработных. Поддержка безработных теперь превращена в страхование от безработицы, в котором теперь принимают участие рабочие. Этим в одно и то же время достигаются три цели. Сотни миллионов освободились для империалистических целей, рабочий класс сам оплачивает поддержку безработных и, в-третьих, самая поддержка безработных благодаря этому может быть сокращена по крайней мере на 10%.

Параллельно с этим идут успешные попытки по возможности освободить капитал от налогового бремени. В 1924/25 г. капитал доставил 2331 миллион марок. В этом году он должен доста-

вить только 1790 миллионов. В то же самое время капиталу были предоставлены в усиленных размерах субсидии и особенно благоприятные кредиты из государственных средств. Таким образом, согласно нашим совершенно поверхностным вычислениям, немецким предпринимателям было предоставлено только в первую половину 1926 г. 350 миллионов, кроме обычных кредитов, которые капитал получил на немецком кредитном рынке при поддержке имперского банка.

Но чтобы предоставить еще дальнейшие льготы капиталу в связи с регулированием вопроса о безработных в духе предпринимателей, «Deutsche Bergwerkszeitung» («Немецкая газета горной промышленности») вполне серьезно два раза предлагала назначить диктатора для дел о безработице, который в то же самое время был бы также немецким министром финансов. Из одного этого факта уже видно, что в кругах немецкой тяжелой индустрии очень серьезно занимаются этой проблемой.

Агрессивно реакционный характер нового немецкого бюджета таким образом совершенно очевиден. Рядом с ухудшением положения широких масс — особые льготы капиталу и специальное предоставление средств, отнимаемых у широких масс, для определенно империалистических целей Германии, особенно для усиления власти армии и флота и для усиления внешне-политической империалистической деятельности немецкого правительства.

Но и это составляет только часть реакционной программы немецкого империализма. Положение закона о 8-часовом рабочем дне было уже прежде охарактеризовано на основании статистических данных. Теперь необходимо еще указать, что это фактическое положение новым законом не только упрочено, но и расширено в пользу капитала.¹³ Насколько капитал уже уверен в успешном исходе борьбы против восьмичасового дня, видно из иронического замечания «Deutsche Bergwerkszeitung» за 9 февраля 1927 г., где газета занимает известную позицию по отношению к заявлению Томаса из Женевского рабочего ведомства: «Если Томас в виду этих фактов (перехода социалистических профессиональных вождей в лагерь фашистов, Р. З.) и тех предположений, которые недавно Франция связала с ратификацией Вашингтонского договора, сохранит еще свою веру в 8-часовой рабочий день в Западной Европе, тогда нужно, конечно, удивляться этой силе веры и дать ему название «верующего Томаса».

Конечно, не случайность, что параллельно с этими реакционными стремлениями, буржуазным блоком провозглашена также открытая борьба против почти совершенно негодного уже принудительного жилищного хозяйства. Сохранившиеся еще до сих пор остатки принудительного жилищного хозяйства должны быть устранены, благодаря чему цены на жилище поднимутся по крайней мере на 30%, т. е. поднимутся соответственно общей дороговизне в Германии. Если уже теперь сумма, вносимая рабочими за квартиры, составляет около 20% дохода рабочей

семьи, то благодаря прибавке она должна подняться по крайней мере до 30%.

Затем нет ничего удивительного в том, что одновременно со всеми этими мерами буржуазным коалиционным правительством проведен так называемый «Schmutz und Schundgesetz» (закон о порнографической и бульварной литературе), который, как это доказали процессы против издателей, даже против наборщиков и мальчишек на побегушках, направлен исключительно против революционной литературы. В последнее время есть даже намерение дополнить этот закон специальным законом для «ограждения молодежи», посредством которого надеются бороться против революционного юношеского движения. Переговоры с Ватиканом о передаче школ церкви находятся уже в полном ходу, хотя и не официально. Это обещание учреждения такого конкордата составляло ту цену, которую немецкие националисты (Deutsch-nationale) должны были заплатить за согласие центра на образование буржуазной коалиции. Затем имперский министр продовольствия Шиле возвещает о расширении покровительственных пошлин, в особенности на сахарной промышленности, в производстве мяса, молочных продуктов и овощей. (Дебаты в рейхстаге 16 марта 1927.) Здесь излишне останавливаться на реакционной юстиции в Германии. Имеются также известные планы относительно «улучшения существующего до сих пор избирательного права».

Мы вообще ограничились здесь только перечислением наиболее резко выступающих реакционных агрессивных моментов в немецкой внутренней политике, которые могут быть связаны с оживлением нового немецкого империализма.

D. Перспективы развития немецкой внутренней политики.

Приведенные до сих пор факты представляют только первые шаги нового немецкого империализма во внутренней политике. В противоположность прежнему, новый империализм определенно сознает, что он может укрепиться только на основе углубления нищеты широких масс. Он пытается выступить против прористекающей отсюда опасности, при чем он располагает для этого следующими возможностями:

а) По отношению к мелкой буржуазии.

1. Удовлетворение претензий небольшого слоя, как, например, домовладельцев, административных и судебных чиновников и т. д.

2. Вовлечение части мелкой буржуазии в значительно больших размерах, чем до сих пор, в торговую и техническую работу крупных предприятий. Уже давно доказано, что монополизация и рационализация ведут к увеличению технического и торгового

аппарата. Например, в одной Рурской горной промышленности в 1926 г., несмотря на сильное уменьшение числа занятых рабочих, число технических служащих в сравнении с 1913 г. увеличилось на 30%, число же торговых служащих — почти на 100%.

3. Связывание фашистской части мелкой буржуазии с финансовым капиталом посредством финансирования фашистских союзов. Ни для кого не составляет тайны, что Тиссен, Борзиги и многие другие финансируют современный фашизм.

Однако этот расчет на фашизм имеет слабую сторону. Благодаря тому, что современный фашизм, как всем известно, находится в прямой финансовой зависимости от финансового капитала, он лишен очень большого поля деятельности среди мелкой буржуазии. Сила старого фашистского движения в Италии и фашистского движения в 1923 г. основалась, главным образом, на том, что фашизм являлся для мелкой буржуазии совершенно новым движением, независимым от финансового капитала, стоящим над партиями и проникнутым революционными тенденциями. Тяжелый кризис, вызванный переходом фашизма в финансово-капиталистический лагерь в Италии (теперь, когда кончился его так называемый героический период), начинает таким образом становиться в Германии исходным пунктом фашистского движения, раньше еще, чем он вообще стал играть решающую роль.

Для всех остальных частей мелкой буржуазии у финансового капитала остаются только мелкие идеологические средства. Здесь финансовый капитал пытается привлечь эти антиимпериалистически настроенные слои, во-первых, при помощи социал-демократии, сочувствующей пацифистскому характеру немецкой внешней политики, во-вторых, финансовый капитал дает мелкой буржуазии в паневропейском движении или в движении Соединенной Европы пацифистскую теорию нового империализма.

Однако все приведенные средства отчасти по своему идеологическому характеру не являются оплотом против обнищания мелкой буржуазии, а, с другой стороны, поскольку они имеют материальный характер, они охватывают только незначительные слои мелкой буржуазии. Новый немецкий империализм уже не в состоянии в полном объеме разрешить скрытый им антагонизм с мелкой буржуазией или перекинуть между ними мост.

в) По отношению к рабочим.

Здесь финансовый капитал имеет еще меньшую возможность смягчить антагонизм между новым немецким империализмом и рабочим классом в виду обостренного гнета. В настоящее время финансовый капитал уже не в состоянии предоставить значительным слоям рабочего класса возможность материального участия в империализме. Выводы, которые делает из этого финансовый капитал, совершенно ясны: финансовый капитал должен, соответственно росту давления на рабочий класс, вести

борьбу против революционизирующей силы этого давления и против ведущих классовую борьбу организаций пролетариата, чтобы помешать им использовать усилившееся движение в борьбе против капитала. Немецкому капиталу для проведения его империалистических целей теперь нужен «американизированный рабочий класс», но, конечно, без высокой заработной платы американских рабочих. Для американизации рабочего класса, не в материальном, а в идеальном отношении, немецкий пролетариат должен решительно проникнуться буржуазной идеологией, отказаться от всякого самостоятельного классового движения и по возможности быть огражденным от всяких влияний, которые в какой бы то ни было мере могут пробудить классовый инстинкт. Эта программа, конечно, означает вместе с тем замену классовых организаций предпринимательскими организациями. Практически эти задачи могут быть осуществлены приблизительно следующим образом: посредством широкой поддержки всех желтых профессиональных организаций.

Посредством создания так называемых нейтральных организаций, как, например, профессиональных образовательных союзов, сберегательных товариществ и т. д. Такая сеть практически уже проведена в организации промышленного сберегательного общества в концерне Сименса. Все эти союзы находятся под прямым не демократическим управлением предприятий, при чем во главе стоят по большей части бывшие офицеры. Это первая ступень подчинения рабочих и вне процесса производства предпринимательскому контролю, конечно, на основе процесса производства, и к заполнению свободного времени занятием, чрезвычайно далеким от всякой классовой деятельности.

Гораздо более непосредственно к поставленной задаче ведет новая попытка предпринимателей. В Дюссельдорфе основан «Немецкий институт для технического обучения рабочих».* В этом институте лучшие рабочие специально изучают новые рационализированные методы труда. Но это только одна сторона института. В то же самое время, посредством строгого объединения, рабочих отрывают от обыкновенной среды промышленных рабочих, объединяя их в множество образовательных, экскурсионных, спортивных групп. В этом институте ученики должны носить определенную одежду. Там должен господствовать военный дух. Затем в том же институте выдаются рабочим профессиональные и промысловые газеты и т. д. Институт издает для промышленности целый ряд промышленных газет, которые в Институте пишутся под капиталистическим руководством. Обработанные таким образом рабочие затем отправляются на предприятия и образуют там ядро белых ячеек.

* В тексте сказано: так называемая «Dinta», что означает сокращение слов «Deutsches Institut für technische Arbeitsschulung». Сокращение это по-русски не может быть передано.

В связи с такого рода влиянием находится самый значительный новый метод финансового капитала. Финансовый капитал стал организатором фашистских союзов, и особенно самого большого из них — Союза стального шлема. Особенность этой организации состоит в ее двояком характере: с одной стороны, она составляет внутренний политический оплот финансового капитала, с другой же стороны — она является также вспомогательной организацией существующей немецкой армии. Затем надо прибавить, что этот Стальной шлем, прочным ядром которого является фашистская мелкая буржуазия, всеми средствами пытается проникнуть в среду рабочих. Организованные в нем рабочие таким образом не только должны находиться под руководством финансового капитала, но и длительно подвергаться влиянию мелкой буржуазии в идеологическом отношении. Третья особенность, затем, состоит в организации этого Стального шлема также и на производственной почве. Организационно здесь предприниматели очень многому научились у коммунистической партии. Тем, что они опираются на промышленность, предприниматели достигли здесь того, что в самом производстве между самими рабочими тотчас же обнаруживается антагонизм между белым и красным, что и без того уже сильный раскол увеличивается еще в особо резких формах, между которыми нет примирения. Эти группы Стального шлема ведут на предприятиях решительную борьбу против всех классовых организаций. Идеологически они ведут эту борьбу с чисто империалистической, белогвардейской контрреволюционной, заимствованной у социал-демократии последовательной идеологией общности интересов рабочих. Этот Стальной шлем является, так сказать, увенчанием новейших империалистических методов. Он обнимает собой все силы, которые в какой бы то ни было форме должны быть организованы финансовым капиталом. Здесь также создается связь с армией (Reichswehr) и с правительством буржуазного блока, беспартийной и массовой организацией которого стал Стальной шлем.

Численность организации стального шлема, как самой значительной, вместе с целым рядом других организаций, по словам сведущих людей, составляла в мае 1927 г. от 200 000 до 300 000. Из этих членов около 10% составляют промышленные рабочие и около 15% — сельские рабочие. Он (Стальной шлем) главным образом сильно распространен в важнейших промышленных районах. Есть даже предприятия, на которых он играет, внешним образом по крайней мере, господствующую роль. Однако у этой гвардии финансового капитала во всех ее целях, как экономических, так и политических, внутренних и внешних, есть слабая сторона. Организованные в ней рабочие в общем не являются рабочей аристократией, наоборот, составляют самые униженные слои рабочих. Принуждаемые безработицей, возможностью получить работу, если они всту-

пят в организацию Стального шлема, известные слои рабочих идут в Стальной шлем. Их там удерживают многочисленными другими средствами коррупции. Как мало фактически удалось Стальному шлему идеологически привлечь рабочих, лучше всего видно из того, что даже в тех производствах, где он преобладает, никогда не удавалось выбрать производственный совет из членов Стального шлема. В тот момент, когда речь идет о представительстве классовых интересов пролетариата, Стальной шлем, само собой, оказывается несостоятельным.

Совершенно очевидно, что все эти новые методы предпринимателей острее всего направлены против коммунистической партии, стоящей во главе классовой борьбы пролетариата. Но этот новый метод должен быть, конечно, направлен также и против социал-демократии, и против реформистских профессиональных союзов. Хотя эти две организации постоянно работают вместе с организацией предпринимателей против революционирования рабочих масс, капитал, однако, в то же самое время стремится также расколоть и эти рабочие организации.

Однако эти новые методы фашистской борьбы против рабочих должны, конечно, на известной ступени развития иметь большое значение для государственной формы и характера так называемой демократии нового германского государства. На известной ступени эта борьба против рабочего класса должна в то же самое время стать борьбой против существующего государственного строя. Не против существующего правительства, но последнее само должно взять на себя инициативу изменения государственного строя или демократии с помощью фашизма. Хотя по отношению к борьбе против социал-демократии и реформистских профессиональных союзов в рядах финансового капитала и существуют известные разногласия, однако они все согласны в том отношении, что в крайнем случае должна быть объявлена фашистская диктатура, т. е. открытая, ничем не прикрашенная диктатура финансового капитала. В крайнем случае, т. е. если на основе усилившихся методов эксплуатации, усилившихся экономических и политических конфликтов нового немецкого империализма, радикализация рабочего движения будет угрожать стремлениям нового немецкого империализма к укреплению. Программа этой фашистской диктатуры подробно изложена неким В. Шотте в январском номере знаменитого немецкого «Ежегодника» за 1926 год. Она, впрочем, соответствует тому, что постоянно пропагандирует «Deutsche Bergwerkszeitung». Она требует исключения из государственного бюджета всех так называемых благотворительных учреждений, передачи всех государственных предприятий в частные руки, уничтожения государственной организации чиновников и превращения их в организацию частных служащих, уничтожения парламента и отмены выборов по спискам,

абсолютного подчинения рейхсвера и полиции власти финансового капитала. За исключением определенного требования уничтожения парламента, все эти требования уже давно не раз выставлялись «Deutsche Bergwerkszeitung». А подчинение рейхсвера власти финансового капитала практически также проводится в жизнь благодаря финансовой поддержке черных стремлений рейхсвера и так называемых «Fetternorde», т. е. убийств, совершаемых фашистами, а также «финансовой поддержке» всех «военноспортивных союзов». 25/XII — 1926 г. «Rote Fahne» приводила выдержку ответа бреславльских союзов работодателей, в котором эти союзы работодателей открыто признают, что они давали деньги для образования таких военно-спортивных учительских обществ и что они вели продолжительные переговоры с окружным военным командованием в Берлине и кавалерийской дивизией в Бреславле.

Такое определенное решение ответственных слоев немецкого финансового капитала силой уничтожить глубокое противоречие между рабочими и мелкой буржуазией благодаря выступлению нового немецкого империализма — в том случае, если не помогут так называемые конституционные средства, находят свое конкретное проявление в выборе Гинденбурга в 1925 г. Вызванный в выборе Гинденбурга реакционный характер немецкого капитала, с его монархической окраской, не только являлся реакционным в обычном смысле этого слова, но имел также реакционный империалистический характер. Выбор Гинденбурга фактически составляет начало перехода немецкой внутренней и внешней политики к новой империалистической внутренней и внешней политике. Особенность нового немецкого империализма требует, чтобы он опять скрывался в милитаристских и монархических формах. Вынужденное положение немецкого империализма на основе все более увеличивающихся противоречий принуждает его к тому, чтобы с самого начала для своего фашистского переворота иметь во главе государства необходимое властное лицо. Без этого перехода к империализму вообще трудно было бы вполне понять выбор Гинденбурга.

Специфический характер немецкого империализма проявляется таким образом и в специфической внутренней политике.

Однако, подобно тому как экономическая и внешнеполитическая особенность немецкого империализма не связана с преодолением противоречий, а, наоборот, связана с их обострением, так же точно внутренняя политика обнаруживает специфическое обострение социальных противоречий. Даже и здесь оказывается, что в начале проведения нового немецкого империализма тотчас же возникают не только чрезвычайно обостренные экономические, внешнеполитические конфликты, но и такие социальные конфликты, которые не были даже известны в конце империалистического периода развития до войны.

IV. ОТНОШЕНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА И НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ К ИМПЕРИАЛИЗМУ ВООБЩЕ И К НОВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭПОХИ В ЧАСТНОСТИ.

Современное отношение II Интернационала и немецкой социал-демократии к империализму тесно связано, конечно, с их отношением к нему перед войной и во время войны.

Их отношение до войны может быть вкратце охарактеризовано следующим образом (мы здесь будем говорить только о тех представителях определенных взглядов, которые остались в рядах II Интернационала).

Одно направление внутри II Интернационала вообще уже до войны не видело проблемы империализма, как особой формы проявления капитализма в известную эпоху. К отдельным частным явлениям империализма, как, например, к милитаризму, колониальной политике, покровительственным пошлинам, у этого течения было, в виду отсутствия общей теоретической точки зрения, оппортунистическое отношение от случая к случаю, при чем известные явления империализма у этого направления нашли открытую поддержку. Эта группа (Ауэр, Бернштейн, Шиппель, Давид, ван Коль и другие) до войны имела абсолютный перевес в рядах II Интернационала.

Но настоящие руководящие умы II Интернационала, как Каутский и другие, выступали, правда, против проявления империализма, не ставя, однако, в целом правильно проблему империализма. Как в своей статье 1907 г. «О социал-демократии и колониальной политике», так и в статье за 1911 г. «Торговая политика и социал-демократия» Каутский занимал неправильную позицию по отношению к империализму. В этих толкованиях, которые характеризовали, например, империализм как стремление отдельных государств к экономической самостоятельности, лежит уже зародыш вполне развитого во время войны реформистского взгляда на сверх-империализм. Единственным активным еще и в настоящее время руководителем, занимавшим во II Интернационале ясную позицию по отношению к империализму, был Гильфердинг. Он правильно усмотрел в империализме необходимую фазу в развитии капитализма

и видел его корни в осуществляемой финансовым капиталом монополизации.

Теорию сверх-империализма, которую Каутский развивал во время войны, можно рассматривать как настоящую основу теории II Интернационала. Однако надо указать на то, что в тогдашней теории Каутского о сверх-империализме в сравнении с современной теорией, главным представителем которой является теперь Гильфердинг, есть еще известные, хотя и очень незначительные, остатки старого революционного времени. Для Каутского тогда возможность сверх-империализма (т. е. развитие всех монополий в одну большую мирную мировую монополию) была только одной стороной проблемы. Другую сторону он видел в порабощении и подчинении империализмом колониальных народов, — явление, необходимо сопровождающее империализм и которое можно преодолеть только социализмом (Каутский, «Neue Zeit», 1914 г.).

А. II Интернационал, немецкая социал-демократия и послевоенный империализм.

Со времени окончания войны вопрос об империализме, как об особом комплексе чрезвычайно важных вопросов, больше не интересовал II Интернационал. Истинное толкование II Интернационала империализма послевоенного времени разбросано в целом ряде работ, которые занимались отношением II Интернационала к целому ряду вопросов мировой политики.

Это уклонение, конечно, вполне понятно. Прямое сравнение с прежним отношением II Интернационала к проблеме империализма чрезвычайно тяжело для всех этих господ. Тем не менее во II Интернационале и в особенности в немецкой социал-демократии можно различить три разные точки зрения. (Вообще надо заметить, что творцы теории II Интернационала об империализме являются главным образом представителями немецкой социал-демократии.)

Одна точка зрения, соответствующая старому реформистскому направлению, вообще не видит проблемы империализма. Второе направление хотя признает факт империализма, но видит в нем только определенный вид политики, связанной обыкновенно с бряцанием оружием. И самое выражение «империализм» в этих кругах стало даже просто бессодержательным ругательным словом. (Воззрения практиков, как Вельс, Шейдеман, Кристин и т. д., и т. д.) Отсюда вытекает интересная картина, что, в зависимости от отношения этих людей к отдельным явлениям мировой политики, та или иная страна то имеет империалистический характер, то является оплотом мира. Так, Францию сильно ругали во время переговоров в Туари как империалистическую страну. Теперь же, наоборот, соглашение с ней обеспечивает мир. То же самое было с Англией. Когда

Англия не хотела решительно вмешаться в Рурский конфликт в пользу Германии, немецкие социал-демократы точно так же ругали ее за империализм. После Локарно все это, конечно, прекратилось. Так же относились к Америке, оплоту мира. После войны и банкротства вильсонизма она была центром империализма, затем она стала страной пацифизма, демократии, теперь, после «острого» инцидента в Никарагуа она опять стала империалистической.

Левых внутри II Интернационала едва ли можно считать направлением по отношению к империализму. Хотя они везде видят империалистические тенденции, в противоположность официальной политике II Интернационала, конечно, также и в Советской России, и предостерегают от дальнейших затей с империалистическими предприятиями, как, например, с немецко-польским таможенным конфликтом, но они не делают из этого никаких выводов. Их задача фактически состоит в том, чтобы удержать своими оппозиционными предостережениями левых рабочих от инстинктивного выступления из II Интернационала. (Типичный пример этого представляет Рейнгарт, президент швейцарской социал-демократии, в его книге «Империалистическая политика на Дальнем Востоке».)

Гораздо более сложным является действительное толкование руководителей II Интернационала в немецкой социал-демократии. Теоретическим представителем этого взгляда является Гильфердинг. Он высказывает тот взгляд, что империализм до мировой войны фактически был именно тем, что он (Гильфердинг) до войны понимал под ним.

Однако центр тяжести он теперь видит в указании, что империализм, удержавшийся после войны, совершенно изменился. Он говорит:

«Если понимать империалистическую политику в ее исторической обусловленности, как капиталистическую политику экспансии, которая вытекает из совершенно определенной фазы капитализма и обусловленной ею государственной политики, то возникает вопрос, не положил ли исход войны конец такой политике, или по крайней мере не изменил ли он ее решительно». (Гильфердинг, «Die Gesellschaft», 1924. Heft I, Seite 14.)

Это объяснение империализма и постановки вопроса, ограниченное оговорками, затем, конечно, подтверждается.

Но Гильфердинг достаточно умен и прекрасно понимает, что если он ответит на этот вопрос в положительном, реформистском смысле, то необходимость этой новой политики он должен доказать радикальным изменением хозяйственного базиса. Другими словами, причин изменения империалистической политики нужно искать в изменении самого характера монополистического капитализма.

Если Гильфердингу удастся это доказать, то он создаст

последовательное теоретическое обоснование для реформистов; а исходя из изменившегося, и притом мирно изменившегося, характера крупных монополий, можно доказать и изменение в характере прежних империалистических государств и прежней империалистической политики. Этим обосновывается и изменение политики социал-демократии, — именно, переход от революционной классовой борьбы к трудовому сотрудничеству и от завоевываемого революцией социалистического хозяйственного строя к мирно осуществляющейся хозяйственной демократии и «конструктивному социализму». Таким образом, новая теория империализма становится исходным пунктом для новой экономической и политической теории социал-империализма.

Гильфердинг и продельвает этот фокус. Он объявляет:

«Существовавшие прежде отдельно формы промышленного, торгового и банкового капитала стремятся к объединению в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму... Вместе с этим растет в то же самое время сознательный порядок и руководство хозяйством, которые стремятся победить на основе капитализма присущую капитализму анархию свободной конкуренции». («Die Gesellschaft», 1924, Heft 1, Seite 2.)

В то время как раньше Гильфердинг не считал монополизацию уничтожением анархии в капитализме, или устранением конкуренции в полном объеме, в настоящее время централизация становится рычагом для преодоления конкуренции и вообще анархии в капитализме. *

С точки зрения Гильфердинга монополизирование, таким образом, не является уже возведением конкуренции на высшую ступень с развитием одновременно высших форм конкуренции (помещением государственного аппарата, как формы конкуренции, между большими монополиями). Раз допустив это передвижение, легко приходишь к следующему передвижению, которое чрезвычайно важно для вопроса после превращения империализма в пацифистский экономический строй.

«Для достижения своей цели, производства прибыли... капиталистическое хозяйство знает два средства: или разбить в конкуренции более слабого противника, или объединить сильных на почве общих интересов. Чем более развита степень капиталистического производства... тем опустошительнее действует конкуренция... тем более место конкуренции заменяет соглашение. Цель, — увеличение нормы прибыли, — не изменяется, меняются только методы. Второй более действителен и экономи-

---

* В 1910 г. Гильфердинг по этому поводу писал в «Финансовом капитале»: «Регулированное и анархическое производство не являются противоположными, так что введением все большего «регулирования» анархия могла бы превратиться в известную организацию».

чески более состоятелен. Аналогия эта применима также к интернациональной политике». («Die Gesellschaft», 1924, Heft 8, S. 99—100.)

Здесь Гильфердинг ведет такую же игру. Как выше он противопоставлял конкуренции организацию капитала, вещи, которые вовсе не представляют противоположности (конкуренция больших трестов вовсе не исключает организации сталкивающихся предприятий или отраслей хозяйства), так теперь он противопоставляет конкуренцию соглашению. Но и такое противопоставление неправильно. Всегда существовали соглашения, даже при конкуренции, не говоря уже об отдельных трестах. Из только-что приведенных соображений следует, что чем выше концентрация и чем выше органический состав капитала, тем более пацифистски настроена промышленность. И социал-демократия поэтому последовательно объясняет, что, например, высокое развитие трестов в химической промышленности занимает совершенно другую позицию по отношению к рабочим, чем положение тяжелой индустрии:

«Эта промышленность (химическая промышленность) не находится в таком непосредственном противоречии с рабочим классом, как тяжелая индустрия, — в этом ее интересы совпадают с интересами производств, изготовляющих законченные продукты. Отношение к рабочим организациям здесь другое, скорее склоняющееся к компромиссу». (Hilferding, «Die Gesellschaft», № 10. October 1926, S. 292.)

Это, таким образом, дает самое блестящее оправдание (в социал-демократическом духе) общей рабочей политики. Но в этом состояла только часть задачи. Вместе с констатированием этого изменившегося классового антагонизма между промышленностью и рабочими, занимающимися дальнейшей переработкой продуктов, и тяжелой индустрией, теперь все более обнаруживается также возможность на основании роста значения таких монополий, как, например, монополия химического капитала, все сильнее проводить экономически пацифистский характер этих монопольных образований в политике и таким образом все сильнее укреплять пацифистские тенденции в политике финансового капитала. Поэтому Гильфердинг следующим образом продолжает цитированное уже место:

«Аналогия эта применима к международной политике». («Die Gesellschaft», 1924, Н. 8.) Это значит, что место политических антагонизмов и конкуренции займет соглашение, соответствующее концентрации капитала. Затем он без колебаний в той же статье категорически заявляет без всякого дальнейшего дифференцирования:

«Конкуренция побеждается общностью интересов...» («Die Gesellschaft», I. с.).

Гильфердинг рассказывает нам, какой вид имеет это разоружение, утверждая, что Вашингтонское соглашение фактически

не только привело к разоружению Японии, Америки и Англии но и к блоку этих трех государств против всех китайских проблем. Действительность показала, что это установление общности интересов этих трех держав против китайской революции еще более бессмысленно, чем полное отрицание всякой возможности какого-нибудь временного соглашения интересов этих трех держав; что, кроме того, например, антагонизм между Францией и Италией на Балканах и между Англией и Советской Россией с течением времени вызовут опасные моменты; но это не останавливает пророков общности интересов. Кроме того, Гильфердинг благоразумно остерегается точно исследовать характер такой общности интересов, поскольку она проявляется временно. Он тогда нашел бы, что временное объединение нескольких великих держав в Китае является объединением чисто империалистического характера, представляет открытую интервенцию и приносит уже с собой опасность больших военных конфликтов. Затем он должен был бы признать, что образование блока между Англией и Италией — такая общность интересов — представляет не меньшую военную опасность, и т. д., и т. д.

Гильфердинг и II Интернационал таким образом практически идут так далеко, что хотят оправдать образование этих временных блоков с определенным империалистическим характером, как средство для достижения мира среди рабочих. Но он идет еще дальше. Так, например, по поводу миролюбия и пацифистского характера Англии и Америки он говорит:

«Интерес англо-саксонских государств, особенно английского, в гораздо большей степени требует укрепления и организации завоеванного, чем нового территориального расширения; воинствующий же характер и следующие за ним революционные потрясения требуют восстания колониальных народов и их отделения от метрополии». («Die Gesellschaft», 1924, Heft , S.-14.)

Не говоря уже о том, что Англия и Америка (см. Никарагуа) здесь изображены гораздо скромнее, чем на самом деле, это приведенное утверждение Гильфердинга представляет не что иное, как оправдание английской интервенции в Китае. Для него «укрепление и организация завоеванного» не представляют империалистического вторжения, не являются интервенцией, чем это «укрепление и организация» в Китае фактически являются. Более блестящего оправдания Чемберлен не мог бы себе пожелать.

Однако не так-то, конечно, легко изобразить такими способами пацифизм империалистических государств. Нужно привести еще и другие доказательства. И II Интернационал в происходившей империалистической мировой войне видит причину будущего всеобщего мира.

«Но война всегда предполагает известное равновесие сил, которое дает возможность каждой группе считать победу воз-

возможной. Огромное перемещение сил после войны в такой же мере мешает пересмотру результатов войны, как экономическое неравенство различных государств и сильный экономический упадок, означающий войну». («Die Gesellschaft», Н. 1. 1924. S. 14.)

Но и этого доказательства недостаточно для полного устранения военных опасностей империализма, сделавшегося пацифистским. К счастью, существует еще влияние рабочего класса, организованного в социал-демократической партии:

«так как воля государства есть равнодействующая стремлений различных классов, т.-е. политических партий, а в этой равнодействующей решающая часть рабочих партий становится все сильнее». («Die Gesellschaft», 1926, № 5.) *

Но Гильфердинг все еще не достиг цели. Он далее спрашивает, как же может влияние рабочей партии, т. е. социал-демократии, еще больше усиливаться? Это может произойти только посредством дальнейшего развития демократии. Таким образом истинными врагами изменения империализма являются фашисты и, что для социал-демократии важнее всего, большевики.

«Угрозы миру в настоящее время прежде всего исходят из тех государств, где демократия раньше всего разбита или где она еще не развилась и где политическая власть представляет более или менее скрытую военную диктатуру, от большевизма до фашизма». («Die Gesellschaft». Н. 5. S. 398.)

Это заявление показывает, как тесно связаны интересы социал-демократии с империалистическими государствами. А так как эти империалистические державы, например, Англия, прославляют итальянский фашизм, то социал-демократии остается только вести борьбу против большевизма. Но так как большевизм представляет первую практическую попытку построения социализма, то по отношению к социализму вытекают неожиданные перспективы для дела всеобщего мира. Гильфердинг видит эти перспективы и делает из них выводы,—выводы, которые вместе с тем являются также и кульминационным пунктом всей теории II Интернационала об империализме. Торжествуя, он заявляет:

«Война расчистила положение. Старый тезис: капитализм есть война, социализм есть мир—оказался несостоятельным в обеих своих частях». («Die Gesellschaft», 1925, № 5.)

Этой теорией Гильфердинг одним ударом убил двух зайцев. Империализм избавился от худшего своего зла, от войны. В настоящее время война и империализм не являются уже

---

* В своем «Финансовом капитале» (1910) Гильфердинг стоял на совершенно противоположной точке зрения. Тогда он говорил: «Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над хозяйством дает в то же время господство над политическими ресурсами государственной власти. Чем выше концентрация в экономической сфере, тем неограниченнее подчинение государства». (Стр. 446.)

тождественными понятиями. * И, кроме того, рабочему классу уже не приходится бороться за социализм, так как и сам социализм связан с военной опасностью. Итак, пролетарии всех стран, к чорту социализм, да здравствует зато капиталистическая империалистическая демократия!

Но здесь надо еще обратить внимание на последнюю фразу приведенного Гильфердингом тезиса, где он говорит о том, что и социализм вовсе еще не значит непременно мир. Этот тезис он, между прочим, доказывает еще ссылкой на социал-демократию 1914 г.

Разве, с другой стороны, опыт войны не показал, как сильно стремление к власти может охватить массы; и должны ли мы еще после 1914 г. питать на этот счет иллюзии? К тому же, раз начавшись, война имеет свои собственные законы». («Die Gesellschaft», 1926, № 5, S. 387.)

Не говоря уже о подлом сваливании здесь вины на массы вместо указания на военное увлечение социал-демократической партии, он этим доказывает, что социал-демократия готова и в будущем совершить такое же предательство, так как только в таком случае можно утверждать, что социализм не значит непременно мир.

Однако с этой теорией, ставящий общий вопрос о сущности империализма, само собой разумеется, связан целый ряд других вопросов об отношении II Интернационала к международной политике. Ибо, конечно, война не есть единственное заслуживающее проклятия зло в империализме, например, даже «мирное вторжение» в Китай, без открытой войны, также связано с целым рядом низостей и насилий. Социал-демократ Рейнгардт (президент швейцарской социал-демократии) именно теперь в книге об империалистической политике на Дальнем Востоке прекрасно разоблачает характер этой политики. Следует еще предпринять кое-что, чтобы сделать оставшийся еще империализм допустимым (после того как война изображена не необходимо связанной с империализмом). Как это может произойти?

«Посредством ограничения политического суверенитета, ограничения, таким образом, политической власти отдельных государств и их орудий посредством обязательного третейского суда и разоружения. Начало такой организации представляет

---

* И по отношению к этому пункту Гильфердинг прежде придерживался прямо противоположного взгляда. В «Финансовом капитале» он в 1910 г. говорил:

«Точно так же, как убеждение, что политика финансового капитала необходимо ведет к военным осложнениям, а следовательно и к тому, что разразятся революционные ураганы, не может же отвратить пролетариат от его непримиримой вражды к милитаризму и военной политике» (S. 441).

Здесь он объясняет необходимую связь между империализмом и войной и в связи с этим необходимость революционных мер пролетариата.

Лига Наций, и последняя сессия ее показывает огромные возможности ее развития...». («Die Gesellschaft», 1924, № 8.)

Нам, в самом деле, не приходится больше удивляться оптимизму социал-демократии. Если можно превратить империализм в мирное объединение исключительно благородных государств, тогда, конечно, превращение Лиги Наций не является уже трудным делом. Что Лига Наций, например, возникла как законное дитя Версальского мирного договора, что она допустила, по приказанию Англии, войну в Марокко, в Сирии, в Китае, несмотря на то, что Сирия является, так сказать, территорией Лиги Наций и что Китай член Лиги Наций, — все эти факты не мешают социал-демократии.

Однако, после того как II Интернационалу и немецкой социал-демократии удалось изобразить Лигу Наций как последнюю из приведенных гарантий превращения империализма в мирный капитализм, найдена основа, исходя из которой внешняя политика II Интернационала смогла быть изложена в виде связанной системы. Ибо, раз Лига Наций является последней инстанцией для устранения империализма, то это вместе с тем является решением всех отдельных вопросов империализма в духе II Интернационала. Этими отдельными вопросами, т. е. отдельными конкретными явлениями империализма, являются, между прочим, проблемы вооружения, колониальная политика, освободительная борьба угнетенных народов и отношение к Советской России. Во всех этих отдельных явлениях именно и проявляется политика империализма, по отношению к которой даже Каутский утверждал еще в 1914 г., что только социализм может преодолеть эксплуататорское и поработительное влияние империализма, так как, хотя последний и в состоянии преодолеть войну, но он не в состоянии преодолеть только-что названных явлений. Рассмотрим подробнее отдельные решения вопросов, после того как социал-демократия «решила» общую проблему империализма.

Вопрос о разоружении. Здесь второй Интернационал целиком становится на точку зрения самих империалистических государств. Гильфердинг, как защитник определенно проводимой им точки зрения, говорит:

«Путь (к разоружению — *P. 3.*) ведет через те мероприятия, которые были в разных случаях предложены английской политикой». («Die Gesellschaft», 1926, № 5.)

Это практическое стремление Англии к разоружению, по мнению социал-демократии, было разбито на Вашингтонской конференции о разоружении и в продолжающихся еще дальнейших предложениях Англии и Америки о разоружении. * В то время как, с одной стороны, целый ряд социалистов, особенно

---

* Увеличение вооружений в сравнении с довоенным временем лучше всего видно из следующих данных:

представителей прежнего 2¹/₂ направления, решительно облачают этот официальный реформистский обман (например, президент швейцарской социал-демократии Рейнгардт), другие, например, социал-демократы, играющие большую практическую роль, делают выводы именно из этой теории. Они не только являются сторонниками необыкновенного усиления растущих со времени войны вооружений, но они открыто выступают в пользу совершенно новых планов милитаризации и вооружений. Так, например, можно указать на французского социалиста Бонкура, автора грандиозных планов милитаризации и вооружений, выработанных им в союзе с французскими генералами и представленных ими в 1927 г. французскому парламенту. Поэтому нет

Военный бюджет нескольких империалистических государств в миллионах долларов:

	1913	1927	
Франция	349	300	
Англия	430	577,3	
Италия	81,9	203,2	
Германия	345,8	168,5	
Америка	133,1	684,5	
Япония	60	209	(1926)

Расходы на морские силы:

Франция	29,3	52,3
Англия	236,7	282,2
Италия	62,8	42,1
Америка	141,6	322,9
Япония	48,3	108,7

Состав военного воздушного флота:

	1923	1927	Программа для следующего года.
Франция	1350	1640	2650
Англия	385	700	900
Италия	250	800	
Америка	420	700	950
Япония	250	500	700

Количество танков: 1926

Франция	1000
Англия	600
Италия	200
Америка	1400
Западные окраин- ные государства, пограничные с Советской Рос- сией	350

Данные о небывалой механизации предстоящей войны, о производстве ядовитых газов, артиллерийских парках и т. д., конечно, не могут быть даны.

ничего удивительного в том, что такие социалисты в качестве гражданских губернаторов сильно поддерживали французский империализм во время войны французских войск против сирийского освободительного движения.

Вполне империалистические выводы из признания английских предложений о разоружении и из планов Жореса о реформе армии проявляются также в той дикой ненависти, которую питают представители II Интернационала к русской армии. Именно потому, что они стоят на точке зрения английских политиков о разоружении (т. е. на самом деле за политику усиления вооружения), для них первая действительно существующая социалистическая армия является бельмом на глазу. Кампания германской социал-демократии по поводу «разоблачений о гранатах» («Granatenhüllungen») и поддержка, которую встретила эта кампания со стороны всего Интернационала, в особенности со стороны французских социалистов, является доказательством определенной империалистической позиции, которая необходимо вытекает из вышеприведенных принципов Гильфердинга.¹⁴

О колониальной проблеме. Прежняя позиция II Интернационала, что необходимо вести самую ожесточенную борьбу против колониальной политики империалистических государств, что колонии должны быть освобождены, конечно, давно уже забыта. (См. старую статью Каутского: «Социализм и колониальная политика», стр. 17, 45, 75.) В настоящее время в официальной социал-демократии, вплоть до некоторых оппозиционных кругов прежнего 2½ направления, всеми признается, что о возвращении колоний вообще не может быть вопроса.

«Теперь даже и не возникает вопроса о том, чтобы предоставить самим себе туземцев тропических стран с их огромными богатствами» (Buxton, «Die Gesellschaft», 1925, № 9, S. 219).

А специальный корреспондент французских социалистов, Лагрозильер, заявил на конгрессе французской социалистической партии 2 мая 1926 г.:

«Эвакуация колоний означает предоставление их разнузданному произволу всех капиталистических государств (одобрение)...» Далее он говорит, что: —

• «их освобождение... невозможно и нелепо и что одна только попытка этого вызвала бы большие конфликты и большие несчастья, чем когда-то вызвала их колонизация».

Эта точка зрения должна быть самой распространенной во II Интернационале, если только II Интернационал на своем ближайшем всемирном конгрессе захочет, наконец, занять определенную позицию по отношению к колониальной проблеме. Спорной теперь является только форма, в которой должна сохраниться колонизация. Большая часть так называемых социалистов стоит за интернационализацию колоний, т. е. за превращение их в мандатные области Лиги Наций. Что

это означает на практике, лучше всего показал сирийский пример.

Другая часть, например французские социалисты, выступают в пользу так называемой ассимиляции колоний. Этой ассимиляции вообще конкретно себе не представляют, потому что за этим скрывается желание сохранения того положения, которое существовало до сих пор. Упомянутый уже специалист по колониальным вопросам говорит, например, что «традиционная политика республиканской Франции поднимает ее значение в глазах социалистической демократии». Французская колониальная политика выставляется, таким образом, как пример ассимиляционной политики. (См. Сирию и Марокко.)

Как уже было упомянуто, Отто Бауэр, Рейнгардт и некоторые другие занимают определенную, более радикальную позицию. На словах они выступают очень резко против этой абсолютно империалистической колониальной политики II Интернационала.

Отношение к освободительному движению колониальных народов. Отношение II Интернационала к освободительному движению на Востоке вполне соответствует этому указанному отношению, а также указанному дифференцированию в самом отношении его к колониальной проблеме. С одной стороны, мы встречаем здесь резко отрицательное отношение к этому освободительному движению; с другой стороны, мы видим, что некоторые стремления идут даже до поддержки этого освободительного движения, по крайней мере на словах.

Так называемый левый бельгийский социалист Ла-Брукер писал в «La Liberté» 11 декабря 1926 года:

«Вчера говорили: Турция—для турок, сегодня говорят: Китай—для китайцев. Мы, бельгийцы, только козлы отпущения во всей этой истории. Защищая свои права, мы этим будем защищать интересы всей Европы».

Результатом этого было то, что тот же самый социалист в качестве представителя в Лиге Наций по поводу требования китайцев об отказе бельгийцев от своих особенных прав заявил следующее:

«Тем не менее китайский министр послал мне 16 апреля письмо, в котором он разрывал договор (договор 1865, в котором были обоснованы бельгийские интересы в Китае) 27 октября, Здесь мы имеем большое нарушение международного права».

Итак, левый социалист стоит на почве империалистического права против китайского народа.

2-е направление, к которому принадлежит значительное большинство II Интернационала, лучше всего следующим образом характеризуется позицией Гильфердинга:

«Поскольку демократия и рабочее движение должны признать право наций на самоопределение, постольку они заинтересованы в развитии, избегающем насильственных взрывов». («Die Gesellschaft», 1924, Heft 8.)

Избегать насильственных взрывов фактически значит не что иное, как требовать, от освободительного движения угнетенных народов, чтобы оно не употребляло в дело оружие. Практическое следствие этой точки зрения тотчас же обнаружилось в позиции английской Labour Party по отношению к движению в Китае и к военным действиям английского империализма против этих движений. Желание избежать «насильственных взрывов» проявилось, например, следующим образом у Макдональда:

«Как для Китая, так и для нас будет не особенно благоприятно, если уничтожение договоров (специальных договоров и концессий) окажется результатом действий беспорядочной черни» («Forwards», 15 января 1927 г.).

В связи с этим негодованием по поводу действий беспорядочной черни (т. е. революционных рабочих и крестьян Китая) Мак-Дональд оправдывал посылку английских войск в Шанхай. А рабочий член парламента Ньюбольд самым решительным образом протестовал в «Daily Herald» от 5/III 1927 г. против слуха, будто он противник посылки войск в Шанхай. На эту посылку войск надо смотреть как на исполнение английским правительством обязанности защищать жизнь и имущество английских подданных в Китае. И скомпрометированный Томас прибавил еще следующее к объяснению Макдональда:

«Если уже посылать войска, то посылать не ничтожную силу, а большую армию».

Под давлением необыкновенных симпатий, вызванных китайской революцией среди западно-европейских рабочих масс, а также под известным влиянием направления Отто Бауэра, II Интернационал был принужден в начале 1927 г. чисто формально несколько изменить свою позицию. Однако изменение его позиции не идет дальше того, что он теперь должен выступить за правое крыло Гоминдана, т. е. за Чан-Кай-Ши, и таким образом практически не означает ничего другого, кроме выступления в пользу контр-революции. Кроме того, эта новая ориентация не проявила ни малейшей активности против посылки войск и против империалистических правительств.

* * *

Эта известная дифференциация внутри II Интернационала замечается, конечно, и в других вопросах империализма, например, в вопросе борьбы против Республики советов. Здесь в резолюциях Марсельского Всемирного Конгресса отчасти была проведена точка зрения Отто Бауэра в противовес абсолютно белогвардейской точке зрения Каутского и немецких социал-демократов. Во всяком случае, это влияние на революцию несколько не помешало правым элементам, т. е. официальной социал-демократии, и впредь оставаться на своей белогвардейской точке зрения и проведения ее в жизнь.

В понимании самого империализма также есть известные варианты рядом с изложенной официальной теорией. Так, например, австрийцы развивают взгляд, не особенно сильно опирающийся на сверх-империализм. Они более склоняются к той точке зрения, что империализм не связан необходимо с капитализмом. Он собственно больше покоится на остатках феодализма и абсолютизма, совершенно особым образом проявляющихся в милитаризме. Эта теория приняла комичные формы у Елены Бауэр. Последовательность этого взгляда, конечно, заключается в том, что чем развитее капитализм, тем меньше опасность войны. Практически, таким образом, взгляд этот сводится к тому же самому, как и взгляд официального II Интернационала. Поэтому мы считаем совершенно излишним приводить цитаты для доказательства этого взгляда.

Однако радикализация II Интернационала в некоторых позициях связана не только с вышеупомянутыми основаниями. Политика отдельных социалистических партий теснейшим образом связана с политикой существующих правительств соответствующих стран (явная или скрытая коалиционная политика). Сплошь и рядом можно доказать, что та или другая агрессивная позиция по отношению к тому или другому проявлению империализма точно соответствует группировкам среди империалистических государств. Так, например, позиция II Интернационала во время его сессии в Париже в 1927 г., с одной стороны, была направлена против американского империализма, а также и против английского, в некоторых пунктах даже против союза между немецкой и французской социал-демократией, заключенного в Париже, а с другой стороны — также против потребности французского правительства вести борьбу против уплаты долгов, а также и потребности германского правительства выступить и против уплаты долгов по Дауэсу. Прежде, при плане Дауэса и Локарнском договоре, комбинация была другая. Немецкая социал-демократия и английская рабочая партия шли вместе и были за план Дауэса и за Локарнский договор; и правительства этих двух стран были заодно. Эти комбинации часто проводятся Вторым Интернационалом, и этим отчасти объясняются некоторые радикальные речи против некоторых империалистических явлений в отдельных странах. По существу же в этих радикальных речах часто лишь проводилась империалистическая реакционная политика известных государственных группировок временного характера.

В. Социал-демократия и новый немецкий империализм.

Из этого отношения II Интернационала к империализму вообще прямо вытекает также и его отношение к новому немецкому империализму.

Если особенность новой империалистической теории состоит

в том, что в послевоенное время империализм превращается в сверх-империализм и может быть побежден в границах капитализма, то очевидно, что при том положении, в котором находится Германия, вообще не может существовать проблемы нового немецкого империализма. Наоборот, немецкий капитализм стал теперь важным фактором для преодоления слабых империалистических тенденций в капиталистическом мире. Это открытие сделал Гильфердинг.

«Послевоенная Германия остается одним из сильнейших центров экономической энергии. В военном отношении она, однако, лишилась власти (*entmachtet*), и поэтому ее капиталистический класс чувствует, может быть, сильнее всякого другого класса необходимость посредством экономической общности интересов непосредственно уладить капиталистические столкновения интересов. Поэтому паневропейские идеологии или предложения создать «европейский таможенный союз» именно в германских промышленных кругах привлекают к себе сильное внимание, и поэтому уже много говорят о «капиталистическом пацифизме» («*Die Gesellschaft*», 1926, № 5, S. 388).

Капиталистический пацифизм довольно своеобразно проявляется в описанной уже новой немецкой покровительственной и торговой политике, а также в остром конфликте между Германией и Польшей, который уже на партейтаге в Гейдельберге был назван социал-демократами империалистическим.

Но и новое немецкое трестирование не представляет теперь империалистической основы в противоположность к прежнему взгляду Гильфердинга, изложенному в его «Финансовом капитале». Германская социал-демократия даже в восторге от этого процесса трестирования. Как представитель социал-демократической фракции, Гильфердинг заявил в рейхстаге:

«Министр заявил, что он был осведомлен о возникновении этого договора (железного картеля, *Р. З.*). Мы сожалеем, что он не может сказать того же о ходе вещей в химической промышленности... Международная организация хозяйства, без сомнения, является большим прогрессом, и те, которые ее проводят, являются марксистами действия». (Взято из «*Vorwärts'a*», 23/XI 1926.)

Однако эти марксисты действия приобретают себе особые заслуги и пред рабочим классом. Они являются благодетелями для пролетариата. Если прежде и для социал-демократии монопольное развитие было равносильно усиленной эксплуатации и реакции, то современные социал-демократы, и во главе их ренегат Гильфердинг, переворачивают дело вверх ногами. Монополизация и трестирование в настоящее время обозначают нечто совершенно другое.

«Бездеятельность капиталистических производственных отношений (посредством дальнейшего трестирования, *Р. З.*) уменьшилась бы, кризисы или, по крайней мере, их действие на

рабочий класс смягчились бы... В таком иерархически организованном народном хозяйстве условия труда также изменятся. Они приобретают более постоянный характер, безработица становится менее угрожающей, ее последствия смягчаются посредством страхования («Die Gesellschaft», 1924, Heft I, S. 2). *

Практика последних трех лет дает возможность испытать правильность этой теории рядом с растущей безработицей, с удлинением рабочего времени и со стремлениями посредством страхования сократить поддержку безработных. Продажность социал-демократической теории таким образом совершенно очевидна.

Логическим последствием этого перехода социал-демократии в лагерь немецких империалистов является полное согласие с политикой, которую с некоторого времени ведет немецкий финансовый капитал, при чем социал-демократия похвάζεται тем, что она является ее творцом**.

В некоторых заседаниях рейхстага Штреземану указывали, что по отношению к внешней политике он ведет только политику социал-демократии, и даже когда при основании буржуазного блока раздавались робкие вопросы о внешней политике, Штреземан в своем объяснении в заседании рейхстага 17 декабря 1926 г. определенно ссылался на доводы социал-демократического оратора Германа Мюллера. Последний заявил, что он чрезвычайно рад, что позиция Штреземана так тверда и непоколебима, вопреки его товарищам по правительству из немецкой национальной партии, и он желал бы, чтобы это состояние продолжало оставаться таковым. (См. речь Штреземана 17 декабря

---

* До войны Гильфердинг следующим образом характеризовал представляемую им в 1924 г. точку зрения:

«Но если ожидают уничтожения кризисов от единичных, отдельных картелей, это свидетельствует лишь о непонимании как действительных причин кризисов, так и общей связи капиталистической системы». («Финансовый капитал»).

Мы, во всяком случае, думаем, что здесь у Гильфердинга дело не только в недостатке понимания, но и в теоретической и политической коррупции.

** На Люксембургской конференции бельгийской, французской, английской и немецкой социал-демократии была принята резолюция, в которой говорится: «Локарнский договор заимствован из протокола социалистического съезда в Берлине в апреле 1923 г.». После того сама буржуазная пресса и секретарь министра иностранных дел, д-р Шуберт, признали, что в Локарнском договоре содержатся военные решения против Советской России. — эта солидаризация социал-демократии с локарнской политикой чрезвычайно важна.

Но и план Дауэса в значительной степени был предreshен планом социал-демократии на конференции пяти государств во Фрэнкфурте. Вступление Германии в Лигу Наций точно также произошло под сильным влиянием съезда II Интернационала в Марселе. Мы видим здесь, таким образом, что II Интернационал берет на себя полную ответственность за происходящие в Лиге Наций империалистические договоры.

1926.) На конгрессе французской социал-демократической партии в апреле 1927 г. Брейтшейд, делегат центрального комитета немецкой партии, заявил:

«Социалистическая оппозиция в Германии не может быть уже такой, какой она была до войны. Она в настоящее время в состоянии защищать внешнюю политику Штреземана, потому что на самом деле эта политика является ее собственной политикой».

Этим самым немецкая социал-демократия в лице известнейшего ее представителя признала внешнюю политику нового немецкого империализма своей политикой. Здесь, таким образом, мы видим пикантный случай, что политика реалистического пацифизма — так Гильфердинг называет внешнюю политику немецкой социал-демократии — проводится совершенно не пацифистским членом немецкой национальной и членами немецкой народной партии, вместе с немецкой социал-демократией безо всякого спора. Брейтшейд, творец социал-демократической внешней политики, а тем самым и всей международной внешней политики, довольно неосторожен и раскрывает империалистический характер внешней политики. Свою критику того, что достигнуто до сих пор в области внешней политики, он направляет против следующего факта:

«Прежде всего, еще не достигнуто полное равноправие Германии с победоносными военными противниками. И огромная разница между германским вооружением и вооружением ее соседей... все еще остается в силе» («Die Gesellschaft», 1925, № 12, S 502).

Итак, Брейтшейд жалуется только на то, что Германию не поставили на одну доску с империалистическими державами-победительницами. Социал-демократия полагает, что следует добиваться равноправия Германии и в военном отношении. Эту же цель преследуют и германские националисты и фашисты. Поэтому некоторые социал-демократы делают отсюда соответствующие выводы и переходят прямо к фашистам (так, например, «старые социалисты», фирнская группа и т. д.)

Конечно, социал-демократия при такой позиции не может быть противницей немецкого рейхсвера. Не говоря о том, что она является матерью современного рейхсвера, который есть не что иное, как собственное ее детище еще со времен Носке, она питает к рейхсверу еще ту же самую привязанность, несмотря на то, что он в настоящее время является империалистическим орудием финансового капитала также и с внешней стороны. Во время обсуждения бюджета рейхсвера и морского бюджета социал-демократия отвергла его не по принципиальным соображениям, а она голосовала против него потому, что не было принято ее предложение о сокращении на 93 миллиона общей суммы в 700 миллионов. Таким образом немецкая социал-демократия была готова поддержать бюджет рейхсвера и флота, если бы

он составлял 604 миллиона вместо 697 миллионов. (См. «Vorwärts», 3 марта 1927 г.)

Позиция немецкой социал-демократии по отношению к специально немецкой колониальной проблеме, как она в последнее время опять была поставлена агитацией буржуазии, соответствует указанному уже отношению к колониальной политике вообще. В августе 1925 г. основано было в рейхстаге интерфракционное колониальное объединение с целью колониальной деятельности Германии. В это объединение был делегирован от партии социал-демократический депутат Квессель (Квессель известен своей проимпериалистической позицией, он принадлежит к кругу, группирующемуся около «Sozialistische Monatshefte», следовательно, к самому правому крылу социал-демократии). Конечно, Носке также принимал живое участие в возобновлении колониальной пропаганды. Мы видим его в числе сотрудников «Koloniale Rundschau», основанного заинтересованным в колониях капиталом. Уже в апреле 1924 г. он в качестве пионера новой колониальной пропаганды защищал следующие «социалистические точки зрения»:

«Я надеюсь, что недалек уже тот день, когда наш народ, наравне с другими нациями, будет применять свои знания и умение в колониальных странах на благо человечества... Социал-демократия не была другом колониальной политики, но за протекшие 40 лет с улучшением колониальных методов увеличился интерес к колониям, позиция партии радикальным образом изменилась».

А в 1927 г. перед своей научной поездкой в Индию Носке еще раз заявляет в том же самом журнале:

«Ни один социал-демократ, который интересовался колониальными вопросами, не отказался бы добровольно от колоний».

Если мы вообще и не верим Носке, то в этом отношении мы охотно верим ему. Конечно, столь известные «Sozialistische Monatshefte» ни в чем не отстают от Носке. В 1925 г. на стр. 751 они пишут:

«Истинный социалист, для которого капитализм есть необходимая переходная степень хозяйства к высшей ступени, поэтому должен признать все, что фактически было сделано в колониальной политике».

Таковы причины расположения немецкой социал-демократии к колониям. Но эта продажная политика дает, конечно, еще другие цветы. В «Gewerkschaftsarchiv» велись в 1925 и 1926 гг. довольно оживленные дебаты по колониальному вопросу. Некий д-р К. Мюллер договорился до следующих принципов по поводу колонизаторской деятельности немецких эмигрантов в колониях:

«Не следует скрывать от него (немецкого эмигранта), что мы, белые, являемся господствующей расой и что вся наша культура основана на этом господствующем положении в мире и что необходимо приобретать все больше почвы для будущего расселения нашей родной расы...»

Такие национально-социалистические заявления с ясным изображением фашистского знака (Hakenkreuz) мы встречаем в социал-демократических профессиональных органах! И оппоненты против этой теории возражают либо только с той точки зрения, как, например, д-р Браунваль в том же журнале, что новая немецкая колониальная политика слишком дорога, или, с другой стороны, как другой оппонент, социал-демократ Кноль, более склоняющийся к внутренней колонизации и поэтому заявляющий:

«Против идеи колонизации с профессиональной точки зрения трудно что-нибудь возразить» («Die Arbeit», Jahrgang 3, Heft 8). *

Настоящая социал-демократическая знать пытается оправдать свою проколониальную позицию указанием на новейшие завоевания, а именно на мандатную систему Лиги Наций, для улучшения положения колоний, так как они требуют не колоний, а предоставления мандатов Лиги Наций.

Но есть вопросы, в которых немецкая социал-демократия еще более определено империалистически настроена, чем сама буржуазия. Если отношение к СССР для немецкой буржуазии является решающим фактором при попытке проведения в жизнь немецкого империализма, который нельзя так быстро выпустить из рук, принимая слишком поспешные решения, то Союз советских республик представляет для социал-демократии самого опасного врага. Практически это означает, что социал-демократия должна направить свои усилия на то, чтобы целиком привлечь немецкое правительство и немецкий рабочий класс в английский лагерь. Совершенно не случайно Каутский в своей брошюре «Интернационал и Советская Россия» хочет ввести в практику II Интернационала поддержку интервенции и всякой белогвардейской контр-революции, которую Англия уже однажды практиковала.¹⁶ Затем не случайно также во время заключения так называемого Берлинского договора 1926 г. немецкая социал-демократия заняла следующую позицию:

«Германско-русский договор должен в случае войны России с каким-нибудь из других государств гарантировать нейтралитет. Но этим Германия отрицает одно из существеннейших обязательств Лиги Наций, так как самое существование или несуществование Лиги Наций основано на признании § 16... Поэтому, если относиться серьезно к вопросу о мире в Европе, то следует своевременно помешать тому, чтобы было организовано покушение на Лигу Наций (т. е. германско-русский до-

---

* Мы считаем нужным напомнить, что уже на Штутгартском конгрессе 1907 г. оставшееся тогда в меньшинстве ревизионистское крыло заняло такую позицию. Но мы в то же самое время считаем нужным также напомнить, что тогдашние вожди социал-демократии, например, Каутский, еще стояли на строго антиколониальной точке зрения.

говор Р. З.». (Штрёбель, в «Chemnitzer Volksstimme», April 1926.)

Эта позиция означает, во-первых, открытое заявление, что Лига Наций может продолжать существовать впредь только на основе будущего разрыва с Советской Россией, во-вторых, что мир в социал-демократическом смысле означает войну с Советской Россией и, в-третьих, что немецкая социал-демократия буквально стоит на той же точке зрения, на которой стояли английские консерваторы. Однако социал-демократия идет даже дальше Чемберлена. 19 января 1927 г. «Vorwärts» писал следующее в поддержку кампании против Советов:

«Немецкая буржуазия, конечно, не тронется с места, хотя установлено, что именно большевизм, который она вообще считает своим смертельным врагом, на этом пути снабжен всеми средствами всей новейшей военной техники... И пусть немецкие мелкие и крупные буржуа не жалуется... если в один прекрасный день взорвавшиеся летательные снаряды направят против них же самих большевистские ядовитые газы».

Это только доказывает, что немецкая социал-демократия думает, что она лучше, чем сама немецкая буржуазия, может защищать интересы последней. Таким образом она считает нужным еще более враждебно относиться к Советской России, чем это делала до сих пор сама буржуазия.

Можно было бы привести еще целую массу подобных цитат. Но уже на основании этих нескольких цитат можно утверждать, что немецкая социал-демократия заняла самое крайнее крыло империализма.

Но рядом с этими взглядами есть еще другие взгляды правого крыла в самой социал-демократии. Это правое крыло (довольно комично говорить о правом крыле в социал-демократии) группируется вокруг «Sozialistische Monatshefte» и таких типов, как Кон-Рейсс, Квессель, Кампфмейер и другие, которые поднялись до ступени оплачиваемых предпринимателей социал-демократов, как Никиш, Шритт, Эберт-Юниор и др. Эти группы открыто выступают за империалистический курс, стоят открыто, без всяких оговорок, на той точке зрения, что Германия должна иметь колонии и сильную оборонительную силу. В этой группе сильна еще традиция Кунова, который, считая империализм необходимым этапом капитализма, считал борьбу против него бессмысленной и одобрял империализм, как всякое историческое явление. Практически не существует, таким образом, различия с официальной теорией социал-демократии; теоретически различие состоит в более открытом высказывании того, что другие хотят скрыть от рабочего класса.

О так называемой левой группировке вокруг людей, как Леви или Лепинский, не стоит говорить, о них достаточно только упомянуть. Эта центристская группировка сильно выделялась своей ненавистью к Советской России, к Коммунистиче-

скому Интернационалу и своим постоянным компромиссом с правыми вождями. Этот центризм вообще только ставит себе целью удерживать развитие стремления оппозиционных элементов среди рабочих от их присоединения к действительно левому движению. На самом деле действительно существует такая оппозиция, такой слой среди рабочих элементов, который действительно борется против реформистской теории и практики. Сравнивая политику в современной Германии с политикой 1914 г., они открыто заявляют, что политика современной социал-демократии является поддержкой современного империализма. Еще яснее выражается затем это течение в очень слабой группировке вокруг движения единства и отчасти в группировке вокруг коммунистической политики в отдельных требованиях.

Как ни ничтожно еще в настоящее время фактическое влияние этого оппозиционного течения, однако несомненно, что на основе вышеуказанных экономических, политических и социальных конфликтов, которые несет с собой немецкий империализм, эта определенная оппозиция должна выработаться в более солидную величину. И, пожалуй, было бы совершенно правильно допустить, что революционной оппозиции в социал-демократии незачем идти окольным путем через прогнивший центр вокруг Леви и Лепинского. Противоречия, которые все сильнее вызывает новый немецкий империализм, должны с такой же силой развиваться на основе проимпериалистической позиции социал-демократии и реформистов также и в рядах социал-демократии. Прокапиталистическая и проимпериалистическая позиция их должна вступить в неразрешимое противоречие с пролетарской основой партии.

V. ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЮ.

A. Военная опасность.

Приведенные уже цифры о вооружениях главных держав, чрезвычайно напряженное международное положение, проявляющееся в интервенции в Китае, в созданном Англией дипломатическом кольце вокруг Советского Союза, в остром открытом враждебном отношении Англии к Советской России, в балканском конфликте при вмешательстве Италии и Франции, — все эти моменты служат доказательством чрезвычайно сильной военной опасности. К этому теперь надо еще прибавить стремление нового немецкого империализма к господству, которое, как уже было указано, должно при своем проведении вызвать целую массу конфликтов и значительно обострить существующие уже конфликты. И если до нового подъема немецкого империализма при известных условиях еще существовала возможность неимпериалистической войны Германии, то теперь нет уже даже этой ограниченной возможности. Каждая война, которую будет теперь вести немецкий капитал, или в которой он в какой-либо форме примет участие, должна поэтому неизбежно быть империалистической хищнической войной.

Этот факт означает, что для немецкого пролетариата, как и для пролетариата всех других империалистических стран, теперь существует только один лозунг в случае войны, т. е.: превращение империалистической войны в гражданскую войну. Лозунг же для предотвращения возникновения войны может заключаться в следующем: всеми имеющимися в распоряжении средствами, вплоть до генеральной стачки, помешать войне. (Оба лозунга в упомянутом уже исключительном случае, когда Германия не вела бы империалистической войны, должны были бы испытать известные изменения.)

На практике для немецкого пролетариата существуют три рода военных опасностей: 1) участие Германии в войне между империалистическими державами, 2) участие в интервенции в Китае, 3) участие в борьбе против СССР на стороне империалистических противников.

Однако эти различные военные опасности имеют не одинаковую ценность. Из общего положения мировой политики и из особого положения Германии — как было уже указано — в связи с событиями в Пекине, Лондоне и Варшаве третья военная опасность является самой близкой и самой острой. Во всяком случае, не следует совершенно упускать из виду обе другие опасности, а также «мирное» пока участие немецкого капитала в интервенции в Китае снабжением китайской контр-революции оружием.

Широкие массы должны больше всего уделить внимания военной опасности по отношению к СССР в особенности потому, что методы, которые международная буржуазия будет применять для приготовления этой войны, будут совершенно новыми методами, не применявшимися даже в 1914 г. Так как весь аппарат общественного мнения, за весьма небольшими исключениями, находится в руках буржуазии, то подготавливаемая уже теперь травля будет вестись под такими лозунгами, как, например, защита европейской цивилизации от азиатского большевизма посредством ложных сообщений о «нищенском положении русских рабочих и крестьян». Поэтому необходимо уже теперь не только указывать на чрезвычайно широко развитый поход лжи, который может еще развиваться до совершенно небывалых размеров, но необходимо также разоблачать этот поход лжи, как прямую подготовку к войне. Что это не разумеется само собой, доказывает тот факт, что, например, в Англии оказалось возможным удержать широкие массы, в том числе значительную часть членов Рабочей партии, от протеста против посылки английских войск в Китай под предлогом защиты жизни и имущества британских граждан от нападений китайской «черни». Точно также характерно, что английский капитал вел целую кампанию лжи для оправдания разрыва отношений между Англией и Союзом ССР, и эта ложь проникла глубоко в ряды английской Рабочей партии, а также распространилась и в ряды немецкой социал-демократической партии.

Таким образом, вопрос о том, какую роль будет фактически играть II Интернационал и особенно немецкая социал-демократия в такой грядущей войне между империалистическими державами, а также против Советского Союза, приобретает чрезвычайно важное значение.

В. II Интернационал и империалистическая война.

Если вышеупомянутые факты при обсуждении фактической готовности II Интернационала бороться против войны очень подозрительны, — одной из важнейших предпосылок этой борьбы является именно разоблачение идеологической подготовки к войне посредством ложных сообщений, — то это подозрение значительно усиливается еще предыдущим анализом отношения

II Интернационала к империализму вообще, уверенностью в неспособности II Интернационала бороться против войны. Одним из важнейших критериев действительно серьезной борьбы против империалистической войны является прямая, ясная марксистская теория о сущности империализма. Но здесь II Интернационал в значительной мере приспособился к точке зрения капиталистических кругов. К этому присоединяется еще участие II Интернационала в подготовке войны против Советского Союза посредством распространения ложных сведений о Советском Союзе. В этом отношении II Интернационал превосходит даже империалистов и может быть поставлен на одну доску с белогвардейскими элементами русской эмиграции.

Но в конечном счете роль II Интернационала в будущих войнах раскрывается из самой его позиции по отношению к империалистической войне. Отношение II Интернационала к самой войне можно вкратце резюмировать следующим образом:

1) При войне между империалистическими державами постановления II Интернационала таковы, что они даже делают действительную борьбу против такой войны заранее невозможной.

2) Эти постановления доказывают, что отдельные секции II Интернационала имеют полную возможность, совершенно так же как в 1914 г., «защищать свое собственное отечество».

3) Всякая интервенция в Китае до сих пор оправдывалась и впредь будет допускаться указанием на то, что при этой интервенции речь идет только о защите «законных интересов» и охране жизни европейцев.

4) Война против СССР открыто готовится вождями социал-демократии, и открытое участие в такой войне, в случае ее возникновения, могло бы перейти только в более скрытую форму участия, благодаря симпатиям социал-демократических масс к СССР в некоторых важнейших странах, как, например, в Германии, Франции и Англии.

Для доказательства верности этих утверждений мы укажем на следующую позицию II Интернационала и известных его руководителей: французский социалист Блюм, который далеко еще не принадлежит к самому правому крылу, говорил на последнем всемирном конгрессе II Интернационала в Марселе:

«Я не согласен с тем, что в свое время постановил конгрессе в Штутгарте. Я не хочу вотировать резолюцию и не хочу спрашивать, какими революционными средствами располагает Интернационал перед возникновением войны или когда она уже началась. Он может принимать революционные меры, но такие революционные меры не организуются решениями конгрессов». (Протокол II Конгресса социалистического рабочего интернационального конгресса в Марселе, стр. 275.)

Боязнь штутгартских резолюций принимает здесь довольно комические формы, потому что совершенно ясно, что социа-

листы никогда не смоят с себя позора измены этим резолюциям во время мировой войны. Отказ от этих резолюций, как решительных мер против войны, равносильен, таким образом, заявлению, что социалистический Интернационал намерен и впредь изменять этим резолюциям. * Кроме того, это показывает, что, хотя резолюционные меры случайно и могут быть приняты, однако на конгрессе не следует принимать об этом резолюций, а кроме того доказывается также, что в конечном счете резолюции эти будут похоронены. Более того, руководители II Интернационала настолько испорчены легальными парламентскими методами борьбы, что вообще более не понимают, что значит принимать революционные меры в случае военной опасности и в случае войны, что подобные меры могут быть приняты и с успехом применяться только после многих лет тяжелого труда на почве самой решительной защиты интересов широких масс, а также и для организации, необходимой для революционной борьбы нелегальной работы. Впрочем, было бы даже смешно подумать, что II Интернационал, который принимал активное участие в военных приготовлениях и даже в ведении войны империалистических держав, мог бы изменять революционные меры против таких войн. **

---

* Штутгартская (1907) резолюция говорила:

«Если угрожает наступление войны, то в соответствующих странах рабочие и их представители в парламенте обязаны употребить все средства, которые при обострении классовой борьбы и общего политического положения естественно изменяются и усиливаются, чтобы помешать наступлению войны.

«Но если бы все же война вспыхнула, они обязаны настаивать на скором ее окончании и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народа и таким образом ускорить уничтожение капиталистического классового господства». (Подчеркнуто нами.)

Базельский конгресс 1912 г. прибавил еще к этим резолюциям:

«Правительства не должны забывать, что при данном состоянии Европы и настроении рабочего класса они не без опасности для самих себя могут разнуздать войну. Они должны вспомнить, что франко-прусская война имела результатом революционное наступление Парижской Коммуны, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российского государства, что военные и морские вооружения несканзано обострили классовые конфликты в Англии и на континенте и вызвали колоссальные забастовки».

Понятно, что II Интернационалу не особенно приятно, чтобы ему напомнили о подобных обязательствах.

** О боязни и непонимании необходимости также и других форм борьбы, кроме парламентских, писал Ленин:

«Люди развращены и оуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже понять мысли о необходимости других организаций, нелегальных, для руководства революционной борьбой».

И несколькими строками ниже Ленин затем продолжает: «Сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень — бери его, умей организоваться для того, чтобы бить им своих врагов... Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки великолепное ружье и вели-

Фактически вышеприведенная цитата не означает ничего другого, кроме отступления II Интернационала к чисто парламентским мерам. Это утверждение поддерживается тем, что парижская конференция II Интернационала в начале 1927 г. по поводу обострившихся международных противоречий и угрожающей военной опасности выпустила следующую прокламацию к социалистическим партиям:

«Социалисты призываются по возможности принудить все демократические правительства потребовать от Лиги Наций, чтобы она точно также протестовала против этой военной опасности».

Это, с позволения сказать, высшая ступень цинизма. Так как, в конце концов, всякий теперь знает, что Лига Наций главным образом основана теми государствами и абсолютно руководится теми империалистическими державами, которые именно и являются главными виновниками этой военной опасности.

Но II Интернационал идет еще дальше. На упомянутом уже всемирном конгрессе в Марселе тот же самый социалист Блюм заявляет:

«Но если предстоит действительное нарушение мира, если имеется в виду действительное нападение какого-нибудь государства на другое... тогда, во всяком случае, не должно быть никаких препятствий для защиты подвергшегося нападению и для поддержки, которую должны оказать потерпевшему все члены Лиги Наций». (Протокол... стр. 272.)

В этой короткой цитате сразу содержится целый ряд несостоятельных взглядов. Так, этот социалист, который играет руководящую роль во французской социалистической партии, еще теперь, после крушения II Интернационала в 1914 г., осмеливается на основании шовинистической формулы оборонительной войны, в век империализма провозглашать лозунг оборонительной войны для тех же империалистических государств. Этой формулой оборонительной борьбы, само собой разумеется, дана другая формула: защита империалистического отечества. Этим самым II Интернационал заранее лишает себя возможности вести борьбу против империализма и против империалистической войны.

Затем совершенно чудовишно в этой цитате провозглашение Лиги Наций великим третейским судьей в вопросе о нападающей стороне. Уже мировая война 1914 г. показала всему миру, что с империалистической точки зрения всегда другой

колепную... оборудованную скорострельную пушку — бери эти орудия смерти... готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии». (Л е н и н, «Против течения», стр. 172 — 173.) — Понятно, что социал-демократическим министрам капиталистических правительств такие речи не особенно приятны.

является нападающей стороной. Во всяком случае, с пролетарской точки зрения всякое империалистическое государство, принимающее участие в войне, является государством, нападающим с целью грабежа, независимо от того, была ли ему объявлена война, или же оно формально само объявило войну. Во-вторых, пора уже знать, что Лига Наций является империалистическим орудием нескольких великих держав. Предоставлять ей решение о том, кто является нападающей стороной, значит, заранее предоставить привилегию английскому или французскому империализму.

Точка зрения этого социалиста Блюма не есть его исключительная точка зрения. Известный социалист Дейтч писал в своей брошюре «Wehrmacht und Sozialdemocratie» следующее:

«Когда в решительные августовские дни 1914 г. социалистические партии во Франции и Германии стали на сторону своих правительств, они только подтвердили то, что они раньше объявили уже в своей программе» (стр. 14).

Эта брошюра появилась в издании Дитца в 1927 г. В этой же брошюре этот старый социалист продолжает:

«Если, однако, несмотря на это вспыхнет война, то рабочие партии именно потому, что они стали слишком сильными факторами власти в государстве, будут иметь возможность еще более веско сказать «нет», чем в начале мировой войны... Войны -- явление историческое. Мы надеемся, что настанет время, когда они больше не будут таким явлением... Но пока этого еще нет, социал-демократические партии будут вынуждены мириться с войнами, как с отвратительным, но, к сожалению, при известных условиях, неотвратимым несчастьем».

Здесь автор говорит совершенно то же самое, что прежде в Марселе заявил социалист Блюм: участие социалистов в империалистической войне на стороне империалистической буржуазии.

А насколько эта точка зрения является преобладающей во II Интернационале, выдает нам социал-демократ Штрёбель:

«До сих пор социализм, социалистический Интернационал еще не в состоянии был помешать войне, и ни один честный социалист не станет утверждать, что идея международной пролетарской солидарности в настоящее время является более сильной защитой против войны, чем в 1914 г. Ведь национальная идея играет в некоторых социалистических кругах гораздо более сильную роль, чем когда-либо».

Мы думаем, что Штрёбель прежде всех может судить об этом факте. И мы вполне согласны с ним в его взгляде, что II Интернационал теперь более чем когда-либо является орудием каждой империалистической буржуазии.

Хотя II Интернационал на марсельском конгрессе и провоз-

гласил борьбу против войны империалистических держав против Советского Союза, однако уже в Марселе, а затем на заседании Исполнительного Комитета II Интернационала в Париже он ограничил без того неискреннюю фразу, прямо уничтожил ее, заявив, что фашизм и связанная с ним военная опасность могли бы быть побеждены лишь в том случае, если бы в то же самое время велась борьба против другого источника военной опасности, против большевизма Советского Союза. Так как так называемая английская демократия очень мало отличается от фашизма и в настоящее время является не чем иным как диктатурой фашистских консервативных кругов английского капитала, то это только доказывает, что социал-демократия в борьбе против большевизма нашла себе естественного союзника в лице английских консерваторов посредством их борьбы против СССР. Второй Интернационал косвенным образом признает, таким образом, то, что мы давно уже утверждали и доказывали.

Но наибольшим озлоблением в своей ненависти к Советскому Союзу отличается немецкая социал-демократия. Она не только ведет здесь политику Англии, но она ведет в слишком сильной даже для немецкой буржуазии степени политику развивающегося немецкого империализма. В связи с обменом нотами между Англией и Советским Союзом в начале 1927 г. «социал-демократическое Бюро печати» распространяло следующее мнение о ноте Чемберлена: что нота эта является «последним, вполне обоснованным предупреждением Советской России». И то же самое Бюро печати затем ставит вопрос: «Можно ли искренно осуждать эту точку зрения Чемберлена?» И на этот вопрос оно отвечает отрицательно. То же самое Бюро печати затем следующим образом одобряет борьбу Чемберлена:

«Мы, социал-демократы, всегда стояли на этой точке зрения (точка зрения Чемберлена) в нашей собственной борьбе против разрушительной большевистской работы в интернациональном рабочем движении, и было бы и нелогично, и неискренне, если бы мы притерпелись другой точки зрения по поводу жалобы Чемберлена».

Этим немецкая социал-демократия уже заранее оправдала разрыв сношений с Советским Союзом, темные махинации английского капитала, которые привели к убийству советского представителя в Варшаве, и к целому ряду других попыток покушений, оплачиваемых английскими белогвардейцами.

Здесь фразы о желании вести борьбу против войны с Советским Союзом уже не являются цинизмом. Это просто глупость.

Мы уже прежде в достаточной мере подчеркнули, как II Интернационал реагировал на интервенцию в Китае.

На основании этих данных можно совершенно не придавать

значения сохранившемуся в программе еще от старых времен требованию амстердамского Интернационала профессиональных союзов ответить генеральной стачкой на объявление войны. Эта простая игра словами «генеральная стачка» не имеет другой цели, кроме введения в заблуждение по поводу открытого перехода II Интернационала и амстердамцев в лагерь империалистов. Но и эти маневры не носят серьезного характера.

С. Революционная борьба, направленная против военной опасности и войны.

Действительная борьба против существующей военной опасности в настоящее время при данных условиях не может вестись ни под лозунгом империалистической защиты отечества, ни под лозунгом Лиги Наций, ни под лозунгом так называемой демократии; она может вестись исключительно и единственно под лозунгом защиты китайской и русской революции. При войне между империалистическими державами, которая, как мы уже прежде указывали, не должна носить такого обостренного характера, как война с Китаем и с Советским Союзом, борьба перед началом войны могла бы повести к предотвращению ее под широким лозунгом «борьбы за мир». Если же эта война все же стала бы уже фактом, то она могла бы только вестись под лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую войну.

Но под голыми лозунгами может скрываться очень многое, и сами лозунги эти ничего не стоят, если они не сопровождаются революционной, т.-е. широкой массовой борьбой, вплоть до широких внепарламентских массовых действий и стачек. В этом критерий искренней борьбы против военной опасности, в этом решительная разница между нами и реформистами и пацифистами, которые также говорят о случайном участии масс. Однако даже и это расширение борьбы никогда не должно быть самоцелью, оно всегда должно иметь в виду конечную цель — или крушение господствующего класса, или, если война стала уже фактом, ниспровержение господствующего класса посредством превращения империалистической войны в гражданскую войну против буржуазии.

Мы, конечно, должны понимать, что при войнах между империалистическими государствами в особенности, а может быть даже при империалистической войне против Советского Союза, в известных условиях может оказаться чрезвычайно трудным помешать такими массовыми движениями наступлению войны, или ответить на нее массовыми движениями, вплоть до генеральной стачки. До сих пор мы напрасно стали бы искать в истории революционного рабочего движения такого примера, где бы нам удалось посредством генеральной стачки помешать войне. Однако мы не должны легкомысленно впадать в противо-

положную ошибку и заранее отрицать возможность применения такого орудия борьбы, как генеральная стачка в момент начала войны. Чтобы обладать какой-нибудь силой, наша общая работа перед возникновением войны должна быть направлена к этой цели; а также и к конечной цели: к ниспровержению капиталистического господства.

Ибо совершенно ясно, что массовые действия без этой цели никогда не могут быть ничем иным, кроме парламентских массовых действий, которые никогда не могут внушать страха буржуазии в момент ее боевой готовности, т. е. в момент, когда она сильнее всего вооружена. Именно по этой причине разговоры реформистов и пацифистов так губельны, потому что они заранее отказываются от этой цели, а вместе с этим от тех революционных выводов, которые только и придают массовым действиям серьезное значение. Ленин в своих замечаниях о задачах гаагской делегации по поводу легкомысленного употребления реформистами формы генеральной стачки говорил, что: «... после происшедшей недавно войны только самые глупые и безнадежно изолгавшиеся люди могут думать, что подобный ответ на вопрос о борьбе против войны может иметь какую-нибудь пользу».

Такую же опасную иллюзию мы находим и в положении, что отказ от военной службы, индивидуальная стачка и т. д. могут стать средством борьбы против войны. По этому поводу Ленин также писал в апреле 1917 г.:

«Мы не анархисты, мы не думаем, что война может быть закончена простым «отказом от службы», «отказом» отдельных лиц, групп или масс. Мы стоим за то, что войне должен и будет положен конец посредством революции... т. е. посредством завоевания государственной власти... пролетариями и полупролетариями».

Но есть еще одна иллюзия, которая пустила глубокие корни даже в рядах революционеров. Она заключается в том мнении, будто борьба против войны не является чрезвычайно тяжелым и упорным трудом, будто в данный момент может быть провозглашена генеральная стачка и объявлена гражданская война. Слишком легко забывают, что центр тяжести лежит именно в подготовке, в организации генеральной стачки и гражданской войны. В упомянутых уже задачах гаагской делегации Ленин 4 декабря 1922 г. писал:

«... По вопросу о борьбе с военной опасностью... я думаю, что самая большая трудность заключается в победе над тем предрассудком, что это простой, ясный и сравнительно легкий вопрос». (Ленин, т. 22, 2-е русское изд.)

Для борьбы против войн и военной опасности все революционеры, а в особенности коммунисты, должны вести постоянный и упорный труд в следующем направлении:

1. Они должны раскрывать особую роль, которую играет

новый немецкий империализм при военной опасности, а также раскрывать махинации других империалистических государств, чтобы вызвать новые войны.

2. Постоянно указывать на то, что опасность империалистической войны против Советского Союза особенно обострилась в настоящее время.

3. На основе марксистского анализа при каждом случае устно и письменно указывать конкретное состояние военной опасности, чтобы рядом с каждым указанием на то, как далеко уже развилась опасность, в связи с ясной перспективой иметь возможность привести конкретные доказательства верности этой перспективы.

4. Вести энергичную борьбу против фашизма, как государственной власти, а также и против более скрытого фашизма финансового капитала, который выражен, например, в Стальном шлеме и других организациях.

5. Вести энергичную борьбу также и против новых методов немецкого финансового капитала, все больше «американизовать» рабочих, т. е. посредством промышленных союзов и других предпринимательских учреждений сделать рабочих индифферентными, аполитичными.

6. Вести острую борьбу против сознательного маневра II Интернационала скрыть угрозу военной опасности.

7. Дать непосредственный резкий ответ на лживые измышления, в особенности измышления II Интернационала против Советского Союза, не представляющие собой ничего другого, кроме идеологической подготовки грядущей войны.

8. Дать объяснение причин, почему во время войны безусловно неизбежно предательство социал-демократов, пацифистов и демократов, несмотря на их лицемерные выступления против войны. Указывать на все неправильные и грубо-империалистические основы теории II Интернационала. Разоблачать роль тех оппозиционных течений в социал-демократии, которые до сих пор остаются в рядах социал-демократии и будут там и впредь оставаться (например, группа Леви, саксонская оппозиция и т. д.).

9. Постоянно изображать ужасы последней мировой войны и еще гораздо большие ужасы грядущей войны, в особенности рабочей молодежи, которая активно не участвовала в последней мировой войне.

10. Чрезвычайно широко применять тактику единого фронта для организации беспартийных, а также социал-демократических и мелкобуржуазных масс против войны.

11. Организовать эти враждебно относящиеся к войне массы в комитеты действия или другие организационные формы, как, например, в «Лигу против угнетения колоний» и т. д.

12. Проводить сильную дисциплину во всех тех организациях, которые могут играть активную роль в борьбе против

войны, например, в союзе красных фронтовиков, красной помощи и т. д.

13. Вести специальную работу в особенно важных, в случае войны, профессиях, особенно важных трестах и производствах. Создавать фракции и ячейки с совершенно исключительной активностью, концентрировать работу также в особенно важных для войны отраслях промышленности.

14. Вести пропаганду и готовить частичные забастовки в особенно важных трестах и производствах и направлять эти подготовительные работы на расширение этого движения до генеральной стачки.

15. Уделять особое внимание нелегальной работе и нелегальной организации, без которых, в случае войны, не может быть никакой решительной работы против войны.

16. Вести работу в войсках, во флоте, среди полицейских, даже при особенно тяжелых условиях в Германии. Работа должна вестись таким образом, чтобы пароль братания в каждый данный момент мог стать паролем действия. При этом, конечно, надо иметь в виду, что при борьбе против Советского Союза этот пароль братания должен стать в известный момент паролем перехода на сторону революционных войск.

Однако мы должны ясно отдавать себе отчет, что минимальные задачи действительной борьбы с военной опасностью лишь тогда могут иметь какой-нибудь успех, если они связаны с борьбой за повседневные требования широких масс, с экономическими и политическими требованиями, в связи с ясной революционной тактикой и теорией. Только посредством этого участия в повседневной борьбе с ясной революционной позицией можно завоевать широкие массы, можно оказать революционное влияние в профессиональных организациях и охватить широкие беспартийные организации этим революционным течением. Указанные задачи борьбы против войны должны всегда составлять только часть задач борьбы за завоевание самих масс и организационного объединения этого революционного завоевания широких масс.

Но этот круг задач тотчас же ставит вопрос и дает на него ответ, кто должен и может вести такую борьбу.

Уже с начала 1914 г. выяснилось, что такие задачи могут быть выполнены только коммунистами. В 1914 г. такую борьбу несомненно вел в Германии, например, Союз Спартака, а в России и вне России борьбу эту вели большевики. Эта борьба дала свои плоды в 1917 и 1918 гг. Точно также борьба против империалистической войны даже после Февральской революции велась большевиками против социалиста Керенского. За этим следует борьба коммунистов и сочувствующих им масс против интервенции в СССР, борьба против Версальского мир-

ного договора, подписанного социал-демократами, даже проведенного ими самими, когда они были министрами. Затем следует борьба против мароккской и против сирийской войны. И здесь также только коммунисты, в противоположность II Интернационалу, фактически вели борьбу внепарламентскими средствами, и когда Макдональд одобрением отправки английских войск в Китай высказался за интервенцию в Китае, опять-таки только коммунисты пытались путем летучих листов, воззваний внести разложение в английские войска и пропагандировать посредством демонстраций идеи интернационализма среди широких масс. То же самое можно сказать о разрыве отношений с СССР и покушениях на советских представителей за границей. Опять-таки, бесспорно, только Коммунистический Интернационал и его секции одни вели борьбу против войны, и они продолжают быть единственными, которые ведут борьбу под лозунгами: Защита китайской и русской революции! Превращение империалистической войны в гражданскую войну!

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Эти официальные данные самого Стального треста. Поэтому они и неправильны. Можно доказать, что участие Стального треста в угольном синдикате на 10% выше указанной цифры. Кроме того, в начале 1927 г. в Стальной трест вошли Шарлоттенхютте с ее заводами и Концерн Штумм. Таким образом, участие Стального треста в тяжелой промышленности сильно повысилось. Так как втягивание других заводов и промышленных объединений в Стальной трест все еще продолжается, то он (Стальной трест), вероятно, имеет в настоящее время уже абсолютное большинство акций целого ряда предприятий.

Кроме того, у Стального треста имеется заграничная промышленная собственность в виде горнозаводской, как, например, Бисмарххютте с ее множеством цехов; в Австрии Стальной трест контролирует фирму Альпина Монтан, кроме этого, он имеет в Швеции, Испании и Бразилии железные копи, а в Голландии сталелитейные заводы.

2. Для сравнения американского «Стального треста» с «Объединением стальной промышленности» мы приводим нижеследующую таблицу, взятую из «Франкфуртер Цейтунг» за 1926 год, № 578. Нужно отметить, что с тех пор «Объединение стальной промышленности» значительно выросло:

	Стальн. трест.	Объединение стальной промышл.
Добыча стали	17 000 000 т	9 000 000 т
Угольн. добыча	27 000 000 »	прибл 30 000 000 »
Добыча чугуна	13 000 000 »	7 700 000 »
Число рабочих	246 753 »	176 000 »
Число рабоч. жил. домов.	28 451 »	52 000 »
Доменные печи	123 »	63 »
Паровозы	1 483 »	411 »
Вагоны	62 144 »	10 000 »

3. Германский финансовый капитал держит в своих руках почти что все командные, правительственные высоты, имея в правительстве представителей своих интересов.

Вместе с сидящими в рейхстаге так называемыми «профессиональными» промышленниками, среди 493 депутатов имеется 77, т. е. 15% членов правления капиталистических предприятий. Нужно указать, что эти 77 человек занимают 307 таких правленческих постов. Германская национальная партия среди своих 111 депутатов имеет 15 членов правлений, занимающих эту должность в 44 предприятиях. Народная партия при 51 депутате, 17 членов правлений в 75 предприятиях. Партия центра при 69 депутатах, 13 членов правлений в 73 предприятиях. Демократы при 32 депутатах, 14 членов правления, 90 предприятий. Социал-демократы при 131 депутате, 9 членов правления, 13 предприятий. Правда, социал-демократы утверждают, что эти 10 занимают посты членов правления в общественных и полухозяйственных организациях («полухозяйственные организации» — это предприятия с участием частного и государствен-

ного капитала). Остальные трое являются членами правления рабочих организаций (предприятий).

Эти данные достояны, чтобы судить об этом смещении деловых капиталистических функций с высокой политикой, или, проще, о царстве финансовой олигархии и о действительном хакаре так называемой германской «демократии». Социальный слой, который числит за собою всего 1% населения, управляет правительством почти на все сто процентов и в значительной мере и рейхстагом.

4. На ряду с этими видами экспорта капитала за последнее время снова проявляется экспорт капитала в форме эмиссии заграничных ценных бумаг в Германии. В журнале «Виртшафтсдинст», № 28 за 1927 год, приведена интересная в этом отношении таблица (частью приведенных выше данных об экспорте капитала мы обязаны, помимо этой таблицы, также и работе А. Фридриха).

Эмиссия ценных бумаг в Германии.

	Всего в миллионах.	В том числе ино- странных ценных бумаг.
Среднее за кварт. 1907—1913	924	118
» » » 1924	201	—
1-й квартал 1925 года	559	2
2 » 1925 »	491	3
3 » 1925 »	312	2
4 » 1925 »	339	3
1 » 1926 »	542	7
2 » 1926 »	1046	8
3 » 1926 »	1146	16
4 » 1926 »	1144	36
1 » 1927 »	1745	23

Хотя по сравнению с довоенным временем эти цифры положительны, но все же повышающая тенденция несомненна.

5. Однако, хотя и неоспоримо, что главная предпосылка экспорта капитала—монополизация и увеличивающаяся связь промышленного и банкового капитала, принимающая форму финансового капитала—имеется в наличности и проявляется весьма сильно, что наблюдаются и известные тенденции к преодолению остальных слабых пунктов, тем не менее полное преодоление этой слабости совершенно немисливо без определенных предпосылок, относящихся к области мировой политики. Платежи, связанные с планом Дауэса, поглощают ежегодно 2 500 000 000 марок, что приблизительно равняется сумме капиталов, экспортировавшихся ежегодно до войны за границу. Таким образом слабость экспорта капитала является не столько органической, обоснованной экономическим базисом слабостью, сколько фактом, вызванным политическими средствами воздействия, которые применяли победившие государства для подавления германского капитала. То же самое можно сказать и о втором слабом пункте—недостаточном участии германского капитала в дележе мира, ибо это участие в дележе мира по своему существу является лишь последствием процесса монополизаций и развития крупных трестов. Экономический базис германского империализма сужен вследствие обеих указанных нами его слабых сторон. Однако это сужение экономического базиса объясняется не недостаточным развитием основного империалистического базиса, т. е. не недостаточным развитием монополий, а обстоятельствами, зависящими от ряда других причин. Предпосылка для общего сильного расширения экономического базиса империализма, именно экспорт капитала, соответствующий степени концентрации гер-

манского капитала, и участие в дележе мира — имеется налицо. Полному развертыванию общего экономического базиса империализма мешают не экономические причины, а политические влияния. Поэтому сужение германского империализма носит совершенно своеобразный характер. В силу этих особенностей возникает противоречие внутри самого экономического базиса, — противоречие между высоко развитым монополистическим базисом и его реальными проявлениями, которым инаследственно мешают развернуться, противоречие между экспортом капитала и участием германского капитализма в дележе мировой добычи. Это противоречие неизбежно выражается как в экономических, так и в политических формах.

Эта специфическая особенность германского империализма стоит в связи с той ступенью развития, которой ныне достиг международный империализм. Эта особенность отнюдь не является специфическим этапом одного лишь германского империализма. Хотя своеобразно, о котором мы говорим, вызвано давлением держав-победительниц, оно все же является лишь результатом того положения вещей, которое создал международный империализм вследствие общего сужения возможностей своего дальнейшего развития. (Война была выражением этой достигнутой империализмом ступени, а послевоенная эпоха была лишь дальнейшим развитием обозначившегося процесса.) Меры, принятые против германского империализма бывшими державами-победительницами, должны были гарантировать международному империализму широкие возможности развития путем исключения специфически германского империализма. Таким образом, сужение экономического базиса современного германского империализма есть лишь внешняя форма проявления того упадка, в период которого вступил международный империализм в момент мировой войны.

Однако на ряду с этой особенностью нового германского империализма, порождаемой определенным этапом развития международного империализма, германский империализм обнаруживает еще целый ряд своеобразный и противоречивый, связанных со свойственной ему и достигнутой им ступенью развития. Противоречия эти всегда обнаруживаются в империализме, лишь только процесс монополизации достигает определенной степени. Однако обостренность противоречий, проявляющихся в германском империализме несмотря на его колоссальное развитие за последние два года, указывает на то, что усиливающийся застой в империализме проявляется и в Германии в такой степени, какая была Nevada до войны.

6. Мы намеренно не доводим эту таблицу до августа 1927 года, так как начиная с августа 1926 года благоприятная внутренняя конъюнктура германского империализма должна проявиться в большем подъеме цен. Движение цен в 1926 году, т. е. в год кризиса, типично для ценоповышающего влияния монополий. Повышение цен во время благоприятной конъюнктуры не является столь типичным результатом далеко продвинувшейся монополизации.

7. На предыдущих страницах мы указывали, во-первых, что по окончании войны Германия потерпела крушение не только как империалистическое государство, но и как империалистическая хозяйственная организация; во-вторых, что в период инфляции осуществился новый процесс реорганизации, который, однако, как казалось, выполнил лишь одно из необходимых условий, являющихся предпосылкой империалистического базиса, — именно монополистическую концентрацию капитала; в-третьих, что и это предварительное условие было выполнено лишь инфляционистским, спекулятивным путем и империалистический характер экономического базиса германского империализма не был восстановлен; в-четвертых, что эти империалистические попытки реорганизации кончились в свою очередь полной неудачей благодаря инфляции. В отношении 1923 года и для эпохи Рурской борьбы все эти обстоятельства возымели следующие последствия (этой особой проблемы мы касаемся здесь лишь мимоходом):

1) Подобно тому как инфляционистская реорганизация германского капитала отнюдь не являлась империалистической реорганизацией, не осуществляла условий, необходимых для развития империализма и поэтому не могла найти себе соответствующего империалистического отражения в политике германского государства, точно также и Рурская борьба отнюдь не являлась империалистической борьбой германского капитала и германского государства.

2) Благодаря монополистической концентрации германского капитала в период инфляции, хотя концентрация эта и носила инфляционистский и спекулятивный характер, отдельные крупные тресты в эпоху Рурской борьбы обнаружили известные, но при этом совершенно специфические «империалистические» тенденции (лишь тенденции, а не характерные особенности). Однако эти тенденции не смогли придать Рурской борьбе характер империалистической борьбы.

3) Эти слабые тенденции могли бы придать Рурской борьбе империалистический характер лишь при наличии изменившихся, более благоприятных для германского капитала внешне-политических условий

4) Крушение Рурской борьбы начинается период реорганизации германского капитала и германского государства на империалистическом базисе. В этот момент также обозначился переход от отдельных монополистических тенденций к ярко выраженным монополистическим и вместе с тем империалистическим характерным особенностям германского капитализма. Эти обстоятельства придают Рурской борьбе совершенно своеобразный характер, выделяя ее из остальных уже упомянутых нами особенностей переходного периода нового германского империализма.

8. После того как фашистский переворот в Литве не привел к улучшению отношений между Литвой и Польшей и оказалось, что Вильна попрежнему остается яблоком раздора между обеими странами, намерения Польши аннексировать Литву или привести ее к повиновению с помощью нового финансируемого поляками восстания обнаружили с полной ясностью. Между германским и советским правительствами начался обмен мнений, Советская Россия адресовала Польше ноту по поводу ее угрожающих миру действий, и даже Лига Наций в конце 1927 года была вынуждена заняться этим вопросом. Но политика германского правительства сводится либо к тому, чтобы мешать польским планам, пока Польша ничего не хочет слышать об отмене «коридора», либо к тому, чтобы предоставить Польше свободу действий постольку, поскольку Польша и Лига Наций дадут гарантию разрешения вопроса о «коридоре» в более благоприятном для Германии смысле. Такого рода сделки автоматически превратили бы Германию во врага Советской России.

9. Но и прямая пропаганда против плана Дауза с каждым днем становится все сильнее и агрессивнее. В частности, тяжелая индустрия не отличается той сдержанностью, какую проявляет например «Magazin der Wirtschaft». «Германская горнопромышленная газета» не пропускает почти ни одной недели без того чтобы не печатать новых нападок на план Дауза и не давать германскому правительству соответствующих директив. Так, например, в номере от 4 февраля 1927 года она пишет:

«Вся наша внешняя политика должна теперь сводиться к тому, чтобы понизить чрезмерные платежи, связанные с планом Дауза».

Здесь мы уже видим агрессивность, которая не хочет выжидать, пока «зуб времени» сделает свою работу.

10. Такое движение заработной платы, столь сильно подчеркиваемое даже реформистами, продолжалось до первого квартала 1927 года. Только с этого момента обнаружилось изменение. Его можно видеть из таблицы, помещенной на стр. 158.

Итак, в июле месяце снова обозначилось более или менее заметное движение вверх, которое однако уже в сентябре опять сменилось понижением. Приходится предположить, что после борьбы за повышение заработной платы, имевшей место в октябре, и новых тарифных договоров, заключенных в течение октября и ноября, опять началось повышение. На-

Дата	Квалифицированный труд	Неквалифицированный труд	Реальная заработная плата	
			Квалифицированных рабочих	Неквалифицированных рабочих
1913 г.	35,15	23,41	35,15	23,41
3-й квартал 1926 г.	—	—	32,38	24,0
Январь 1927 г.	46,36	34,46	32,06	23,83
Июль	49,17	36,70	32,76	24,46
Август	49,07	36,34	33,48	24,99

пряженность первых схваток (например, на разработках бурого угля и в текстильной промышленности) некоторое время производила такое впечатление, как будто совершается резкий перелом не только в движении реальной заработной платы, но и во всем отношении рабочего класса к классовой борьбе. Но постыдная измена реформистов при последовавших переговорах о тарифах (как, например, в железной промышленности в декабре 1927 года) и согласие их на обязательные тарифы, действующие в течение целого года, окончательно сокрушили эту надежду, по крайней мере в отношении движения заработной платы. Реальная заработная плата, начиная с января 1928 года или, по крайней мере, с 1-го квартала 1928 года, неизбежно станет падать, и начнется старый процесс падения заработной платы — вплоть до момента заключения новых тарифных договоров.

11. Даже журнал «Magazin der Wirtschaft» в августе 1927 года должен был признать, что даже в период высокой конъюнктуры, которую переживал германский капитализм до осени 1927 года и высочайшая точка которого была пройдена уже в августе — сентябре, на улице оказалось 900 000 рабочих, — несмотря на все уверения об уменьшающейся безработице (при исчислении этой цифры рабочие, работающие неполный день, сосчитаны как 50 000 безработных). Эти цифры, по сравнению с цифрами благоприятных конъюнктурных периодов в довоенную эпоху, чрезвычайно показательны. В этот период блестящей конъюнктуры наименьшая цифра безработных первого ноября 1927 года составляла около 620 000 человек, включая сюда и рабочих, работающих неполный день. 15 ноября безработица снова усилилась, и в конце декабря число безработных дошло по меньшей мере до 900 000.

12. Это утверждение мы можем теперь доказать цифрами. Под рабочей аристократией мы понимаем такие слои рабочих, которые, с одной стороны, получают гораздо большую заработную плату, чем широкие массы рабочих, а с другой стороны — обнаруживают более резкое различие между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, чем это имеет место в других категориях труда. Отношение заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих иллюстрирует следующая таблица:

Г о д ы	Средняя реальная зарплата		Разница в проц.
	Квалифицир. рабоч.	Неквалифицир. цир. раб.	
1913 г.	35,15	23,41	33,4
1-й квартал 1924 г.	23,25	18,46	20,6
1-й » 1925 »	29,01	21,63	25,5

(В основу этой таблицы положена приведенная нами выше средняя реальная заработная плата.)

13. а) В декабре 1927 года эти планы привели к «кампании экономии», начатой главными экономическими объединениями, которые потребовали сокращения всех общественных расходов автономных областей, коммун и Германской республики (следовательно, прежде всего всех расходов на социальные цели), энергичного сокращения числа государственных чиновников и предоставления имперскому министру финансов чрезвычайно широких полномочий. От требований «Немецкой газеты горной промышленности» эта программа отличается только более вежливой и осторожной формой.

б) В общем и целом новый закон отменяет восьмичасовой рабочий день для следующих категорий:

Для рабочих, занятых в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и животноводстве, на рыбных ловлях, в морском и речном судоходстве, в воздухоплавании, в домашнем хозяйстве и в кустарных промыслах. Отмена распространяется на чиновников имперских железных дорог, имперского банка, провинциальных самоуправлений и общин, а также «в случаях необходимости» на рабочих и служащих предприятий, принадлежащих этим последним организациям. Закон о восьмичасовом рабочем дне отменяется также для работников научных, образовательных, врачебных, религиозных и нравственно-воспитательных учреждений и для всего персонала, занятого на транспорте.

Но капитал не довольствуется отменой восьмичасового рабочего дня даже для столь многочисленного слоя рабочих. Он стремится вообще дать возможность любому работодателю фактически отменить восьмичасовой рабочий день. Этой цели служат следующие правила. § 11 закона гласит:

«При работах, по своему характеру требующих непрерывности, недельное рабочее время, со включением воскресных работ, составляет 56 часов. Удлинение 56-часовой рабочей недели допускается, при условии согласия на то рабочих и в исключительных случаях, в работах подготовительного и дополнительного характера».

В § 57 говорится:

«Предписания закона об охране труда... могут быть отменены, по распоряжению имперского правительства... в случае войны или других событий, угрожающих безопасности страны. Событиями, угрожающими безопасности страны, считаются кризисы, столь сильно потрясające германское народное хозяйство, что население рискует остаться без средств к существованию».

Смысл этих правил настолько ясен, что они совершенно не нуждаются в комментариях. При наличии подобного закона кажется даже несколько странным, что удлинение рабочего времени, начавшееся после 1924 года, достигло еще столь незначительных размеров (впрочем, процесс этот только-что начинается):

1-й квартал 1926 г.	33,10	24,51	25,8
3-й » 1926 г.	32,38	24,0	25,88
Январь 1927 г.	32,06	23,83	25,7
Июль 1927 г.	32,78	24,46	25,37
Сентябрь 1927 г.	33,32	24,90	25,31
Октябрь 1927 г.	—	—	25,13

Итак, начиная с 3-го квартала 1926 года, когда различие между обеими категориями достигло наивысших размеров за все послевоенное время, обозначается снова тенденция к его уменьшению. Тенденция эта продолжается до октября 1927 года, и нет решительно никаких оснований думать, что после этого момента обнаружилась противоположная тенденция. Здесь ясно видны последствия рационализации, концентрации германского капитала и своеобразий нового германского империализма.

Тенденция эта станет нам еще яснее, если мы возьмем некоторые отдельные категории рабочих и проведем сравнение с декабрем 1925 года. Уменьшение различия заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих предстанет тогда перед нами в следующих цифрах:

К а т е г о р и и	Недельная зарплата в октябре 1927 г.		Процентное в отно- жении к ок- тябрю 1927 г.	Процентное отно- шение к де- кабрю 1925 г.	Плюс или минус
	Квалиф.	Неквали- фиц.			
Горнорабочие	54	38,04	29,5	33,5	— 4
Металлисты	47,97	33,31	30,5	32,5	— 2
Химики	44,30	37,34	15,7	15,5	— 0,2
Раб. бум. фабр.	36,05	32,40	10,1	10,1	—
Текстильщики (мужч.) .	32,12	28,13	15	17,7	— 2,7
Рабочие на разработках бурого угля	33,44	30,42	8,5	9,9	— 1,4

В заключение мы покажем, в какой мере исчисленная журналом «Wirtschaft und Statistik» общая средняя заработная плата характерна для отдельных наиболее важных категорий германских рабочих. Из этих цифр выясняется абсолютная высота заработной платы различных категорий, показывающая, что к рабочей аристократии приходится причислить лишь квалифицированных горнорабочих и, пожалуй, часть квалифицированных металлостов. Но в то же время именно среди этих обеих категорий резко всего проявляется тенденция к уменьшению различия между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, а это значит, что положение рабочей аристократии постепенно ухудшается.

К а т е г о р и и	Средняя недельная зарплата (номинальная). Октябрь		В процентах к средней заработной плате	
	Квалиф. 49,27	Неквал. 36,84	Квали- фицир.	Неквали- фицир.
Рабочие угольной промышлен- ности	54	38,04	9,6	3,2
Металлисты	47,97	33,31	2,7	7,5
Химики	44,20	37,34	10,3	1,3
Рабочие бум. пром.	36,05	32,40	26,9	12,0
Текстильщики (мужчины) .	33,12	28,13	32,7	23,7
Рабочие на разработках бу- рого угля	33,44	30,42	32,1	17,6

Внимательное изучение этого цифрового материала доказывает правильность нашего утверждения, что рабочая аристократия постепенно исчезает и что основные тенденции нового германского империализма в этом отношении противоположны тенденциям довоенного времени. (Недо-

статок места не позволяет нам более подробно осветить весь имеющийся у нас материал. Приведенные нами цифры служат только доказательством того, что в этом пункте наше мнение достаточно обосновано.)

14. Подтверждением ее является и отношение германской социал-демократии к предложениям о разоружении, сделанным Советским Союзом на ноябрьской сессии Лиги Наций (1927 г.). В этом случае социал-демократы действовали совершенно так же, как и империалисты, и шли наперекор даже целому ряду буржуазных пацифистов.

15. В упомянутом сочинении он провозглашает борьбу против большевистского «деспотизма», как «важнейшую обязанность всего международного пролетариата», приписывает большевизму «только контр-революционные функции», рисует перспективы войны с Россией и возможных при этом поражений, на которых и основывает свои ожидания вооруженных восстаний против советской власти. Поэтому, согласно Каутскому,

«было бы роковым, если бы наш Интернационал, основываясь на отрицании вооруженных путей против большевизма, заранее осудил всякое восстание против него, как контр-революционный акт, и запретил бы своим сочленам, живущим в России, принимать участие в таком восстании».

Наоборот, говорит Каутский, именно опасность, что в подобном восстании руководство может перейти к «реакционным элементам», делает необходимым,

«чтобы социал-демократы, отнюдь не саботируя восстания, всеми силами постарались приобрести решающее влияние в нем».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие — А. Таллеймера	3
Введение: Общие соображения по поводу постановки вопроса .	13
I. Экономический базис нового немецкого империализма	17
А. Первая предпосылка: монополизация	—
В. Вторая предпосылка: финансовый капитал	29
С. Третья предпосылка: финансовая олигархия	31
D. Четвертая предпосылка: развитие международных монопольных союзов	33
E. Пятая предпосылка: экспорт капитала	38
F. Шестая предпосылка: участие в дележе мира	40
G. Характер экономического базиса немецкого империализма	41
II. Отражение экономического базиса в новой политике немецкого капитала	51
А. Оковы немецкого империализма	—
В. Новая ориентация внешней политики Германии	56
1. Торговля и таможенная политика	—
2. Использование Локарно, Берлинский договор, Туари, Лига Наций	60
3. Осуществление новой внешней политики Германии . .	63
а) Борьба с военным контролем и ограничением вооружения вообще	65
b) Вопрос об исправлении границ	68
c) Борьба за колонии	71
d) Борьба против плана Дауэса	73
С. Империалистический характер немецкой внешней политики	75
D. Порождающий противоречия характер нового немецкого империализма	80
III. Классы, социальные слои и новый немецкий империализм	95
А. Капиталистические слои и империализм	96
В. Антиимпериалистические классы и группы и новый немецкий империализм	100
1. Мелкая буржуазия и новый немецкий империализм . .	—
2. Мелкое крестьянство	103
3. Новый немецкий империализм и рабочий класс	105
С. Внутренняя политика нового немецкого империализма . .	112
D. Перспективы развития немецкой внутренней политики . .	115
а) По отношению к мелкой буржуазии	—
b) По отношению к рабочим	116

	Стр.
IV. Отношение II Интернационала и немецкой социал-демократии к империализму вообще и к новому немецкому империализму послевоенной эпохи в частности	121
А. II Интернационал, немецкая социал-демократия и послевоенный империализм	122
В. Социал-демократия и новый немецкий империализм	134
V. Военная опасность и борьба с нею	142
А. Военная опасность	—
В. II Интернационал и империалистическая война	143
С. Революционная борьба, направленная против военной опасности и войны	149
Примечания	154
